

Белая СКАЛА

2025 • 3 (32) ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

В номере:

- ПРОЗА
- ПОЭЗИЯ
- КЛАДОВАЯ МАСТЕРА
- ГОСТЬ ЖУРНАЛА
- ЗАГАДКИ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ
- ЭХО ФЕСТИВАЛЯ
- ПУБЛИЦИСТИКА



РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Борисова Ольга Михайловна (г. Самара, Россия). Руководитель Самарской региональной организации Российского Союза профессиональных литераторов, гл. редактор литературно-художественного альманаха «Параллели».

Воронин Дмитрий Павлович (г. Калининград, Россия). Член Союза писателей России, Конгресса литераторов Украины. Член редколлегии калининградского литературного журнала «Балтика».

Галамага Андрей Аркадьевич (г. Москва, Россия). Член Союза писателей России. Дважды (2007, 2012) лауреат международного фестиваля «Пушкин в Британии». Лауреат фестиваля «Русские мифы» в Черногории (2013). Обладатель Гран-при 1-го литературного фестиваля «Интеллигентный сезон» в г. Саки, Крым (2015).

Звонарёва Лола Уткировна (г. Москва, Россия). Секретарь Союза писателей Москвы, доктор исторических наук, главный редактор международного альманаха «Литературные знакомства».

Ерменкова Наталья Михайловна (г. София, Болгария). Председатель Союза русскоязычных писателей Болгарии, член Союза болгарских писателей, член Петровской академии наук и искусств, член Славянской литературной и артистической академии, член Союза болгарских журналистов.

Кузичкин Сергей Николаевич (г. Красноярск, Россия). Член Союза писателей России. Редактор альманаха прозы, поэзии и публицистики «Новый Енисейский литератор», детского журнала «Енисейка».

Ломтев Александр Алексеевич (г. Саров Нижегородской области, Россия). Заместитель председателя правления Нижегородской областной организации Союза писателей России, заместитель главного редактора газеты «Саровская пустынь», член Союза журналистов России.

Сафронова Елена Валентиновна (г. Рязань, Россия). Редактор рубрики «Проза, критика, публицистика» литературного журнала Союза писателей Москвы «Кольцо А», член Русского ПЕН-клуба, Союза писателей Москвы, Союза российских писателей.

Шемшученко Владимир Иванович (г. Всеволожск Ленинградской области, Россия). Член Союза писателей России, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, специальный корреспондент «Литературной газеты».



г. Симферополь

ПРЕДИСЛОВИЕ

Такая стоит за окнами осень, что хочется бежать из дома, чтобы окунуться в это желто-багряно-призрачное безумие, надышаться чистой прохладой воздуха и не думать о том, что через одну-две недели это чудо растает в первых холодах и станет невидимым. Вот и я в один из таких легких и светлых дней оказалась-таки в осеннем лесу и наткнулась там на избушку Бабы Яги. Посидели мы с ней, поболтали за жизнь да за погоду. И знаете, о чем я думала, возвращаясь по лесной тропинке домой? А ведь никакая она не злодейка, эта самая Яга. Ну сами посудите, ведь ни в одной сказке никого она не съела, зажавив в своей печи.

Наоборот, её все только и обманывали, а один добрый молодец её же в ту печь чуть саму не засунул! Да сами посудите, разве можно быть злобной старухой, прожив триста лет среди такой красоты? Я вообще не удивлюсь, если она и стихи пишет, и сказки сочиняет, и песенки поёт. Особенно вот в эту пору осеннюю, которая многих вдохновляет на создание поэтических шедевров — сколько их в нашей литературе, не перечислить! Таких нежно-печальных, как, например, у Ларисы Неводинчик из Сибири и у многих других наших замечательных авторов, с которыми вы вот-вот встретитесь на страницах третьего номера «Белой скалы».

А начнет наш осенний парад литературных талантов Александр Андрюхин. Читаешь его стихи и думаешь: вот такими и должны быть стихи о войне, точными, как выстрел, и каждое слово, как солдат в строю. Учимся у Мастера. А сразу за ним — пронзительная нежность строк Светланы Алениковой. Щемит сердце от этой нежности, и слезы ручьём... Сами почитайте.

Уже знакомый нам автор Валерий Сухов из Пензы, мой коллега, редактор замечательного журнала «Сура», на этот раз прислал свой триптих, посвященный Владимиру Высоцкому. Настоящий поэт о настоящем поэте — это всегда интересно, глубоко, поучительно.

О звездах простой человеческой доброты, сочувствия и милосердия простых людей размышляет Марина Воронцова. От них порой зависит человеческая жизнь. А Наталья Меркушова — все о той же доброте, о том, чего стоит бояться и чему радоваться, о том, чем наполнен мир вокруг нас, и чем мы, каждый из нас, можем наполнить его:

Деревья повалены бурей навечно...
Но поросль пробилась! Растёт!
И жизнь у деревьев, и жизнь человечья —
Извечно паденье и взлёт.

А дальше Надя Красовская, писательница из Тюмени, с рассказами для детей, которые писать трудно — кто пробовал, тот знает. Но у неё, кажется, получается.



Получается и у Марины Ермаковой раскрывать душу в прекрасных стихах, ведь поэт российский — человек без кожи...

Маленькие по количеству строк, но такие большие по смыслу рассказы Сергея Абакумова, а всё потому, что они о неведомом, восхитительном, необъятном чувстве — любви. А еще о совести и сострадании. И вторит ему Сергей Филатов, хотя и по-своему, с какой-то другой стороны заходит в тему, а все о том же — о сострадании.

Тему доброты и человечности продолжает и Дмитрий Дарин в своих мастерски написанных рассказах о жизни, о взрослых и детях, о котах и конях.

Впервые на наших страницах, также, как и рассказы Д. Дарина, стихи Александра Настасина. Хочется надеяться, что они станут нашими добрыми друзьями и еще не раз порадают читателей своими произведениями.

Прочитаете рассказы Екатерины Воробьевой и задумаетесь: для кого же писаны? Для детей или для нас, умных взрослых? А я вот думаю — для всех. А для взрослых — в первую очередь. Потому что забывать, что даже у веника банного есть душа, не говоря уже о лесных жителях — никому не следует. Потому что

У Вселенной глаза бездонные,
Прозорливые, вездесущие.
Как проёмы глядят оконные
Из стены между прошлым и будущим.

Так-то, не забывайте, на глазах у Вселенной живем, напоминает Елена Гусева.

А наш частый гость из Америки Марк Верховский — о любви. Ну, знаем мы, знаем, что она разная бывает. И такая тоже. И Якова Шафрана мы знаем давно, но каждая его публикация — это новые темы, новые мысли, новые сюжеты. Интересен и очень не прост мир образов Сергея Шилкина, от читателя требует вдумчивости и неторопливости, с налёта и не разберешься (одних сносок сколько!)

А следом идут стихи Натальи Смехачевой — вот где всё так близко и понятно, и так раскрывается, будто всегда в душе и жило. И героиня Майи Сиволобовой, мать новоиспеченная — нам ли, девочки, не понять этих тайных путей, в которых и рождается, и проклевывается в тебе блаженное осознание себя этой самой матерью! Ой, как вспомнишь...

С глубоким уважением отношусь вообще к сибирякам, жителям сельской глубинки, а к творчеству Владимира Добротворского, известного в Кузбассе поэта — с особым уважением за прямоту, открытость его стихов и за уважение к слову, которым он умеет так честно рассказать об искренней любви к родной земле.

И снова о любви. Уверена, что, прочитав рассказ «Капля», вы, как и я, останетесь навеки благодарны Леониду Нетребо за эту чистую каплю чего-то очень настоящего. Настоящего горя, настоящей любви, настоящей мужской воли и настоящей душевной силы, которая нашла-таки выход из смерти в жизнь, да еще и счастье подарить маленькому одинокому человечку. Спасибо за рассказ.

В стихах бывает всякое, поверь.
Там лето может встретиться с зимой.
Там люди говорят не через дверь,
Когда судьба встречается с судьбой.

И это правда, в стихах бывает всякое, как у Натальи Окенчиц. И в этой её замечательной поэтической подборке есть много всякого, читаем и радуемся находкам прекрасного автора.

Ну, а дальше шествует рассказ Мурата Кулатаева о человеке... каком? А никак. Проживает жизнь пустую, бессмысленную, понимает это, но силы к сопротивлению выныривают на поверхность лишь после обильного возлияния. Надо ли писать о таком, о таких? Не знаю. Я бы время не тратила.

Я бы лучше фотокамеру на плечо — и в поход по родному краю, как это делает Елена Яковлева из крымского городка Саки! Загляните в Кладовую мастера — и это ведь только самый краешек её фототворчества. Познакомиться поближе с автором этих снимков и замечательных красочных постов о Крыме вы можете, побывав на её странице Вконтакте. Очень рекомендую! Лично я там зависаю надолго, а хочется — навсегда.

А в рубрике «Гость журнала» вас ждет удивительная встреча с писателем из г. Калач Воронежской области Ириной Соляной. Её удивительные сказы читаются душой и полностью подтверждают творческий девиз Ирины: «Я не могу изменить этот мир, но я могу о нём рассказать». С Богом, дорогой человек, на радость всем любящим русскую историю и русский язык.

Андрей Дмитрук, не устающий разгадывать загадки тысячелетий, сегодня посвящает свои работы «сказочнику странному» Александру Грину, увлекая за собой в аналитические глубины исследования его удивительного, «объемного и многоликого» творчества.

На дворе почти середина осени, но в душе еще звучат отголоски почти середины лета, звучат талантливыми голосами участников Всероссийского международного литературно-музыкального фестиваля «Седьмое небо», который в седьмой раз состоялся в крымской Николаевке. Как и всегда, мы публикуем произведения победителей и лауреатов фестиваля, а открывает эту рубрику чарующий мир поэзии Ариоллы Милодан — бесспорной обладательницы Гран-При нашего фестиваля. Вы не поверите, но когда председатель жюри Марина Полякова спросила у участников, как вы думаете, кто сегодня получит главный приз — зал хором произнес её имя! А это дорогого стоит!

В разделе публицистики вас ждет Наталья Иванова-Харина со статьей об ужасах фашистских лагерей, выпавших на долю их узников, о судьбах реальных людей, выживших и рассказавших миру эту страшную правду.

Красиво и очень профессионально завершает третий номер нашего журнала научно-исследовательская работа историка, музееведа Ирины Ягнур о литературном воплощении в повести Сергеева-Ценского образа русского вице-адмирала П.С. Нахимова.

Очаровывает очи осень — вдохновительница поэтов и художников. Посиживает у окна да чаёк крапивный попивает в своей знаменитой избушке смешная старушка Баба Яга в дальнем лесу. Сопит под ёлкой ёжик. Идут друг за другом дожди. Готовится к зиме наш живой, добрый и сказочно прекрасный мир. Предлагаю его беречь и воспевать. Договорились?

Всегда ваша Марина Трусевич

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА



Александр АНДРЮХИН,
г. Москва

Александр Андрюхин, российский поэт, писатель и журналист. Спецкор газет «Известия» и «Культура». Выпускник двух факультетов (поэзия и проза) Литературного института им. Горького. Автор 13-ти книг стихов и 20 романов, а также сборника фантастических рассказов и повестей, которые широко издавались как в России, так и за рубежом. Лауреат множество литературных и журналистских премий, в том числе национальной премии «Искра».

СКОРОСТНОЙ РЕЖИМ

Как же достали дорожные штрафы!
Стоит лишь влиться в движение машин —
в личку летит, как на крыльях люфтваффе,
что скоростной превышаю режим.

— Кто вы такие? — ГАИ вопрошаю, —
боги ли, судьи, опричники дня?
Это, инспектор, не я превышаю,
это душа так уносит меня.

Сколько веков скоростей этих ждали,
сколько кричали прогрессу «виват».
Если так сзади бездарно отстали,
это не значит, что я виноват.

Кто ограничил с убожеством вражьем
наши порывы пуститься в полет?
Как вы режимом своим черепашьим
нас задолбали, летящих вперёд!

САНИТАР

Дмитрию Черепку, герою СВО

Он хотел петь песни, а пришлось
раненых вытаскивать из боя —
ползать от отбоя до отбоя,
ну а с пеньем как-то не срослось.

Уходя за ленту, думал он
петь бойцам о чем-то очень светлом,
но война — не грёзы о заветном,
не гитар лирический трезвон.

Кровь и грязь, и трупный смрад в полях,
взрывы, вопли, чьи-то ноги в небе
и тела кровавые в укрепе,
и скулящий о пощаде лях.

Не до песен! Не до куража!
В этом пекле, в этой тьме угарной
доползти бы с сумкой санитарной
до бойца, а там — до блиндажа.

Впору бы завывать, но только страх
скулы свел. Враги от злобы воют.
Минометы бьют, и арты кроют,
в небе дроны, чернозём в глазах.

Вот в окоп десятый втащен. Вот,
кажется, очнулся, — бел от боли.
А наш медик вновь ползёт по полю —
гром, разрыв... и свет уже не тот...

Так и сгинул, ничего не спев,
сослуживцам с простотой сердечной.
Может, там, за белой дымкой Млечной,
пенье задушевное — не блеф?

Может, там, в далеких небесах
с песней у него верней сложилось?
Здесь же проверяется на вшивость
род людской, чтоб взвесить на весах.

СЕВАСТОПОЛЬ

Ночь над бухтой, звёзды... Лунный лучик
в душном доме спит на потолке.
Стол, свеча, угрюмый подпоручик,
что-то пишет в мятном дневнике.

Трупный запах, гарь, в телегах стоны —
это брАтки мрут под каланчой.
Завтра новый штурм. На бастионы
враг полезет красной саранчой.

Город спит. Узор на небе вышит.
«Как не скорбно мне осознавать,
пишет офицер, — но смерть уж дышит
мне в лицо и завтра умирать.

За царя, за веру... к черту веру!
Утром ждёт разбитый бастион,
Шквал огня, вонь пороха и серы,
и усыпанный телами склон.

Взрывы, вопли, мысли о жестоком,
горы трупов, гром, оглохший слух
— всё смешается под Божьим оком:
храбрость, трусость, злоба, стойкий дух.

Человек, на что в своем беспутстве
перед Богом будешь уповать?
Лишь в одном ты преуспел искусстве,
и искусство это — убивать».

Ночь прохладу льет за потный ворот,
полночь бьёт, накатывает дрём.
«Не уверен, что удержим город.
Но уверен, с честью мы умрём».

Стол, свеча, затёкший позвоночник.
Волны в бухте шепчутся с листвой.
— Спать, — шепнул угрюмый полуночник
и поставил подпись: «Лев Толстой».

С ИЗВЕЧНОЙ ВИНОЙ

Жить с вином веселей, чем, допустим, с виной,
а с виной — не совсем это с мордой свиной:
это с тяжестью в сердце и с болью в душе,
что ни ночью, ни днём не проходят уже.

Прошлых жизней нам помнить, увы, не дано,
мы не помним то зло, что чинили давно,
и не помним ту грязь, по которой мы шли,
как валялись в помоях в какой-то глуши.

Мы не помним ту кровь, что лилась, как вода,
как невинных губили, шутя, без суда,
доводили святых до сумы и тюрьмы
и сирот обирали... И это всё мы.

Мы не помним разгулы бесовских страстей,
что нас поедом ели до самых костей.
Нашу память подтёрли, подпудрили грязь,
чтоб в разумное верили здесь и сейчас.

Чтобы с легкой душой проживали года,
чтобы нас не гнобили грехи за тогда,
но когда в некий час все заботы умрут,
снова боль приползёт и обхватит, как спрут.

Завизжим, завопим — то не мы, это ложь!
Только совесть стенаньям не верит ни в грош,
ибо совесть не знает забвенья в вине,
а вся истина кроется в прошлой вине.

Вот зачем одноразовым стал человек,
вот зачем одноразовым сделался век.
Мы пускаемся в похоть, разгулы и пляс,
развернись же, душа, ведь живём только раз!

В утешение райский придумали сад,
что сулит нам за праведность кучу усад.
Нас дурачит весельем хмельным Дионис,
чтобы боль заглушить, что висит как карниз.

О закройте нам веки, сотрите под ноль
нашу память о прошлом, в которой лишь боль!
Можно петь, можно пить безутешно, как Ной,
лучше с мордой свиной, чем с извечной виной.

ТА, РОКОВАЯ

Когда с раздраженьем бросаю в тебя
обидное что-то, как камешки в море,
я знаю, что в эту минуту на горе
готовит ответную боль мне судьба.

Ты сносишь безмолвно, как будто во сне,
и грубость мою, и мое недоверье.
Но если я в бешенстве хлопаю дверью,
то знаю — вернется всё сторицей мне.

Расплата грядёт, белозубо слепя,
с любовью в глазах и невинной улыбкой,
и талия будет безжалостно гибкой,
и бедра круты, как и месть за тебя.

О, явится та, роковая! На нить
нанижет рассудок и сердце изрубит,
блеснёт и подразнит, но вряд ли полюбит:
она не любить ведь придёт — отомстить.

И все те обиды, что вынесла ты,
уже на меня перейдут в назиданье
заоблачным душам, не знавшим страданья,
но знавшим болото земной суеты.

Ты молча умеешь обиды сносить,
и в том твоя сила, как это ни вздорно.
Смогу ли я также снести их покорно
от той, роковой, что придёт отомстить?

ОПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ЗНАК

Когда-то, помнишь, мы плутали
с тобой по ветреной Москве,
стихами встречных осыпали,
тонув то в лужах, то в листве.
Нам чувства вечными казались
при свете звёзд и встречных фар,
и локотки у нас касались,
и падал свет на тротуар.

С тех пор, как жизнь нас разлучила,
я разлюбил в ночи гулять.
Стихи свои пишу вполсилы —
их стало некому читать.
Теперь я вечно пребываю
в печали и в мирских грехах.
На мир фонарный уповаю,
что был замешан на стихах.

И тешусь тем, что обвенчали
с тобой ночные фонари.
Ты утоли мои печали,
когда мы встретимся в дали —
в чужих мирах, в чужих пространствах,
куда допущен будет всяк.
Стихи нам будут в тех убранствах —
опознавательный наш знак.

ТЕНИ

Когда супруги, набравшись
под звон летающих тарелок,
уснули детворе на радость
и всем соседям за стеной,
от тел их спящих оторвались
две деликатнейшие тени
и, взявшись за руки, сквозь стену
прошли и встали под луной.

— Прости, что грубым был, — сказала
мужская тень, — и даже волю
давал рукам. Таков хозяин —
ему я должен подражать.
Когда умрет он, и смогу я
от плоти больше не зависеть,
клянусь луной, что от меня ты
одну лишь ласку будешь знать.

— И ты прости меня за низость
моей хозяйки, — тень другая
произнесла, смахнув слезинку,
что проблеснула, как слюда. —
Когда отпустят нас на волю,
и мы взлетим с тобою к небу,
давай не будем опускаться
до этих чудищ никогда.

— Да-да, конечно, безусловно, —
мужчина выдохнул и плечи
своей супруги утонченной
осыпал лаской без числа.
Так ночь прошла. А утром тени
с лучами утреннего солнца
с уныньем каждая покорно
к своей утробе поползла.

МЕЖДУ КОЛЕН

В темном метро электричка летит,
женщина дремлет по имени эн.
Вниз лепестками небрежно висит
роза, зажатая между колен.

Раннее утро, пустынный вагон,
смена окончена, сон-полисмен
на смерть вцепился, поставив на кон
ставку, зажатую между колен.

Сумка в руках, два пакета, рюкзак,
сонные кудри колышет травой.
Всё как обычно, но вот странный знак —
роза, висящая вниз головой.

Дома ждут дети, их нужно кормить,
в школу вести, и уборку начать...
«Разве поспишь? Ведь припрётся, как пить,
бывший супругник права покачать».

Веки слипаются. Грубый сигнал
дал машинист и утих, как почил.
«Как про день ангела зам разузнал? —
Розу при всех, не стесняясь, всучил.

Тоже мне рыцарь! А если, а вдруг
глаз положил?», — улыбнулась во сне
женщина, всё озаряя вокруг,
щёку пристроив к дрожащей стене.

Поезд несётся, в заботы несёт,
в быт и рутину, в обыденность, в тлен.
Только вот роза, она упадёт
или удержится между колен?

МОЙ ГАРЕМ

О, эта дама моего гарема
и эта дева, что звезда Гомера,
и та, с детьми, катящая коляску,
и та, с улыбкой блеклой на устах.
Я узнаю их в сутолоке серой.
О как же много стало в них печали!
А ведь они когда-то пребывали
в роскошном месте в сказочных садах.

Всё это было на другой планете,
которую я вылепил из пыли,
влил океаны и дворцы воздвигнул,
разбил сады и насадил цветы.
Там девы были — краше не бывает,
я собирал их сам по всей вселенной,
чтоб мой гарем прославился как вечный
и славный дом любви и красоты.

Среди цветов, фонтанов, чистых храмов
там счастливы все были, и сиянье
рассветов и закатов дополняли
улыбки дев, глаза их и уста.
При виде них у путников смягчались
сердца и искалеченные души
в божественное что-то превращались,
ведь души лечит только красота.

Но час пробил, явился старец в нимбе
и произнес с укором:
— Всё сияешь?
Блаженствуешь в кругу своих красавиц?
А мир внизу померк от темноты!
Повсюду злоба, грубость и лукавство,
и ближних поедание — как яство.
Мир потому и болен, что не видит
целительную силу красоты.

Я распустил гарем, дворцы разрушил...
Зачем они, когда своих прелестниц
я отпустил в угрюмый мир с надеждой,
что красотой они возвысят дух?
Теперь встречаю их таких усталых,
таких поблекших, вымотанных, вялых...
Я их спустил сюда, чтоб мир улучшить,
а мир безбожно превратил их в шлюх.



Светлана АЛЕНИКОВА,
пос. Зуя, Крым

Лауреат I степени I Республиканского поэтического фестиваля-конкурса «Поэты Крыма». Диплом гран-при Республиканского фестиваля-конкурса поэтов и композиторов Крыма «Вдохновение». Лауреат II степени Всекрымского фестиваля-конкурса гражданского достоинства «ZOV РОДИНЫ». Второе место во Всероссийском конкурсе творческих работ «Памяти героев верны». Лауреат Первого Всероссийского фестиваля патриотической авторской песни и поэзии «Под флагом России». Гран-при 22-го Международного поэтического фестиваля «Пристань менестрелей».

Из цикла «Мальчики, мальчики...»

Я ВЕРНУСЬ

Мама, я здесь временно, не плачь.
Помолись в распахнутое небо.
Над полями тот же лунный мяч,
Где-то пахнет дымом, а не хлебом.

Россыпь звёзд, как крошки изо льда,
Их сиянье непоколебимо.
Даже здесь слышна твоя мольба:
Только возвращайся невредимым!

Даже здесь я слышу шёпот твой:
Господи, храни себя, сыночек!
Я вернусь. Но долг путь домой,
Как и эти мартовские ночи.

Я вернусь, чтоб сеять и пахать,
Я вернусь увидеть Крым цветущим.
Я вернусь. Ведь ты умеешь ждать.
Значит, я — живее всех живущих.

Значит, первая из перечня задач —
Всех обнять. И постоять в молчанье...
Мама, я здесь временно, не плачь.
Всё. Приказ. Уходим на задание.

МАЛЬЧИКИ

Мальчики, мальчики... эта зима
Запомнилась жутким холодом.
Нет, отопление было в домах,
Скованно сердце. Исколото
Иглами-сводками каждого дня,
Словами чужими, военными —
Удары. Ракеты. Танки. Броня.
Обстрелы. Обмены пленными.

Мальчики, мальчики... эта весна
Страх принесла в саквояже.
Нет, всё цвело, посыпалось от сна,
Но в цвете одном — камуфляжа.

Мальчики, мальчики... август минул.
Тёплый и звёздный, как прежде.
Нет. Не затих от снарядов гул.
Скованно сердце по-прежнему.

Мальчики, мальчики... осень в полях,
Колет стерня сиротливо.
В храмах молитвы о сыновьях —
Только бы были живы.

Мальчики, мальчики... скоро снега,
Будем мы сеять озимые.
Только вернитесь к своим берегам,
Мальчики наши любимые.

ПЕПЕЛ ГЛАЗ

Что такого ты видел, сынок,
В этом страшном горниле пекла?
У тебя побелел висок,
И глаза стали цвета пепла.

Цвета пепла... ну, как же так?
В них всегда отражалось небо,
Полотно васильковых рубаш,
Лён цветущий. И где б ты не был

От улыбки и блеска в глазах
Даже камни делались мягче,
И на синих-синих волнах
Солнце прыгало словно мячик.
Словно синяя русская гжель,
В твоём взгляде всегда плескалась...

У войны своя акварель.
Пепел глаз или крови алость.

МЫ БУДЕМ ЖИТЬ

Когда-то здесь росла пшеница.
Теперь — всё травы разнотравьем.
Зерно здесь больше не родится.
Рожать не может поле боя.
Здесь сеет смерть рукой костлявой
Свинец для сбора урожая,
И влагой пенисто-кровавой
Земля напоена до края.
Здесь не летают даже птицы,
Здесь шли в атаку, веря в Бога,
По полю, где росла пшеница,
Друзья Андрюха и Серёга.

Друзья Андрюха и Серёга
Ушли на утренней зарнице,
Успев до взрыва рокового,
Обнять несжатую пшеницу,
И вспомнить батину краюху,
И слёзы мамы у порога.
— Не подведи, смотри, Андрюха!
— Служи, как надобно, Серёга!
И днём, и ночью были рядом,
И полегли на поле боя.
А в две семьи пришли награды.
Посмертно. Две звезды героя.

О! Русь моя! Что б ты дышала,
Чтобы тебя снега поили,
Чтобы земля хлеба рожала,
Мы будем жить, как парни жили.

МОЯ КОНОПАТКА

Мам! Петька меня рыжухой дразнит!
Мам! Петька опять тетрадку порвал!
Столько кругом девчонок разных,
Что он ко мне, конопатой, пристал?

Мама, можно сегодня чуть позже
Я подойду? Мы в кино собрались.
Пётр до калитки проводит, можно?
Ты не волнуйся, пораньше ложись.

Мам, я узнала, чем пахнут звёзды.
Как под коленкой бывает сладко.
Как пульс колотит за деваностю
При двух словах: «Моя конопатка».

Мама! Я скоро стану невестой!
Ну, что ты расплакалась? Нет — слезам!
Как отложим? Какая повестка?
Мобилизация... мамочки... МАМ!

Мама, вишня стучится веточкой,
Словно морзянка: «Рыжуха, не плачь».
Мама, завтра еду за ленточку.
Столько у нас волонтерских задач.

Сколько я горя видела, мама.
Сколько я встретила светлых людей!
Сколько молитв я услышала в храмах,
Сколько «спасибо» от наших парней.

С Петей не встретились. Не сложилось.
Знаешь, когда возвращались назад,
Поле дымилось. Солнце садилось.
Солнце садилось. А парни стоят.

Мам, представляешь, Петю отпустят!
Отпуск положен какой-то краткий.
Будем с ним обниматься до хруста
При двух словах: «Моя конопатка».

ЗАЯЧЬЕ СЕРДЦЕ

Мама всегда оставляла Вовке ночник —
Он темноты боялся.
Осенью Вовка кутался в пуховик,
Но всё равно простужался.
Мама хотела, чтоб вырос мужчина,
И отдала на секцию.
Его исключили по важной причине —
Не подошёл комплекцией.
Маленький, лопоухий, худое тельце,
С очками на переносице,
Вовку звали «Заячье сердце»,
Ещё со времён песочницы.
Мама его обнимала на кухне вечером,
Подсовывая калач,
Как ты пойдёшь защищать Отечество,
Хоть стой, хоть плачь.
Вовка гладил мамины руки
И заявлял уверенно:
Это я временно близорукий,
И «Заячье сердце» — временно.

Вовка вырос большой и плечистый,
Мамина гордость, красавец.
Ушёл добровольцем, не став лингви-
стом,
А позывной взял — «Заяц».
Бродский, Есенин, Лермонтов, Блок,
Блиндаж и усталые лица.
— Заяц, читай, ну, ещё пару строк,
Послушать — воды напиться.
Он читал, вспоминая и детство, и маму,
и дом.
Северянам, уральцам, чеченцам,
И не слышал никто, как в груди у него
Трепетало заячье сердце.

На задачу ушли по чужой полосе,
Одевалось небо в багрянец,
Все вернулись. И выжили тоже все.
Всех прикрыл собой Вовка Заяц.

ВАНЬКИНА ДУДОЧКА

Была у Ваньки к музыке любовь,
Хотя совсем не знал он ноты,
Но под шатром из облаков
Он пел, как ласточка в полёте.
Ещё он дудки вырезал
Из бузины, черёмухи и ивы.
И по-особому играл.
Ему известные мотивы.
Бывало к домику Ивана
С утра бежала ребятня.
И, как на ягодной поляне,
Тут начиналась толкотня.
И всем хотелось обладать
Чудесной дудочкой и тоже
Играть на ней, но так играть,
Чтоб пробирало всех до дрожи.
И Ванька дудки раздавал
И всех учил своей науке,
И снова, снова вырезал,
Лились чарующие звуки.

Забрали Ваньку воевать,
В деревне стало тихо-тихо,
Пока однажды распевать
Не стала чёрная скворчиха.
В калитку, щурясь вышла мать,
Безлюдна пыльная дорога.
— Тебе, Иванушка, играть
Теперь не нам, а только Богу.
Сыночек шёл по облакам,
Не зная, что в воротах рая,
Апостол Пётр встречает сам,
Ему на дудочке играя.

* * *

В клочья душа. Нервы — в жгут.
Сердце — в глубоких трещинах.
Мальчики, знайте, вас очень ждут
Слабые сильные женщины.

ИЗ ЦИКЛА «ЗАПАХИ ЛЮБВИ»

* * *

Есть запахи у ветра и дождя.
У сумерек и робкого рассвета.
Есть запах у камней и у огня.
У паутинок гаснущего лета.

Все запахи ведут меня к тебе —
Как брошенный клубочек на тропинку.
Найду тебя в стотысячной толпе,
Как в сосняке упавшую хвоинку.

Найду тебя по запаху любви.
По аромату нежности щемящей.
Мне довелось однажды уловить
Чем пахнет кратковременное счастье.

СЧАСТЛИВОЕ УТРО

В марлёвке тумана целуются кони,
Стеклярусом виснут капли на стеблях,
Чувствую благодать в утреннем звоне,
Хочется время замедлить. Замедлить...
Жду ветерка, чтоб расправились крылья,
Старая мельница скрипнет с улыбкой,
Всё перемелет она без усилия:
Мои ожидания, провалы, ошибки.
Вместо муки мне насыплет в ладони
Рассветных небес розоватую пудру.
...В луга потянулись влюбленные кони,
Вплетается в гривы счастливое утро.

МЕЧТА

Я ждала этой ночи так много лет,
Исписала желаньями все листочки.
Представляла запахи. Звуки. Цвет.
Всё сошлось. В одной маленькой точке.
Вышел дворецкий в звёздной ливрее,
В кулисы отправил гулять облака,
Небесная сцена вместо дисплея,
И лентой дорожка из молока.
Привкус муската. Запах бисквита.
Прибрежной волны колыбельный мотив.
Луна поливала жёлтым софитом
Чёрное море, одно на двоих.
Чёрное море нас спеленало,
Ветер улыбку поймал на лету.
Просто Вселенная исполняла
Когда-то загаданную мечту.

Целовали звёзды макушки скал,
Расплетала косы богиня Лада.
Ты меня невесомую на волне качал,
А уже не надо. Не надо. Не надо...

* * *

Винницкая область. Немировский район.
Пионерский лагерь «Ялынка».
В меня украинский мальчик влюблён.
В девочку в русской косынке.

Озёрная синь в наших детских глазах
Одна на двоих расплёскана.
И я украинского мальчика в снах
За ручку веду меж берёзками.

И наши макушки — отбеленный лён —
Мелькают на склонах клевера.
В меня украинский мальчик влюблён.
В девочку с русского Севера.

Мы пьём из ладошек малиновый сок.
И сладость до пят пронзает.

Нажмёт ли при встрече мой мальчик курок?
Не знаю. Не знаю. Не знаю...

* * *

Август, август, мне тебя так мало,
 Что ж ты лето в спешке прихватил?
 Я чудес душевных намечтала,
 Ты калиткой крылья прищемил.
 Я ль твои рассветы не встречала?
 Не купалась в радуге с дождём?
 Задержись ещё на чашку чая,
 Пару дней у сентября займём!
 Испеку шарлотку я с корицей,
 Только ты не закрывай гештальт,
 Мы на деревянных половицах
 Обязательно станцуем вальс.
 Звёзды изумлённые заблещут,
 И одна сорвётся прямо к нам!
 ... Всё? Пора? И собраны все вещи?
 На прощанье прикоснись к губам.

* * *

Душа излечена от ран,
 И заживёт без перевязок.
 Поставь тихонько свой стакан,
 Я предлагала океан,
 Но не сказала эту фразу.

Слова здесь были не нужны,
 Читалось всё в сплетенье пальцев,
 Мы были нежностью пьяны,
 Я долетала до луны,
 Не заливая щёк румянцем.

И то ли космос, то ли ты
 Меня укачивал под утро,
 Мне снились звёздные киты,
 Пока на краешек тахты
 Не падал лучик златокудрый.

Но ты испил всего стакан —
 Объём аптечного бальзама.
 Чтоб ты был мною тоже пьян,
 Я предлагала океан,
 Тебе хватило двести граммов.

ЛУГОВАЯ МАДОННА

Рыжий Колька любил ковыряться в носу,
 Когда перечитывал затёртые книжки,
 Колька любил босиком по тропинкам в лесу
 Землю ласкать, и его не кололи шишки.

Дятлов любил послушать на пне шершавом,
 В паутинках искал выход из лабиринтов.
 Они лоскутами висели на травах-муравах,
 Словно их распечатал паучий принтер.

Солнце любило Кольку и даже сквозь ветки
 Очень настойчиво лезло ему в глаза,
 А Кольке нравилась чудная девочка Светка,
 Дышать на неё боялся, не то, что сказать:

Если тебя унесут гуси-лебеди дальше леса,
 Я пройду сквозь молочные реки, кисельные берега,
 Ковыряться в носу не буду, моя принцесса,
 Мы с тобой убежим от всех в ромашковые луга.

Представляешь, над нами небо, и его синева бездонна,
 И в этом огромном мире щемяще гудят провода,
 Представляешь, Светка, ты моя луговая Мадонна...
 — Нет, — отстучал ему дятел. Светка — трава-лебедя.

УЛЫБКА ВЕТРА

Рожь смущённая кололась, оказавшись нашим ложем,
 Солнце плавилось в зените, источая сладкий жар.
 Два кузнечика со старта — васильковых цветоножек
 Грациозно ускакали, чем напомнили гусар.
 Муравьи, как новгородцы, собрались вокруг на вече,
 Щекотали наши спины. Только кто их замечал?
 Мать-земля благословляла, когда мы шептали: «Веч-
 но...»,
 Только Ветер улыбался. Цену клятвам Ветер знал.

ИЗ ЦИКЛА «СОЛНЕЧНОЕ»

В ДАЛЁКОЕ

Моей душе ромашковой
Мечтается о древности:
Славянскую рубашку бы,
Да утонуть в напевности
Той речи чистой, образной,
Тех строк Бояна русого,
Что в рощице берёзовой
С магическими гусями.
Пишу письмо в далёкое.
Пишу чертами, резами,
А скатерть синеокую
Уже лучи прорезали.
И кудри, что не стрижены,
По поясу небесному
Тряхнула девка рыжая,
Поля, луга окрестные,
Наполнив жизни соками,
В леса умчалась резвая...
Пишу письмо в далёкое,
Пишу чертами, резами.

* * *

Розовый пепел по небу разбросан,
Это земля затевала стряпню —
Тесто месила на шёлковых росах,
Солнечной сдобы добавила дню.
Лучик морковный до блеска помазал
В лёгком румянце озёрную гладь,
Высветил клад — луговые алмазы,
В косы берёз бросил жёлтую прядь.
Словно из печки коржом загорелым
На полотно бирюзового льна
Солнце вкатилось, и всё порыжело,
Даже следы убегавшего сна.

* * *

А я люблю встречать рассветы.
Семейство спит. Бегу во двор.
И жду румяного привета
Из-за виднеющихся гор.

Заря-молодка в юбке алой
По горизонту босиком
За белым облаком бежала
И целовалась с ним тайком.

Потом случайно обронила
Платок оранжевый с плеча,
Смущённо облако уплыло
От блеска первого луча.

КУСОЧЕК РОДИНЫ

Усатый дядька на таможне
Придраться всё ко мне хотел,
А в багаже лишь то, что можно,
Но, не сдаваясь, он потел.
И вдруг под полкой в уголке
Увидел спрятанный предмет.
«Что за зелёные листочки?
А ну, достаньте-ка пакет!»
В садовом крохотном горшочке
Везла побег берёзки я,
Её зелёный платочек
Подвял немного за два дня,
Но я ничуть не сомневалась,
Что доведу и посажу,
Но от испуга сердце сжалось,
Когда сказал он: «Нам в страну
Ввозить не велено чужого,
Придётся выбросить сорняк!»
«Берёзка это, что ж такого,
Мне без неё нельзя никак».
Я лепетала, прижимая
Горшочек, выступили слёзы,
«Ведь я из северного края...
Кусочек Родины... берёзы...
Хотите штраф, хотите взятку,
Но не отдам вам, ни за что
Росточек худенький в заплатках,
Частицу сердца моего».
Уговорю? Пожалуй, вряд ли,
Но вроде сделался добрей.
«Вези, — сказал усатый дядька, —
Кусочек Родины своей».

ОТЛОЖЕНО. НА ВРЕМЯ

Туман молочный утром пал на землю,
Сквозь пелену его мистически-белёсую,
Сбивает время шаром Лето-кегля
И ставит на дорожку кеглю-Осень.
Сплету из листьев не венок. А крылья.
Берёзово-кленовой стану птицей.
И поднимусь легко, как шарик мыльный.
...туман закрыл для вылета границу.

* * *

Видимость плохая на дорогах,
Фары умирают в пелене.
Видимость. Её кругом так много.
В дружбе, в отношениях, в семье.

Фальшь и пелена, всё так обыденно.
Видимости видимо-невидимо.

* * *

Сегодня день объятий с южным ветром,
Бегу ему отдаться на причал.
Мои изгибы, вплоть до миллиметра
Ещё никто так нежно не ласкал.

* * *

— Кофе? Сливки? Чаю может?
— Нет. При встрече. Как-нибудь...
— Не забудь свой зонт в прихожей,
Или всё-таки... забудь...



Валерий СУХОВ,
г. Пенза

Сухов Валерий Алексеевич. Кандидат филологических наук. Член Союза писателей России, редактор отдела поэзии журнала «Сура», автор семи изданных поэтических сборников и монографии «Очерки о жизни и творчестве Анатолия Мариенгофа». Автор публикаций в «Литературной газете», в газете «Поэтоград», в журналах «Сура», «Молодая гвардия», «Подъём», «Русское эхо», «Наш современник», «Простор», «Волга XXI век», «Аргамак», «Нижний Новгород», «Приокские зори», «День и ночь», «Север», «Бийский вестник», «Краснодар литературный», «Белая скала», «Аврора», «Дети Ра», «Второй Петербург», «Зарубежные записки», «Гостиная», «Плавучий мост», «Литературные знакомства», в альманахах «Образ», «Гиперборей», «Литкузница», «Царицын», «Ковчег», «День поэзии XXI век». Отмечен Всероссийской премией им. М. Ю. Лермонтова, Международной премией им. С. А. Есенина «О Русь, взмахни крылами...», Всероссийской премией им. Б. Корнилова «На встречу дня!»

ПОМИНАЛЬНЫЙ ТРИПТИХ

МОРОК

Всю ночь
На улице Грузинской
Как тень от Демона —
Метался!
По-волчьи чуя:
Гибель близко.
И с матерью
Он прощался.

Поэта смерть —
Сюжет знакомый.
И предрешён
Исход дуэли.
Уже не вывести
Из комы.
И в чёрное
Друзья одели.

Морфина морок —
Муки ада!
Они страшней
Петли и пули.
Избавился от «жлоба» —
Гада!
Ушёл,
Как Лермонтов,
В июле...
Был не понятен
Вопль Кассандры,
Тому, кто верил
В вечность Трои.
А кто пророком стал?
Тот самый
Кто больше всех
Попортил крови.

Да, он спивался
И кололся.
И вёл себя
Не по-советски.
И не вписался
Хриплый голос
В олимпиадные бурлески.

Пошло с империи так
Римской —
Народу зрелищ дай
И хлеба!
Поднялся
Мишка олимпийский
И помахал нам лапой
С неба.

А власть
Советского Союза
Данайцев
Приняла с дарами...
Горгона — жуткая
Медуза —
Поэтов
Обратила в камни.

В цветах
Серёжа и Володя.
Ваганьково.
Родные лица.
Алкаш с утра
Меж ними бродит,
И ищет, чем
Опохмелиться.

Стакан налили
Бедолаге.
Застыл без шапки он
Под снегом.
И поднимался
Светлый ангел
Над жутким
Чёрным человеком.

Был, как страна,
Смертельно болен
И болен был
Неизлечимо,
От морока
Над бездной воя...
Судьба поэта —
Вот причина.

Предрёк под пытками
На дыбе
Таганский Гамлет,
Умирая,
Страны родной
Распад и гибель,
Всю душу
Криком разрывая!..

23.07. 25

ПРОТУБЕРАНЕЦ

Я помню год
Восьмидесятый.
Двадцать девятое июля.
Загул
Строительной бригады.
Люд забалдел,
На пену дую.

Шалман кружился
Над обрывом.
Мешали водку
С «жигулёвским».
Из «Океана» доносило
Олимпиады отголоски.

И сквозь глушилок
Шум и трески
Сиреною
С волны заморской
Сказал спокойно
Голос женский:
«Три дня, как умер
Бард Высоцкий».

И солнечный протуберанец
Смертельно вспыхнул
На закате!
Сказал главарь
Весёлых пьяниц:
«Владимира помянем,
Братья!»

Его, как своего,
Любили
И шофера
И комбайнёры.
Ведь так же беспробудно
Пили
И подпевали ему
Хором.

В таких же
Были переделках.
Себя
В героях узнавали!..
Боль за
Смешного человека
Была
С незримыми слезами.

В разгар пивной
Весёлой мессы
Напел Серёга
Два куплета...
А «Лермонтов» —
Вития местный.
Строчить уж начал
«Смерть Поэта».

Покойник стал роднее,
Вроде.
Да, был Высоцкий
Парнем свойским.
И водкой
Помянув Володю,
Её запили
«Жигулёвским».

Простим грехи
Всех горьких пьяниц
И вспомним
О своём собрате.
И солнечный протуберанец
Вдруг снова
Вспыхнет на закате!

24.07.25

ПИЛОТКА

Всего три эпизода
Снято
Правдиво
И без лакировки.
Роль
Безымянного солдата
На кадрах
Старой киноплёнки.

Его
потёртая пилотка
Пропахла
Порохом и потом.
От жажды
Пересохла глотка.
И перебита фрицем
Рота.

Но из ручного
Пулемёта
По самолёту
Он стреляет.
Из окружения
Пехота
К своим
Дорогу пробивает.

На кузове
Под смех солдатский
Солдат весёлый
Балагурит.
Лицо живое,
А не маска.
Кадр вырезан,
Где он закурит.

А вот он
Рядом с Пушкарёвым
У станкового
Пулемёта.
Прут фрицы
И дела хреновы.
Но держится в бою
Пехота!

Фильм Столпера
Был чёрно-белым.
Нет на войне
Оттенков цвета.
Трус может притвориться
Смелым,
Но не сыграешь
«Смерть Поэта»!

В могиле
Братья примут брата.
Харон
Штампует похоронки.
А чья
Запомнится цитата —
Оценят
Поздние потомки.

И сник
Поэт — «шестидесятник».
Пилотка —
Выше нет короны!..
Страна —
Высоцкого цитатник.
«Живых и мёртвых» —
Миллионы!



Марина ВОРОНЦОВА
г. Ленинск-Кузнецкий, Кузбасс

Марина Александровна Воронцова (Кузнецова)
Автор книги «Разноцветные сказки Аси», сборника стихотворений «Крупинки».

Участник поэтического клуба «Кедр» г. Осинники, литературной студии «Прометей» г. Полысаево, член Кемеровской региональной общественной организации «Литературный Южно-Кузбасский Союз». Публиковались в сборниках стихов и прозы «Секунда», «Мы с вами говорим», «Калтанские родники», «Милый сердцу край», «Гляжу на мир из своего окошка», «О чём поют родники», «Литературные объединения Кузбасса: антология поэзии», альманахе «Кольчугинская осень». Победитель фестиваля-конкурса поэзии «Свежий ветер — 2021», призёр фестиваля авторского творчества «Голос поэта — 2022», дипломант II Московского международного конкурса детской литературы имени А. Барто.

ЗВЁЗДЫ БЫВАЮТ РАЗНЫМИ...

Основано на реальных событиях

Старенький длинный деревенский автобус шикнул дверью и, нещадно трянув пассажиров, тронулся. Впереди на его пути лежало множество маленьких деревень, в которые возвращались из большого поселка домой многочисленные пассажиры.

В автобусе было много женщин. День был выходной, и большинство из них ехали с покупками из сельпо, где в конце 80-х, во времена дефицита, можно было прикупить шоколадных конфет, сгущёнки, а то и достать ребёнку пачку цветных карандашей или фломастеров.

За окнами быстро темнело, зимний день скоро превращался в вечер, а спустя совсем немного времени и вовсе почернело, как ночью. В окна автобуса почти ничего не было видно, только изредка мелькали редкие столбы. Когда автобус останавливался, чтобы высадить пассажиров в очередной деревушке, становились видны тёмные железные остановки, тускло подсвеченные единственным фонарём.

Бойкая девчушка, лет четырех или пяти, ехала домой со своими тётками. Дорога им предстояла долгая, и девочке быстро стало скучно. Женщины, увлекшись разговорами, не заметили, как она ушла со своего сиденья в «свободное плавание» по автобусу. Некоторые пассажиры узнали девочку из своей деревни, и никто особо не обращал внимания на ребёнка.

Сначала девчушка присела возле одной женщины, которая угостила её конфетами, а потом перешла в компанию трёх бабушек, которым она пропела частушки и рассказала стихи.

— Ишь ты, какая певица! — произнес чуть подвыпивший, продвигавшийся к выходу мужчина, и потрепал девочку по пушистой кроличьей шапке.

— Шагай давай! — шикнула на него идущая впереди женщина.

Автобус остановился на очередной остановке. На ней выходило много пассажиров. Посчитав, что уже приехали домой, девочка смешалась с толпой и тоже вышла из автобуса. Пока люди расходились с остановки, она крутила головой в поисках тёток, и вдруг поняла, что они остались в автобусе, а тот уехал.

— Автобус! Стой! Автобус! — испуганно закричала девочка.

Но автобус уже отъехал на приличное расстояние и скрылся в темноте.

На остановке почти никого не осталось. Только тот самый подвыпивший мужчина, тщетно пытавшийся закурить, и женщина, которая нетерпеливо смотрела на него.

— Тётенка, мой автобус уехал! — плача, проговорила девочка и тронула женщину за руку. — Тётенка!

— Ребёнок один? — непонимающе выдохнула женщина. — Ты что ли из автобуса не там вышла? — спросила она. — Ты с кем ехала-то?

Девочка закивала головой.

— Я думала, мы приехали уже. Я с тётями ехала, с Леной и Наташей.

— Вот те раз! — воскликнул мужчина, мигом бросил сигарету в снег и быстро подошёл к девочке. — Что делать-то теперь? Ждать надо.

Он посмотрел на женщину. Та, видимо, была очень недовольна свалившимся на неё приключением.

— Кого ждать-то? Пошли домой! — нетерпеливо сказала она. — Чего мерзнуть-то тут и девчонку морозить, — женщина поёжилась. — К нам вообще-то Семёновы собирались зайти. А мы тут куковать будем?

— Да ты чего? — возмутился мужчина и быстро взял девочку за руку. — Они хватятся её сейчас и вернутся.

— Да они, может, к утру вернутся. Утром в милицию пойдём. Пусть разбираются. А пока к себе домой уведём.

— Да нельзя уходить! — возразил мужчина, вмиг протрезвев от неожиданно свалившейся на него ответственности. — А если за ней сейчас вернутся и будут по всей деревне её искать?! Мы подождём, — обратился он к девочке. — Не бойся. Сейчас за тобой приедут.

— Ну и сиди с ней. Мёрзни! А я домой, — махнув рукой, произнесла женщина и пошла прочь от остановки.

— Я домой хочу, дяденька, — снова захныкала девочка. — Когда автобус приедет?

— Не плачь, — быстро произнёс мужчина, — скоро-скоро приедет. Быстро-быстро за тобой вернётся. Мы подождём маленько. Не замёрзла? — он покрепче прижал девочку к себе. — Смотри, вон сколько звёздочек на небе. Давай считать, — предложил он, указав рукой вверх.

Девочка подняла голову и начала смотреть в морозное ночное небо, на котором то тут, то там ярко светились звёзды.

— А какие бывают звёздочки? — спросила девочка.

— Разные, — ответил мужчина. — Большие, маленькие. А ещё бывают эти... созвездия. Вон видишь, ковш.

— Не вижу!

— Смотри на мою руку, — и мужчина принялся рассказывать девочке про созвездие Большой медведицы.

А в это время по зимней тёмной дороге, в обратном направлении, мчался деревенский автобус с насмерть перепуганными тётками и другими пассажирами.

Пропажу девочки обнаружили довольно быстро, и, на счастье, одна женщина вспомнила, когда девчушка толкалась у двери и предположила, где она могла выйти.

Всё закончилось благополучно. Беглянку забрали в автобус и, от греха, крепко привязали пояском от пальто к сиденью до конца поездки. А мужчина с чувством выполненного долга поспешил домой.

Кто знает, как долго бы ещё искали ребенка, если бы он не остался на остановке дожидаться автобуса?

Звёзды бывают разными. Большими и маленькими. Иногда у совсем маленького, порой незаметного человека, горит в сердце большая звезда — доброты, сочувствия и милосердия.



Наталья МЕРКУШОВА,
пос. Сатинка Тамбовской области

Член Российского союза писателей и Союза журналистов России.

Лауреат литературной премии «Светунец» имени Вячеслава Богданова.

Автор слов Гимна Сампурского района, слов Гимна Гастрономического фестиваля «Кукарекино».

Почётный гражданин Сампурского района.

ИСЦЕЛЕНИЕ

Соединенье красоты земной
С возвышенной и светлой красотой
Привносит в душу искренний покой
И наполняет сердце добротою.

...Когда заполнит сердце пустота,
Когда в нём нескончаемая драма,
Когда зовут открытые врата
В уединенье маленького храма,
Войди сюда, безгрешный человек!
И грешному здесь тоже будут рады.

... Ложится тихий и безгрешный снег,
Как исцеленье на земные раны.

ЖИВИТЕ!

Бойтесь данайцев, дары приносящих,
Бойтесь громов, беспощадно разящих,
Бойтесь измен, перемен, беспросвета,
Бойтесь! Но... что же изменит всё это?

...Радуйтесь дружбе, рассвету, росточку,
Радуйтесь тёплого хлеба кусочку,
Каждому дню приходящему радуйтесь,
Небу бескрайнему, солнечной радуге.

После безумных дождей, посмотрите! —
Радуга в небе!

Живёте?

Живите!

УСЛЫШЬ...

К красоте и благодати
Прикоснусь душой.
Мы такие разные —
Мир такой большой.

Но встаёт над храмами
И в грозу рассвет.
Все родные самые —
Здесь разлада нет.

Красота обители,
Благостная тишь.
Тихий голос издали
Слышу я: — Услышь...

А ТАКОЕ БЫВАЕТ?

В предрассветном тумане,
На речном берегу,
Чей-то голос поманит:
— Приходи, помогу!

И откуда он знает,
Голос странный, чужой
Потаённую тайну
О любви неземной,

Что её навевает
Свет далёких планет.
А такое бывает? —
Невозможного нет...

ЖДЁТ

Когда весенние потоки
Сорвут плотину на реке,
То обнаружатся пороки —
Со дна растущие пороги,
Не обойти их налегке.

А сколько хлама накопилось!
Его несёт, несёт река...
Иссякла божеская милость,
И потому оно случилось.
А возводилось на века...

Почуяв новую плотину,
Река безрадостно течёт.
Своим течением унылым
Всё копит хлам, из года в год...
И ждёт...

ВЕРИТЬ, ИЛИ

Часто хочется верить
В недостойное веры,
И считать не потерей
Все большие потери.

Липы в парке спилили,
Стражей лет и столетий.
Рыбу в речке сгубили.
Кто за это в ответе?

Безнадзорно и прочно,
Безразлично до боли.
Недостойные точно
Посильнее достойных.

Не хотелось бы верить,
Не хотелось... Не надо.
Все большие потери —
Наше общее чадю.

ПАДЕНИЕ И ВЗЛЁТ

Метались по небу лохматые тучи,
И в миг столкновенья во тьме,
Огромная стая из молний летучих
Рождалась и мчалась к земле.

Шакалей безумною стаей гонимой
Завыл нарастающий шквал,
Валил он деревья, был непроходимый
Им созданный «лесоповал».

Представить не страшно, но страшно увидеть,
Как мощных деревьев стволы
Лежат на земле в ужасающем виде.
О, как же их силы малы...

Деревья повалены бурей навечно...
Но поросль пробилась! Растёт!
И жизнь у деревьев, и жизнь человечья —
Извечно паденье и взлёт.

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ

За пышностью осеннего убранства
Скрываются тревоги и печаль.
Кому нужны дворцов златые царства?
Кому кричать: «Листья моя — причал!»

Ты посмотри, как голуби воркуют!
Для них что лето-осень, что весна...
И красота осенняя ликует,
Хоть знает, что недолгая она....

И всё закономерно и достойно,
У каждого — свой нерушимый срок.
Но мысли, мысли... вольно и невольно
Слетают, словно с дерева листок...

ЗВЁЗДНАЯ ХОЛОДНОСТЬ

Вечер, и звёзды холодные
Пристально смотрят с небес.
Думы мои неугодные
Не в ожиданье чудес,
Не в ожиданье свидания,
Не в ожиданье зари.
Слышу — исполни призвание!
В чём оно — не говорит.

...Вечер, и звёзды холодные
Стали немного теплей.
Думы, как люди голодные,
Ищут спасенье в еде.
Думам еда — слово доброе,
Общность приветных людей...
Вот и закончилась долгая
Звёздная холодность дней.

ПО ВСЕЙ ПЛАНЕТЕ

По всей планете ветры-ураганы
Наносят нескончаемые раны.
Земля покоя просит и тепла,
Пока до края бездны не дошла.

Вулканы оживают, хлещет лава.
Такая у вулканов есть забава.
И пепел разлетается стомильно,
И сеет хлопья на поля обильно.

Но пепел не зерно, напрасно сеет.
И кто такую силу одолеет?
...Стихии не подвластны человеку,
Такой круговорот от века к веку.

Земля покоя просит и тепла,
Пока до края бездны не дошла.

МОСТЫ

Что такое мосты? Это просто дорога
Через бурный поток, через сотни шагов?
Нет же, в слове мосты мне увиделось много:
Много встреч, много тем, много сказанных слов.

Берега, берега... Не дождётесь вы встречи,
Никогда не сойтись, и лишь только мосты
Вам подарят надежду и звонкие речи
Торопливых шагов. А ответы просты! —

Люди! — Вот же ответ! Ведь они только могут
В своей жизни пройти по десяткам мостов,
И живая река, по чуть-чуть, понемногу,
Станет символом встречи для всех берегов.

И НОВЫЙ НАСТУПАЕТ ДЕНЬ

Приходят весточки с полей,
Приходят весточки из писем.
Весна тревогою своей
С природой делится и пишет:
— Войдите в разум, прекратите
Меня испытывать, уйдите
Все беды с матушки-земли!

А воробьи уже в пыли
Купаются, и так привольно,
Что мысли светлые неволью
Приходят в голову мою,
И гимн весне я вновь пою.

...Весна, весна на белом свете!
А солнца взор лукав и светел,
Отбросит облако лишь тень,
Как тут же луч направит смело,
И вновь сияет так умело,
И новый наступает день.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ЖИЗНЕННЫЙ СПОР

Улыбается солнце весеннее,
Греет так, что грустится снегам. —
Наступает пора невезения,
И проталинки тут есть и там.

Белоснежность теряется, праздничность
Зимних ярких морозных деньков.
Но синичкина песенка радует
И весенний разлёт облаков.

Вон они — как подушки пуховые!
Лёгкость в них и весенний задор.
Ждут весной впечатления новые.
Продолжается жизненный спор...

КАКОЕ СЧАСТЬЕ ПРОСТО ЖИТЬ

«Какое счастье просто жить» —
Поёт с экрана чей-то голос.
Преодолев и боль, и голод,
И зимний неразумный холод,
Какое счастье просто жить.

Какое счастье просто жить,
Так просто, что другим завидно,
В своём глазу бревна не видно,
Да и в чужом-то не нужны.
Какое счастье просто жить.

Какое счастье просто жить,
Любить людей, любить природу,
Смотреть на утреннюю воду
И видеть в ней не миражи,
А просто жить.

В УТРЕННЕМ ЛЕСУ

Наполнен солнцем лес сосновый,
Оно легко и невесомо
Бежит по солнечным стволам,
И оживает тут и там.

И белки светятся в полёте.
В сосновом звонком хороводе
Сияет каждая сосна
И к небу тянется она.

Иголки землю укрывают.
Бесшумно по «ковру» ступая,
Прошёл хозяин леса — лось,
И солнце на рогах зажглось.

НАСТУПАЕТ НОВЫЙ ДЕНЬ

Не ищите за морем красоты,
Только оглядитесь! — там и тут
Солнышко глядится в окна-соты,
Создавая праздничный уют.

— Здравствуй, солнце! Протяну ладони,
Пошепочет ласковым лучом.
Пригласит в луга, там «дикий» донник
Пир готовит для «рабочих» пчёл.

Соберут нектар, наполнят соты,
Мёд созреет — радость для людей.
В доннике, в окошках — всюду солнце!
Утро. Наступает новый день.

ОСЕННИЙ ПИР

Сегодня солнце ласково-прохладно,
И воздух — дуновение весны.
И с пчёлами сегодня нету слада,
В свою работы так погружены,

Что не боятся пристального взгляда,
Слетаются на эту красоту,
Цветы, моя душевная отрада,
Не сетуют на пчело-суету.

Нектар осенний слаще, он последний,
И наслаждаясь солнечным теплом,
Явились пчёлы, чудное творенье,
На пир осенний в образе земном.

ЗЕМНЫЕ РОДНИКИ

Какое же всё-таки чудо —
Пространство межзвёздных миров...
И как догадаться, откуда
Доносится трепетный зов?

Откуда... откуда... откуда...
С простора бескрайней Земли.
...И вновь в ожидании чуда
Вернутся весной журавли.

И будет лететь во вселенной
Печальный приветливый зов.
...Опять преклоняю колени
И пью из земных родников.

МИР ЗАГАДОЧНЫХ
ЗИМНИХ НОЧЕЙ

Ветер стих, не колышутся ветки,
Лишь стекают остатки дождей,
И каплей наполнился вешней
Мир загадочных зимних ночей.

Светом дивным расцвечены ночи.
И откуда таинственный свет...
Зазвучала капель что есть мочи,
Словно дятел стучит по сосне.

И спешит запоздалый прохожий,
И не слышит, как дышит весна.
... Зимней сказочной ночью возможно
Ощутить сразу все времена.



Надя КРАСОВСКАЯ,
г. Тюмень

Красовская Надежда Викторовна. Пишет детские сказки, рассказы, нон-фикшн. Публикованы в журналах «Вверх тор-машками» и «ПростоКваша». Книга «30 наивных вопросов о персональном бренде» вошла в лонг-лист конкурса «Это факт» от «Литрес.Самиздат» в 2023 году.

АВОКАДО СПЕШИТ НА ПОМОЩЬ

«Ничто так невкусно, как полезная пища», — размышляла Соня, глядя на бутерброд с авокадо. Каждое зимнее утро её мама доставала из холодильника какой-то тёмно-зелёный плод в виде груши, очищала и нарезала тонкими ломтиками. Особенно мама любила на завтрак этот плод с сыром и зеленью.

— Я обожаю авокадо! Он — самый полезный фрукт в мире, — говорила она Соне.

— Вокадо — это фрукт? А почему тогда ты его ешь с зеленью или рыбой? — не поняла девочка.

— Правильно говорить «а-во-ка-до». Да, кажется странным, но это фрукт. Вот как ты думаешь, почему я редко простужаюсь, а волосы у меня длинные и красивые? — подмигнула мама.

— У тебя хороший мунитет, — догадалась Соня.

— Да, верно. И помог моему иммунитету господин авокадо, — засмеялась мама. — В нём столько витаминов и микроэлементов! Я бы назвала его чемпионом по их содержанию. Особенно важно их получать сейчас зимой.

— Можно я попробую кусочек? — потянулась к тарелке Соня. — Не хочу больше болеть. Никогда не забуду, как прошлой зимой у меня была ангина — очень болело горло, я даже ни единого слова сказать не могла. Бррр. А самое обидное, что в это время все мои подружки катались на самой большой горке нашего города в Центральном парке.

— Ну как, понравился? — поинтересовалась мама.

— Не очень, — поморщилась Соня. — Я думала, что авокадо сладкий, как арбуз. А он по вкусу похож на кабачок или огурец.

— Согласна, у авокадо специфический вкус, к нему нужно привыкнуть. Ну ничего страшного. Зато ты попробовала новый фрукт.

— Я всё равно буду есть его каждое утро, чтобы стать такой же красивой, как ты, — гордо сказала девочка.

На следующее утро мама как всегда достала авокадо из холодильника, нарезала кусочками и сделала бутерброды с ржаным хлебом. Один дала Соне. Через некоторое время она заметила, что девочка грустит над откусанным тостом. И всё поняла. Все мамы мудрые и без слов понимают своих детей.

— Сонечка, давай сделаем мороженое из авокадо? — спросила она девочку, обняв.

— А разве бывает такое? Я ела ванильное, шоколадное и даже фисташковое. А вот про мороженое из авокадо слышу впервые.

— Это секретный рецепт для моей любимой дочки, — подмигнула мама. — А узнаешь о нём только ты. Приступим?

— Конечно! — захлопала от радости Соня.

— Сначала мы должны очищенные авокадо и банан положить в морозильную камеру на три часа. А чтобы не скучать, пойдём на каток. Ну-ка, давай, кто быстрее оденется? Раз-два-три, начали...

После прогулки мама положила замороженные авокадо и банан в блендер и измельчила до однородности. Выложила в чашу, добавила столовую ложку мёда и сока лимона, тщательно перемешала до образования пюре. Затем из шкафчика вытащила розовые креманки, положила в каждую по шарик мороженого, сверху посыпала шоколадной крошкой.

— Ну всё, мороженое готово. Пробуй! — мама протянула Соне креманку.

— Ооо! Я ...не думала... что авокадо... такой... вкусный, — от восторга девочка даже не могла говорить и не хотела отрываться от десерта.

— Самое главное — нужно знать, как его приготовить, — улыбнулась мама.

ПОЧЕМУ ОСЕНЬ – ПРОКАЗНИЦА?

Даша сначала долго тёрла глаза, потом щипала себя: «Этого не может быть!» Но, услышав рядом смех кудрявого малыша, поняла, что не обозналась — так и есть.

После школы Даше домой идти не хотелось, поэтому она завернула в ближайший парк и села на скамейку у сосны. А всё потому, что настроение было испорчено хмурой осенней погодой. Казалось, что ласковое солнце сейчас на каникулах где-то далеко, а вместо себя оставило какую-то злобную мачеху. Неожиданно Даша услышала шум и треск, повернула голову и увидела белку в кормушке.

Она кидала порезанные кусочки яблок в ёжика, зарывшегося в куче пожухлых листьев рядом с деревом. Что удивительно, он не убегал, а только издавал недо-

вольные звуки: «Фыр-фыр-фыр».

Улыбнувшись, Даша подумала: «Вот и осень похожа на эту белку-проказницу. Так же заигрывает со всеми. В течение дня погода может изменяться несколько раз. С утра люди идут, укрывшись от дождя под зонтами. Днём они надевают футболки, радуясь «бабьему лету», а вечером кутаются в тёплые пальто».

— Привет, о чём задумалась?

От неожиданности Даша даже вздрогнула, но обрадовалась, увидев рядом с собой на скамейке одноклассницу Лизу.

— Да вот, грущу и размышляю об осени. Как такая взрослая дама может быть капризной? Ведь не девочка маленькая. Не как Миа из 1 «В», которая плачет по каждому поводу, — Даша засмеялась.

— Кстати, она похожа на директора нашей школы. Не находишь? Такая же строгая и чопорная. А как она одевается. Эти наряды из красных, жёлтых, огненных листьев! Этот терпкий аромат в воздухе! Эта английская холодность! — подхватила Лиза, еле сдерживая себя, чтобы не рассмеяться.

— Да-да, точно! Я даже и не догадалась об этом.

— Так что, Дашуль, заканчивай хандрить. Посмотри на это с другой стороны. Только осенью мы можем в течение дня менять образы.

— Не понимаю. Это как?

— Очень просто, с утра я — дама в плаще и резиновых сапожках. Они, кстати, сейчас на мне. Красивые? Когда жарко, плащ я скидываю и оказываюсь в топики с мишкой и брючках. Этакая модная девчонка из социальных сетей. Правда, не знаю, куда при солнечной погоде девать резиновые сапоги. Есть варианты?

Девочки минут пять хохотали, а Даша думала: «Как хорошо, что есть такая весёлая подруга. С такой и осень-проказница не страшна».



Марина ЕРМАКОВА,
г. Тамбов

Марина Евгеньевна Ермакова. Автор шести сборников стихов, двух сборников рассказов, сборника притч и басен. Печаталась в альманахах «Радуга над Цной», «Тамбовские литераторы», в сборниках поэтов литературного кафе «Пушкинский чердак». Публиковалась в тамбовских газетах и журналах «Литературный Тамбов» и журналах «Союз Писателей» и «Озарение» г. Новокузнецка, в антологии «Литературная Евразия», в альманахах «Довлатов» Издательского Дома Максима Бурдина. Детские стихотворения включены в итоговый сборник III Международной премии в области литературного творчества для детей «Алиса-2021» издательства ООО «Перископ-Волга» г. Волгоград. Лауреат третьей степени конкурса им. Сергеева-Ценского «Преображение России». Член союза Литераторов РФ.

СИНИЦА

Кормись с руки, синица,
Питайся, божья тварь.
А мне так часто снится
На башенке звонарь.

Размерено, искусно
Он бьёт в колокола.
Вокруг светло и пусто,
И машут два крыла.
Журавль над ним кружится,
Курлычет о любви.
И улетает птица,
Теряется вдали.

Проснись, тут ты в окошко
Настойчиво стучишь.
Клюёшь зерно с ладошки,
Смеёшься и молчишь.

* * *

У всех дорог свои години,
Свои препоны.
За каждой выцветшей гардиной
Свои поклоны.

Всё испытать и всё изведать —
Беда и счастье.
И не всегда важна победа,
Да и участие.

Я много что здесь примеряла,
Брала по нраву.
Всё, что нашла и потеряла,
Раздам по праву.

Неразличимой быть и скромной
Такая малость.
У каждой улицы и дома
В долгу останусь.

БОЛЕЯ СТРОКОЙ

*Мне и доньше
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.
Марина Цветаева*

Никого приручать я не стану,
Сердце к сердцу должно прикипеть.
Где ты, мой дорогой полустанок,
Где хотелось бы радостно петь?

Где ты, сущая правда Марины?
Мне ль, в июне рождённой, с ней грызть
На распутице жаркой рябины
В день субботний ту горькую кисть?

С ней, в которой рождалась навеки
Звуковая игра ёмких слов.
Разливались стихов её реки,
Выходя из своих берегов.

С ней, в которой кипело бунтарство,
И учтивость не чуждой была.
После страшных потерь и мытарства
Бездна вечности к ней пролегла.

Но живёт в её слове могучем
Всепоощающий раненый крик.
Так к рябиновым рдеющим сучьям
Пробивается с неба родник.

И томится во мне, за грудиной,
Моё сердце, болея строкой
Выразительно-точной Марины,
Обрести не давая покой.

НА РОДИНЕ БОРАТЫНСКОГО

Как гибко время... как сурово время.
Казалось бы, прошло уж столько лет!
Но поэтического слова семя
Дало успех, возрадуйся, поэт!

Твои стихи читаются, все живы.
Твоя строка приметна среди других.
Души и сердца бурные порывы
Являли свету безупречный стих.

Неологизмы, образы, глаголы...
Всё до предельной нужной наготы.
И вот стою я, вижу реку, доли,
Те, что когда-то в Маре видел и ты.

Дом Маркова, аллея и дорога...
Всё замерло в осенний мозглый день.
И у дороги кто-то смотрит строго,
Опершись на поломанный плетень.

Вблизи безмолвный родовой некро-
поль.
Там тишина давно уж на посту.
И облетевшая с деревьев опаль*
Как будто бы приклеилась к холсту.

И вот они — твои родные степи,
Именья нет, но здесь родимый кров.
И время разорвать не может цепи.
Но звон их слышен в перекличке слов.

Опаль* — опавшие с дерева листья

ДУША ПОЁТ

Душа поёт, душа страдает.
Душа стихами говорит.
Так зацветают вишни в мае,
Так чернозём весной парит.

Пусть тишина — залог молчаний.
Как важно мне осознавать,
Что пережитое вначале
Могу в стихах я продолжать.

Слова — и боль, и наважденье,
Восторг, отчаянье... и крик.
Стихотворения рождение —
Моё сплетенье повилик,

Гуденье пчёл, дыханье сада,
И ветра плач, и шелест трав...
Да что ещё мне в жизни надо?
Ведь тот, кто верит, тот и прав.

Я верю в вечное цветенье,
Я верю в вечную весну.
Живи моё стихотворенье!
Кидай, душа, строку-блесну!

Когда-нибудь всё повторится.
И снова зацветут сады.
Пусть вечно это счастье длится —
Благочестивые труды.

ЖИТЬ ПО СОВЕСТИ

Отчего же совестливые
Терпят, ждут, молчат?
Отчего бессовестные
Рвутся, лгут, кричат?
Оттого, что совестливым
Совестно кричать.
Оттого, что совестливым
Легче промолчать.
Ну, а о бессовестных
Что там говорить?
Знамо, что бессовестным
Без морали жить.
Только вот бессовестные
Хорошо живут,
Пока терпят совестливые
И молчат, и ждут.
Если же все совестливые
Перестанут ждать,
Может, и бессовестные
Станут пропадать,
И все станут совестливые.
Ох, и заживём!
Только вот бессовестных мы
Не отыщем днём.
Жить бы всем по совести
Да не умножать
Подлости и горести,
Совесть уважать.

* * *

Смотри, как ветер держит лист,
Качает и на снег кладёт.
Вот человек домой идёт.
И с ним идёт тихонько жизнь.

Обходит лужу человек.
Шаги свои замедлил он.
Он видит улицу и дом,
Он видит это весь свой век.

Смотри, как человек идёт.
Он мельком посмотрел на лист,
Подумал: «Лист теряет жизнь...».
А ветер новый лист кладёт...

ЖИЗНЕННАЯ ДОЛЯ

Триптих

I

Когда я затеряюсь среди дней
Мерцательного тающего лета,
В раздумьях догорающих огней
Найдут меня костров осенних ветры.

Найдут и спросят: «Как ты тут жила?
Носила ль вёдра с ключевой водицей?
Как роза, средь репейника цвела?
Летала ли над озером, как птица?»

Что я скажу? Жила я и жила.
Носила вёдра с разною водою.
Цвела ли розой? Клевером цвела.
Над радостью летала, над бедою...

Крапива крылья мне порою жгла.
И лился мёд, да мимо губ всё чаще.
Всё принимала сердцем, что могла.
И так хотелось маленького счастья.

Что скажут ветры? Просто промолчат.
Ушло, и ладно, лето. И на волю
Отпустит осень выросших волчат,
Искать свою отныне волчью долю.

II

Не смотри на меня, мой единственный, любимый.
Что ж ты смотришь, когда я взглянула в окно?
Там разлился закат, как хмельное вино,
Горизонту окрасив бескровные губы.

Там могилы травой поросли в суходоле,
Там оставила след вековая гроза.
Там, за дальней чертой, голубые глаза,
Слёзы выплавав все, отдались своей доле.

И кричат по ночам то ль сверчки, то ли совы...
И стучат по земле ледяные подковы.

.

III

Старуха несёт свой тугой узелок.
Старуха вцепилась упрямо в палку.
Старуха закрыла свой рот на замок,
Увидев на дереве хрупком русалку.

Две доли при встрече смотрели в глаза
Друг другу. Смотрели — молчали.
И Бог ничего в этот миг не сказал,
Увидев в глазах их одни лишь печали.



Сергей АБАКУМОВ,
г. Тверь

Сергей Георгиевич Абакумов. Пишет картины, живописью увлёкся с юности. Обладает тонким чувством юмора. Писать стихи и прозу начал ещё со студенчества, в основном для дружеских капустников. С 2016 года является членом Тверского литературного объединения «Ковчег». Дипломант поэтических конкурсов и фестивалей. Стихи публиковались в альманахах «Живое слово», «Тверские перекрёстки», в журнале «Белая Скала».

СМЕРТЬ НЕ РАЗЛУЧИТ НАС

Здравствуй.

Опять разговариваю с автоответчиком. Он у тебя вежливый, внимательный и очень терпеливый. Я ему уже половину своей жизни пересказала.

Послушай, и позвони мне.

Здравствуй.

Ну, это свинство! Разве так можно? Я уже вся извелась. В общем, так, если сегодня же не позвонишь...

Здравствуй.

Твой племянник всё рассказал...

Знаешь, я совсем забыла и о нашем возрасте, и о болезнях...

Намекни... ну как-нибудь, что ты меня слышишь, ...

Послезавтра твой телефон отключат...

У молодых мобильники... Зачем платить лишнее...

Больше не смогу с тобой говорить даже так...

Здравствуй.

Как же хочется тебя услышать.

Зачем я уехала летом на эту проклятую дачу?

Мы так ни разу и не встретились, так и не знаю, какой ты. Какого роста, какого цвета твои глаза, как ты улыбаешься...

Зато я знаю твой голос. Как же мне пусто и одиноко без твоего негромкого, спокойного, понимающего, такого щемяще-родного голоса ...

Дети приходят, и внуки забегают — исполняют долг перед мамой и бабушкой, а как уйдут...

Ты знаешь, я так боялась ночей, с их жуткой, бесконечной тишиной, наполненной паническим чувством присутствия чего-то или кого-то страшного, совсем близко... за моей спиной... убивающее, беззащитное одиночество... Вот в такую мучительную ночь я и позвонила тебе... наудачу... и буквально вцепилась в твой голос, мы тогда говорили до рассвета...

Эти полгода я — женщина, которая нужна, искренне интересна. Меня ждут, любят, и я люблю...

Боялась нашей встречи лицом к лицу, боялась спугнуть это неведомое, восхитительное, необъятное чувство любви...

Всё откладывала и... не успела...

Прости меня, дорогой мой человек. Прости, что своими слезами тревожу твою душу. Больше не буду...

Это наш последний разговор.

Больше мне звонить некуда...

Прощай... Нет, до свидания. До встречи... Думаю, что до скорой.

ПОГОВОРИ СО МНОЙ, ГОСПОДИ

— Поговори со мной, Господи.

— Все мои собеседники — кто работает, кто пьёт, кто болеет, кто ещё мал, кто уже стар, а кто уже и помер...

— Подруги так же, как и я, сидят дома, слепые, глухие, поглупевшие... Ждут, когда же хоть кто-нибудь заглянет, спросит: «Ты ещё жива?..»

— Вчера Маша позвонила. Ну и поговори-и-или. Я орала из последних сил. А она всё: — Ну, чего ты молчишь?..

— У меня, Господи, голос очень тихий... теперь и вообще пропал...

— Так и не знаю, жива ли она... Уже года два не звонит. Надо как-нибудь сходить — поведать... Вот только куда идти, не помню.

— Мы с Машей столько лет дружили... Ездили летом в деревню. Там лес, речка, полевые цветы. А воздух! Какой там воздух... Что-то я хотела ей рассказа-а-ать?... Что-то важное... Забыла. Да и не услышит она...

— Ты, Господи, мой единственный слушатель... Ты и без моего голоса всё понимаешь и слышишь...

— Я вот недавно песню вспомнила. А годы летят, наши годы, как птицы, летят... Какие там годы? Всё... отлетали, остались одни часы... тянутся еле-еле.

— Сиж, слепая старуха, на кровати и жду, когда сын придёт, принесёт чего-нибудь вкусенького и почитает вслух книгу... не помню, какую. Сама читать не могу — не вижу. Раньше хотя бы телевизор слушала, так сосед с третьего этажа стал озорничать. Я задремала и вдруг во всё горло «Сникерсни... ты этого достойна!», а это сосед — спустился с потолка на мой гардероб, сел, свесил ноги и переключает программы. Я ему: «Ты что, сволочь, делаешь?!» Он подхватился, и на потолок — спрятался. Я сына попросила, чтобы посмотрел, как этот обормот ко мне пробрался. Так сын на меня же и разозлился: «Что ты, мама, как это может быть?» С тех пор телевизор мне включённым не оставляют, а сама я не умею — забываю, где нажать. Так до вечера и просижу... одна. Тоска... Жизнь моя — одно мучительное ожидание — сумрак да темень.

— Хорошо ещё, что мама стала навещать... А иначе с ума бы сошла. Давно не видалась, а тут гляжу — пришла. Правда, всё молчком. Встанет у окна и смотрит на улицу. Или присядет на краешек кровати, я ей всё рассказываю, а она молчит... Ну, всё равно хорошо — живая душа.

— Да, Господи, ко мне какой-то мальчонка заходил. Такой ма-а-аленький. Меня почему-то всё мамой называл и так ластился, головушку свою кудрявенькую положил мне на колени, а я глажу волосики мягонькие, говорю: «Я уже бабушка». А он — мама да мама, и вдруг заплакал и убежал. Ну, тут и я разревелась... Это ведь... мой... тот... нерождённый... побоялась, Господи, трудностей побоялась... Ты, если можешь, прости...

— Муж тоже приходит... всё ищет чего-то...

— Я с ним сама не разговариваю. Всю жизнь ему от меня чего-то нужно. Обязательно что-то его да не устраивает... Из-за этого и ребёночка рожать не стала...

— Вот все ко мне ходят, кроме сына. Этот всё на работе торчит...

— Господи, поговори со мной! Эта тишина сводит с ума. Я всё вслушиваюсь в неё, голова скоро лопнет...

— Сыночек, родной, приходи, заberi меня к себе! Я буду сидеть тихо, тихо в твоём большом доме... Как там хорошо — кто-то ходит... разговаривает... дети бегают... Я так люблю детей... Я так люблю тебя, сыночек...

— Не бойся. Это так... минутная слабость... Куда я от своей квартиры, от своей кровати, на которой теперь живу и днём, и ночью... На этой кровати тебя родила... Бедный мой, как же тебе было тяжело. Ты даже не кричал — стонал так жалобно... А я чуть не умерла...

— Ой, опять мама идёт. Мамочка, почему ты всё молчишь. Ты сердишься на меня? За что?

— Кто это с тобой такой огромный?.. Прогони его... ну, пожалуйста, я очень боюсь...

— Почему ты молчишь? А помнишь, как я приехала к тебе на побывку с фронта? Думала, что мы будем гулять, а сама заболела... Помнишь, как мы ясли твои эвакуировали? Эшелон отправился, а продукты не поднесли. Чем детей кормить в дороге? А их пятьдесят человек... десять грудничков... У тебя тогда седых волос прибавилось. В твои-то сорок лет. Подъезжаем к станции, смотрим, вдоль всего перрона столы, на них белые скатерти, кастрюли, горшки, хлеб, масло, сало, рыба... И все просят: «Возьмите у нас!» ... А у нас и денег нет — бухгалтер скрылась со всей нашей кассой. Люди машут руками, кричат: «Какие деньги? Как вам не стыдно. Кормите деток!» Уж мы и насмеялись, и наплакались. А помнишь, как потом матери за своими детьми приезжали, на колени опускались, руки тебе целовали? Ведь всех берегла, ни одного ребёнка не потеряла, никто даже не заболел...

— Как-то тяжело... душно... мутно. Вечные потёмки.

— Мама, не уходи. Ну, куда же ты? Я с тобой...

— Как у тебя светло и радостно... Сколько людей...

— Сыночек, не обижайся, родной, я пойду к людям...

Когда он открыл входную дверь, сразу понял — мамы больше нет.

Она тихонько лежала в своей постели на левом боку и чему-то улыбалась...

Вот и всё. Закончилось это невыносимое унижение старостью.

Больше не придётся бессильно наблюдать, как добрая, мудрая, любимая мама погружается в трясину безумия.

Он сознавал, что не справился. Однако чувства горечи не испытывал.

Ему стало легко. Больше не нужно мчаться после работы сюда, забегая по дороге в магазины и аптеки. Больше не нужно просыпаться ночью от телефонных звонков и отвечать на одни и те же вопросы, а через пять минут слышать то же самое. Всё — свободен.

Он давно понял, что это агония, что приближается тот день, когда всё закончится, когда мамы не станет. Ждал, желал, чтобы этот день наступил как можно скорее! Ну вот, наступил. Радуйся.

Ну, отдохни, отдохни. Ещё будут и слёзы, и горечь, и чувство вины и стыда... Ещё будешь вспоминать, как, заходя в квартиру к маме, слышал всхлипывание и на раздражённое: «Ну, что ты плачешь?!» — искреннее, как у детей, хлопанье в ладоши и радостные возгласы: «Пришёл, пришёл!». Будешь вспоминать последнее лето, когда мама ещё смогла спуститься по лестнице и выйти на улицу после многомесячного зимнего заточения.

— Какой воздух, какой воздух! — повторяла она и светила счастьем...

Ладно. Пока живи. Придёт и твоя старость — время платить по долгам. Будешь и ты сидеть на постели, изнемогая от тишины и одиночества, вспоминая прошедшую жизнь. Почувствуешь и ты приближение чего-то огромного, грозного, неотвратимого, страшного. Затрепещет душа от ужаса, сожмётся сердце и содрогнутся Небеса от едва слышного вопля: — Поговори со мной, Господи...

КОТ

Рассказывала мне бабушка такую историю. Жили они с дедом в эвакуации в селе N Пензенской области. Дед занимал некую должность в МТС, а бабушка при нём, значит.

Переходящую из рук в руки казенную избу бабушка привела в порядок. Вымыла и выскоблила всё, что только было возможно, и даже нанесла сокрушительное поражение древнему клану клопов, харчевавшемуся в этом доме не один десяток лет. Последнее было квалифицировано местными деревенскими дамами как чудо, сотворенное посредством колдовства и волхования.

Устроив быт, бабушка принялась за хозяйство. Перекопала лопатой пятнадцать соток целинной земли, крепко схваченной корнями разнотравья. Посадила картошку, репу, подсолнух и ещё много всякого. Она рассказывала, да я забыл.

Ухаживала за своим огородом, а осенью Бог наградил её урожаем, подтвердившим приговор — ведьма. Кроме того, бабушка завела десяток курочек, поросёнка, козу Розу и, конечно же, символ домашнего тепла и уюта — кота.

Васька был достойный представитель семейства кошачьих из отряда здоровенных, неторопливых и независимых. Прилагательные «полный» и «красивый» в бабушкином лексиконе имели одно и то же значение, поэтому она очень любила кормить. И правда, откормленный кот являл собой этакого милягу с овальной щекастой мордой, огромными сонно-удивленными глазищами, длинными завивающимися усами и бледно-розовым мокрым носом. Черная Васькина шерсть была ровной и гладкой — ворсинка к ворсинке. На солнце его бочок горел, как лампочка, и даже пускал в глаза довольно чувствительные «зайчики». На груди кот носил широкий белый галстук, на лапках — белые перчатки и коротенькие сапожки, кончик хвоста тоже был белый. Своими размерами лапы, хвост и всё остальное вызывали изумление и восхищение.

Есть Васька любил вообще, а свежую, только что пойманную рыбку в особенности. Он не встречал хозяина у дома истошными воплями, как это делали его собраты, но сам ходил на рыбалку. Трусил за спиной деда на некотором расстоянии, а дойдя до места, усаживался со спокойно-созерцательным видом, погружая застывший взгляд в бездонную глубину своего крошечного загадочного существа. Ждал. Иногда какое-то чувство зарождалось в нём и находило выражение в таком подобию мяуканья. Васька еле заметно приоткрывал рот, даже не шевельнув усами, и напрягал горло, как и полагалось, для извлечения звука, но мягкая тишина безлюдной спокойной речки оставалась неприкосновенной. Больше ничто не обнаруживало его зависимость от успеха рыболова. Наконец-то! Рыбёшка бьётся на траве, пытаюсь нырнуть в её сочные заросли, но кот не спешит. Не меняя направления взгляда, шевельнув три-четыре раза ноздрями, он отворачивается. Посидев даже больше положенного по кошачьему этикету, Васька, наконец, подбирался к рыбе и начинал лакомиться, время от времени замирая и прислушиваясь.

Маленький зверёк был очень ласковым и, как потом оказалось, крайне ранимым, но всегда старался скрыть это за внешней независимостью и нарочитым упрямством. Любой спор со своими хозяевами кот либо выигрывал, либо вынуждал их прибегать к таким аргументам, как шлепок веником или за шиворот и вон. Уступить он просто не мог. Более того, подчас, вернувшись после наказания домой, Васька мог продолжить препирательство.

О чем спорили? Ну, например, стоит ли приносить в комнату дохлую мышь, пойманную на огороде, или можно ли коту, опираясь передними лапами о край стола, тянуть свою усатую морду с трепещущими ноздрями к дедовой тарелке, или допустимо ли в период линьки устраиваться на отдых на аккуратно заправленной белым пикейным покрывалом кровати и тому подобное.

Иногда Васька уходил из дома, и надолго. Это редко было связано с любовными переживаниями. В таких вопросах он был достаточно трезв и рассудителен и из двух возможностей — полюбезничать с киской или понежиться на теплой печке и похлебать вволю молочка — как правило, выбирал последнее.

Оговорюсь, что Вася не был аскетом, отнюдь, весной он полностью, до самоотречения предавался блудной страсти. Как иные мужики в дни запоя, кот забывал и о достоинстве, и о еде. Домой возвращался израненный, тощий и грязный, едва держась на своих четырёх лапах. Несколько дней Васька приходил в себя — отсыпался, отъедался и лечил раны, являя образец кротости и покорности.

Как правило, если кот надолго покидал домашний очаг, значит, он обиделся, бабушка с дедом это чувствовали и очень переживали. Каждый вечер кто-нибудь из них выходил за калитку и зазывал Ваську, вглядываясь в сгущающиеся сумерки, но напрасно.

Когда же кот возвращался (иногда через две-три недели), радости не было конца. Его ласкали, баловали вкусеньким, сокрушались о худобе и неопрятности, разрешали многое из того, за что раньше бы перепало веником. Был один неприятный момент — обязательное купание в корыте, но это не могло испортить Васе настроение, и, сидя в препротивной сырости, он громко мурлыкал песню счастья и радости.

Но вот однажды...

Осенью 19... года деда назначили директором МТС. Нужно было переселяться на центральную усадьбу в деревню М. Быстро собрали вещи, подготовились к переезду. Утром подошла машина. Пожитки покидали в кузов. Пора садиться и уезжать. Но где же кот? Вот только, что вертелся под ногами. Куда делся? Искали Ваську недолго — невелика птица. Водитель Николай, мужик лет 45-50, спешил в правление получить разнарядку. Время военное — опаздывать нельзя. Покричали коту, позвали и решили, что завтра Николай опять сюда подъедет и поищет Ваську.

Вечером следующего дня водитель пришёл в новый дом бабушки.

— А где кот? — спросила она.

— Помер. — ответил мужик.

Так и сказал: не сдох, а помер, как про человека.

Вот что он рассказал.

— Я еще утром подъехал, а тут соседка ваша бежит.

— Ой, Коля, всю ночь кот орал!

— Где?

— На чердаке посмотри.

— Полез. Темно. Прислушался — шмыгает кто-то. Зажигаю спичку — Васька. Всхлипывает, слёзы по морде текут. Глаза остановились, как у моей Матрёны, когда похоронку на нашего старшего получила.

— У меня в груди так сдавило — выдохнуть не могу. Плачу. Спичка погасла. Впотьмах нашарил я котика, взял в руки, а он такой мягкий, повис, не двигается, только икает, как малец наревевшийся.

— Прижал я его к щеке, как будто это мой Ванька убитый, и в голос по-бабьи как завою. Всю мою боль скрытую, спрятанную, с самого дна слезами вынесло...

— Наревелся про беду свою над вашим котом. Как будто из груди камень выкинул. Простил, видно, Ваня мне все свои обиды, простил да упокоился... Земля ему пухом...

— Опустил я кота на пол да бежать — на работу опаздываю. Слава Богу, никто не выдал.

— Вечером возвращаюсь Ваську забирать, а он так и лежит там, где я его оставил. Вытянулся весь, язык прикушенный высунул — как дразнится: «Опоздал, мол, помер я».

— Чего помер? Затосковал видно — испугался, что бросили. Закопал я его на огороде... с краю... Жалко кота. Удивительное дело — война, горе кругом, сына старшего убили, другой воюет где-то, сами работаем на надрыв, а и для кота жалости хватило. Видно, истинно говорят — русское сердце на жалость беспредельно!

— Вот так, брат ты мой, — закончила бабушка эту сказку, — сам Васька нас с дедом бросал частенько и надолго, а как его оставили на один день... Нужно поменьше о себе да побольше о дорогих своих беспокоиться. Почаще к нам — старикам — захаживать. Нам от тебя и нужно-то, чтобы посидел да послушал. Радуйся, что есть, к кому прийти. Сколько ещё осталось...

Ну, это уже в мой огород камешки посыпались.



Мария СМЕРНОВА,
г. Питкяранта, Карелия

Член Совета молодых литераторов Карелии, автор сборника стихотворений «Человек из искр». Лауреат всероссийских и региональных конкурсов и премий: журнала «Север» – «Северная звезда», литературной премии имени С.Н. Дурылина, фестиваля-конкурса «Русский Гофман», поэтической премии «Фонарь» издательства «Перископ-Волга», литературного конкурса «Уральский книгоход», участник короткого списка премии имени Александра Левитова, участник длинного списка литературной премии «Лицей». Участник всероссийского семинара-совещания молодых писателей «Мы выросли в России». Обладатель спецприза фестиваля «Покровский собор».

Публикации в журналах «Север», «Южный маяк», «Нижний Новгород», «Литература», поэтическом альманахе «45 Параллель», публикация подборки стихотворений на сайте Rospisatel.ru

* * *

Ночью подсвечено небо и край земли. Снится мне детство — лета и солнца сплав.
Вот — мои деды! — Семечком проросли в детской душе Сумы и Ярославль.
Я — паутинка, ниточка... (Я — не я, а незаметная странного мира часть),
Между натянута, — силую свести края стран, чьи границы болью кровоточат.
— Дедушка! Дедушка! Что это за игра? Кто сочиняет правила? — Расскажи!
— Спи, моя рыбонька, я расскажу с утра. Будет всю июль, и беспечна — жизнь.
Вы не застали холодный, больной февраль (два паренька: ярославский и тот —
из Сум),

Только во сне вас и вижу. Не буду врать, я с февраля — словно бы навесу.
Поздно не спится. Мало кому — до сна. Где-то подсвечено небо огнём войны.
Всё чаще мне кажется, держится небо на плохо пришитой пуговице Луны.

КОФЕЙНЫЙ БОГ

Не сотвори кумира! — В памяти между строк.
Курится трубка мира, — смуглый кофейный бог
(Очень земная штука!) чашку мою согрел.
Есть только я и турка. Нет ни огня, ни стрел.
Метко летят молитвы в сердца живую цель,
— Ангел на поле битвы тьму захватил в прицел.
Цепью — стихи и лица, воины и рубежи.
И продолжают литься кофе, слова и жизнь.

ПАЦАНЫ

Если встанет у входа в Рай этот строгий Пётр —
Волевой подбородок и взгляд, руки — в боки упёрты,
Протянет скрижаль и станет смотреть с укоризной,
Мол, что ещё отчебучили в брэнной жизни?

(Перехватит взгляд и разведёт руками:
— Свиток тут не сработает, здесь в самый раз — камень!)
Напишите ему на этой святой скрижали,
Как мы курили на свалке за гаражами,

Как мы пели Цоя на трубах (со стекловатой),
Выживали и выжили, славные мы ребята!
Как одни из нас остались в песках Афгана,
Другие — разбились о рифы на дне стакана,

Напишите ему как на духу, честно,
— Саня погиб во время второй Чеченской,
А потом при штурме школы в Беслане мы
потеряли Славку,
Как немели от скорби во времена «Норд-Оста»,
Как душе не давали вырваться в девяностых
Из тела смятенного, в бедности и разрухе,
А Лёха тогда искал донора для старухи-
Матери. Когда она распростилась с миром,
Через год ушёл от мерцательной аритмии.

Мы были такими же, как времена — лихими!
Сами себе — и спасатели, и алхимики,
Не знали, живя, какую цену платили...
Над бездной висела страна, но мы сдюжили — подхватили.

И, если взглядеться, — на полароидных снимках
Почти проявились наши земные нимбы!
Мы так отчаянно шли к этой светлой цели,
Что только избранные уцелели.

Мы стали зубры, тигры, медведи, мордовороты:
Взглядом валим деревья, зубами мы ловим пули.
Пётр на миг застынет.., отбросит скрижаль, распахнёт ворота
И скажет: — Айда, пацаны! За углом покурим!

СЛОВО

В дымящихся руинах наносного
 Над городом встаёт
 И, вместо солнца, огненное слово
 Пускается в полёт,
 У каждого — своё, для всех — едино.
 Горят его следы
 О том, что жизни вечный поединок
 — Поэзия беды,
 И в тот же миг — поэзия рожденья
 Весны, капли всхлип!
 Мы прочитали слово в этот день и
 Произнесли.
 И стало слово — небо, поле, колос,
 Родной уютный двор,
 И стало слово — ясный, звонкий голос,
 Он вёл наперекор
 Войне, в знакомый махонький посёлок,
 Где в домиках кривых,
 Под звуки песен грустных и весёлых,
 Бездонной синевы
 С икон глаза глядели благочинно,
 Искря, курился мирр,
 И где на самом кончике лучины
 Светилось слово
 Мир.

* * *

А наавтра случился рассвет без войны и без боли
 От осколков, от пуль и от самых дурных новостей.
 А наавтра — апрель. И никто не вернулся из боя,
 Потому что и не было боя. А нам на хвосте
 Приносили сороки заветные светлые строки
 О победе весны на земле. И в родимом дворе
 Гомонили мальчишки, в «войнушку» играя на стройке.
 И земная война до поры притаилась в игре.
 А весна наступала, был шаг её смелый, широкий.
 Лютовали салюты! — Сквозь небо пульсировал цвет,
 Чтобы мы зазубрили смертельные эти уроки
 И очнулись собой,
 А на наавтра случился рассвет.

О ЧЁМ МОЛЧИТ ВЕРЕСК

Полчаса до рассвета. Забыли про сон.
 Над усталой землей истребитель летит.
 Споро крутится страшной войны колесо.
 — Даже вереск, родимый, гудит!

Вот команда: В атаку! Как черти, бежим!
 И стреляем, и колем! — Тесним до поры.
 И колотится пульс... И так хочется жить!
 Но сминает предательский взрыв.

Как в тумане, я вижу поля и цветы...
 И так робко затих по-весеннему мир,
 Что от этой могучей, живой красоты
 Сердце будто пронзило на миг!

И я вижу двоих: дед с мальчонкой идут
 Сквозь разрывы, осколки, свистящие — Смерть!
 Я контужен? — Их пули, и те не берут!
 Я теряю сознание... — Не смей!

Кто они? Как попали на эту войну?!
 Почему пулемётный огонь не звучит?
 Я готов умереть за такую весну
 И за вереск, который молчит!

А они говорят. И смеётся малец.
 И откуда-то знаю: все это — ПОТОМ.
 Новый вереск пробьется на старой земле...
 И они — это ПОСЛЕ. Я — ДО!

И я слышу, Я СЛЫШУ, о чём говорят!
 Но не буду... НЕ СТАНУ жалеть ни о чём!
 Старший шепчет, поникнув, мальцу: — Тише, брат,
 — Мы по скошенным душам идём!

Кто они? Как попали на эту войну?!
 Почему пулемётный огонь не звучит?
 Я готов умереть за такую весну
 И за вереск,
 который молчит!

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Где-то между этими
 Неподъёмными днями
 Тянется светлая ниточка
 Музыки,
 словно тропинка,
 По которой
 Идёшь на свет.
 Вьётся, бежит,
 Просачивается.
 Пусть ещё звук не явен,
 Пусть ещё нет голоса,
 Только — его предчувствие,
 — Музыка копится,
 Двигается,
 Собирается в мириады
 Световых ручейков,
 В единый поток,
 Умирает,
 Рождается и
 Меняет мир целиком,
 Напирает
 На зимние стены
 Усталости,
 Отчужденности
 И молчания,
 Чтобы присвоить себе
 Единый миг,
 Когда
 Из всех затаившихся,
 Южных
 И северных,
 Ароматных и липких
 Древесных почек
 Грозовой и озоновый
 Грянет май,
 А на тебе
 В ту секунду
 Не будет бронежилета.



Дмитрий ДАРИН,
г. Москва

Дарин Дмитрий Александрович. Поэт, писатель, публицист. Член Союза писателей России, ДНР и ЛНР, член Союза журналистов России, член песенной комиссии Союза московских композиторов. Печатался в журналах «Наш современник», «Роман-газета», «Смена», «Сура», «Север», «Родная Ладога», «Дальний Восток», «Аргмак», в «Литературной газете» и др. Автор 11-ти поэтических сборников и трёх книг «Русский лабиринт», «Синдром бабочки», «Рассказы о нас». На стихи автора написано более двухсот произведений академической и популярной музыки. Поэзия Дмитрия Дарина переведена на арабский, испанский, болгарский и французский языки. Лауреат Большой Премии им. С. Есенина «О Русь, взмахни крылами!», лауреат Международного фестиваля патриотической песни «Красная гвоздика», лауреат литературных премий им. М.Ю. Лермонтова, «Имперская культура» им. Э. Ф. Володина, им. В.С. Пикуля и др. Отмечен памятной медалью Министерства культуры России им. А.П. Чехова, медалью литературной Премии «Святое русское слово», медалью «Сергей Есенин» Государственного музея-заповедника С.А. Есенина, Почётным знаком Рязанского землячества в г. Москве. Действительный член Петровской академии наук и искусств, Российского военно-исторического общества

ПОДАРОК

1

— А почему тебя зовут Шура, если ты Саша? Ну, Александра? — спросила крупная девочка из старшей группы неожиданно писклявым голосом. Рядом с ней стояли еще две её подруги и, не стесняясь, осматривали Шуру с ног до головы.

Та, что звалась Шурой, стояла, прижавшись к стене. Вернее, прижатой. Она была новенькой, а новеньких в детдоме сразу испытывали на достоинство. Но она этого не знала, только чувствовала какую-то несправедливость, ведь она никому ничего плохого не сделала. Сами собой стали наворачиваться слё-

зы, а плакать был нельзя. Она хотела съесть апельсин, данный вместе с напутствием от бабушки, но, может, нужно было сразу им поделиться? Друзей, которые могли бы помочь и подсказать, Александра завести ещё не успела, а враги, кажется, завелись сами и сразу. Полу-очищенный апельсин стал сочиться из-под пальцев.

— Потому.. потому что это так... ласково звать, — пролепетала Саша.

Девочки засмеялись, даже загоготали.

— Ты гляди, — снова запискивала крупная, — она ласку любит! А ну-ка, дай сюда!

Саша покорно протянула мокрую ладошку.

— Фу! — фыркнула одна из наседавших девочек и ударила Сашу по руке. Апельсин вылетел из ладони и с неприятным чмоканьем приземлился у двери комнаты.

— Да ты неряха пачканная, — нахмурилась крупная, — быстро на колени и ешь свой апельсин с пола. Я кому сказала?!

Саша переводила недоуменный взгляд с одной девочки на другую. От ужаса и унижения её и без того большие синие глаза расширились и вдруг потемнели. Потекшие было слёзы испарились. Саша отошла от стены, под довольные усмешки нагнулась и подняла злосчастный апельсин.

— Я сказала — с пола жрать! — нахмурилась писклявая и сделал шаг вперед с очевидным намерением ударить. Остальные тоже шагнули, но чуть позади. Саша размахнулась и вlepила апельсиновой мякотью прямо ей в рот. Все трое опешили и встали, как вкопанные. Саша отвернулась и вышла из комнаты. Только на улице на неё напала какая-то нервная дрожь. Её трясло, но слёз почему-то не было. Саша не узнавала себя — всегда кроткая, любимица родителей и двух бабушек, она даже нашалившую кошку не могла обидеть, а тут... Саша также понимала, что за такой поступок ей придется плохо, может быть уже этой ночью, ну и пусть. Лучше плохо потом, чем плохо сейчас. А хуже того, что от неё требовали и быть не могло.

Саша вспомнила, что ей говорила бабушка ещё час назад, даря на прощание этот апельсин:

— Ты, потерпи, внученька, ты же знаешь, что мне на операцию ложить-

ся, а кто тебя в школу соберёт, кто накормит. Одни мы теперь с тобой на белом свете, но я тебя заберу, месяца не пройдет. Потерпи, моя хорошая, мама с папой смотрят на тебя с неба, надеются на тебя. Ты же кровинушка наша, чуток только потерпеть, четыре недельки. Ну, пять от силы. Операция, говорят, не такая уж сложная, но потом лежать в палате нужно. Я в больничной палате, ты в этой. Воспитательница точно уверила, что девчонки здесь хорошие, дружелюбные, скучать не будешь. Хорошо, Шурочка?

Мама умерла при её родах, отец погиб на СВО. Мачеха, формально не разводясь, сбежала с какимто столичным хлыщом, не прожив с ними и трёх лет. Был бы папа жив... он всегда легонько шелкал дочку по носу, когда она терла кулачками заплаканные глаза и приговаривал:

Ударит в барабаны
Солдатик оловянный,
Ура, ура! Вперёд, вперёд!
А не наоборот!

Саша представляла, что это она — стойкий оловянный солдатик, про которого читала ей бабушка, как она гордо вышагивает вперёд и не оглядывается на отстающих. Слёзы утихали вместе с обидой.

Но где детские обиды, а где взрослое горе. Саша привыкла к несчастью, но привыкла его разделять с единственным родным человеком — бабушкой, а тут с кем? Тут у каждого своё горе, если каждый делиться будет... Оттого и злые, как бездомные собаки. Ничего себе — дружелюбные... От такого «дружелюбия» всё снова всколыхнулось в детской душе — она вспомнила похороны отца, слова людей в камуфляже, на котором сверкали медали, десантный флаг над

свежей могилой... и тут слёзы уже потели рекой, даже вытирать их не имело никакого смысла. Оловянный солдатик не помог — всё-таки олово — металл мягкий, не свинец.

Проходившая по двору воспитательница равнодушно потрепала её по головке.

— Ну, ну, перестань. Пообвыкнешь, небось. Иди на ужин — вон в тот корпус — и не плачь — здесь такого не любят.

Это Саша уже поняла. Здесь такого не любят. И таких не любят. И никого не любят. Воспитательница не стала дальше утешать и тем более вникать в девичью душу — таких душ тут больше ста — и проследовала дальше. Саша перестала дрожать, утёрла глаза и носик платочком, которым бабушка обтёрла апельсин и отдала вместе с ним, посмотрела в гаснущее небо, словно пытаясь запомнить его перед долгой-долгой ночью, и пошла в столовую.

Даже невесёлое лето пролетает быстрее весёлой, но холодной зимы. Саша больше не плакала. Не потому, что задевали её теперь редко — так, попробовали ещё пару раз, но хватило ледяного тона и ледяного взгляда, чтобы пробы прекратились. Только дразнили иногда издали: Шура-дура, или Шура-шура, но вполголоса, промеж себя, не в лицо. Естественных врагов, даже из старших отрядов, у неё теперь не было, но и подруг тоже. Может, униженные раньше неё, не смогишие дать отпор, теперь испытывали к Саше что-то вроде завистливой ненависти, заменявшей бесполезную ненависть к унижавшим. Может, боялись мести старших девочек за дружбу с непокорённой. А может, оттого, что у неё все-таки были родные — бабушка, которая когда-то заберёт Сашу отсюда — именно её, а не

кого-нибудь из них. А им, «инкубаторским», как дразнили их иногда недалекие воспитатели, нужно было уметь понравиться тем редким тётям и дядям, которые приезжали выбирать себе ребёнка. Это чем-то походило на выставку кошек, куда их однажды свозили на экскурсию — но даже кошки в клетках кому-то принадлежали. У них были хозяева, то есть семья. У «инкубаторских» не было никого. И каждой девочке, и каждому мальчику на смотринах нужно было лезть из кожи, чтобы убрать из глаз волчий прицел, не сжимать кулачки, улыбаться во весь рот и становиться белыми и пушистыми. Но притворство слезало с детских душ быстрее, чем просроченная краска с потолков их обшарпанных комнат. И тогда натерпевшиеся от бессмысленного и беспощадного детского бытового бунта приёмные родители возвращали ребёнка в детдом. «Боже мой, какой это оказался ужасный ребенок. Никакого сладу с ним. Чужая кровь, как волка ни корми...» — взрослые говорили, как по шаблону. Но в действительности ужасными были сами неудавшиеся родители — кто-то попрекал куском хлеба, кто-то «включал золушку», которая должна была не жить, а отрабатывать жизнь в приёмной семье. Кто-то, наоборот, сюсюкал и обхаживал сверх меры, так, что от такого сладкого обращения в детских душах быстро образовывался кариес. Чужая кровь... а вот у Саши была бабушка — родная кровь, а, значит, она оказалась здесь случайно, временно. И потому так и осталась здесь всем чужой. Чужой, но никогда больше не плакавшей.

Операция прошла не слишком удачно, понадобилась вторая и потом третья. Но обошлось, и Сашина бабушка смогла сдержать своё обещание. Уже выпал

первый ноябрьский снег, когда бабушка, отгладив внучку по постриженным волосам и отцеловав в макушку и обе щеки, потом расписавшись, где нужно, повела её домой. Саша обернулась — с детдомом её теперь соединяла только пара следов — больших и маленьких. Когда-то с прошлым нас начинают соединять только большие следы, и только потом к ним снова присоединяются детские. Так устроена жизнь.

2

Саша вернулась в школу, в свой класс, где дети ей обрадовались взаправду. Это было так здорово и приятно — возвратиться туда, где тебя помнят, прийти не на новенького. Её окружили на первой же перемене, совали конфеты и бутики — как будто Саша всё это время жила впроголодь. Такого, конечно, не было — в детдоме кормили сытно, хотя и не очень вкусно, но выразить участие по-другому дети не умели. Сашу это не смешило, скорее, приятно забавляло, но ей не хотелось, чтобы её жалели и даже просто сочувствовали. Жалость жалит сердце подчас больней оскорблений. Саша просто не хотела ни от кого ничем отличаться, а выделяться тем, за что жалеют, не хотела тем более.

— Шура, а как там училки? Лучше нашей географички?

— Шурочка, а физра там есть?

— Шурка, а правда, что там девочки в одинаковой форме все?

— А правда, что косы запрещено носить?

Саша приветливо улыбалась и отвечала на все вопросы, но коротко, чтобы сбить слишком уж повышенный интерес. На второй перемене с вопросами лезли уже меньше, к последнему уроку вопросы и вовсе иссякли, и она, нако-

нец, ощутила себя в своей тарелке.

Через месяц уже начались самые приятные хлопоты — предновогодние. В каждой российской школе проводятся утренники, приглашается Дед Мороз, родители, кто позажиточней, покупают, а в основном — шьют чадам костюмы зайцев, пингвинов, пиратов, лисичек и снежинок. Сашина бабушка мастерила внучке костюм ёлочки из своего старого зеленого бархатного платья. Бархатная ткань советского производства была, однако, качественной и почти не выцвела, да и платье надевалось по редким случаям — «ёлочка» выходила на славу. Саша каждый вечер крутилась вокруг швейной машинки «Чайка», подсказывая про кружева и бусины. Особенно про звезду, которую нужно было приделать к зеленой шапочке. Бабушка с притворной строгостью отгоняла внучку, чтобы не мешала, но разве девочку и кошку отгонишь надолго от того, что им интересно?

За неделю до самого весёлого праздника платье «ёлочки» было готово. Оно было украшено стеклярусом, атласными лентами, снежинками из тюля, а на голову был сшит целый колпак с зеленой мишурой, увенчанный серебряной звездой из фетра. Саша примеряла его перед зеркалом по несколько раз в день и никак не могла дождаться утренника. Но не только чтобы очаровать всех своим нарядом — она неосознанно ждала, что все неприятности, вся боль будет смыта новогодним весельем с её детского сердечка, что праздник отчеркнёт прошлое, и всё плохое, всё тоскливое останется только в памяти, но не в душе. Однако случилось иначе.

— Теперь похлопаем Стёпе — за его костюм космонавта. Стёпа, выходи на середину, сюда, встань перед ёлкой, —

командовала классный руководитель — учитель географии Зинаида Эдмундовна.

«Космонавт» Стёпа, пунцовый от стеснительности, встал на указанное место.

— Стёпа хотя не отличник, но твёрдый хорошист. Таких берут в космонавты. И за хорошую учебу и замечательный костюм ему полагается... что? — спросила Зинаида Эдмундовна.

— Подарок! — хором откликнулся класс.

Когда Дед Мороз вынул из своего волшебного мешка упакованную коробку и отдал ещё больше загустевшему Стёпе, все дети захлопали — каждый мечтал, чтобы скорее уже вызвали его, похвалили за костюм и дали подарок.

— Что нужно сказать Деду Морозу? — строго спросила классный руководитель.

— Спасибо, — буркнул хорошист Стёпа, почти бегом ушёл за спины детей и стал сразу разворачивать коробку. Ему никто не мешал и не подсматривал — все дети смотрели на следующего счастливчика, вызванного к ёлке. Саша стояла с краю, ей вдруг подумалось, что она в платье «ёлочки» лучше всех будет смотреться у живой ёлки. И ещё она хотела попросить разрешения рассказать новогодний стишок собственного сочинения:

Я бабулю так люблю,
Не шалю и не грублю,
И учусь серьёзно,
И у дедушки Мороза
И у Снегурочки
Попросить бабулечке
Крепкого здоровья,
И не хмурить брови!

Ведь она была не просто Александр, а Александра Сергеевна. «Почти

Пушкин» — шутил отец. Саша хотела этим стихом порадовать и поблагодарить бабушку за такое платье — самое лучшее на празднике. И бабушка у неё — самая лучшая. И папа — самый лучший. И мама, которую она видела только на фотографиях. Но осталась только бабушка, и стишок был для неё. Саша выписала строчки на листочек из тетрадки и время от времени подглядывала, чтобы не сбиться, когда её вызовут. Но вот уже осталось две девочки и один мальчишка — Макар, двоечник, а её всё не вызывали. Наконец, выкликнули двоечника — как и полагается по заслугам — последним.

— А теперь, дети, давайте позовем Снегурочку — пробасил Дед Мороз, и все дети стали кричать за ним по слогам: Сне-гу-роч-ка! Сне-гу-роч-ка! На третий раз дверь распахнулась, и в залу вплыла не очень молодая, но очень разряженная Снегурочка с огромными приклеенными ресницами. Взяв детей за руки, освобождённые от сданных родителям подарков, Снегурочка завела хоровод вокруг ёлки.

Саша стояла в стороне, как окаменевшая. Она не понимала, почему её не позвали, почему не похвалили платье, почему не дали сказать и не дали подарка. Она не плакала, только часто-часто моргала и смотрела на хоровод счастливых детей, которым не было до неё никакого дела. Саша даже не заметила, что её бабушка разговаривает у учительского стола с географичкой и Дедом Морозом, показывая то на неё, то на ёлку.

— Чего вы хотите? — раздраженно говорила Зинаида Эдмундовна. — Все родители сдали по пятьсот рублей, кроме Вас.

— Так откуда ж мне знать, Господи? — всплеснула руками Сашина бабушка.

— Никто не говорил, никто не упреждал. И деткам не говорили, а то Сашенька бы обязательно мне передала.

— Конечно, не говорили. Ведь это сюрприз для детей, как мы можем им про их же подарки говорить? Да еще суммы озвучивать? Не соображаете?

— Милочка! Ну как же! А Сашенька? Вот, возьмите, сколько у меня есть, но давайте подарок подарим, ей же обидно на всю жизнь! У неё отец погиб на Украине, как же можно! — бабушка стала рыться в сумке и достала старомодный кошелек с металлической застежкой. — Вот, двести... триста...

— Не надо, уберите, — брезгливо поморщилась Зинаида Эдмундовна. — Нужно было в школьный чат заходить, там всё было указано, а сейчас поздно уже. И Украина тут ни при чём.

— Куда заходить?

Зинаида Эдмундовна потеряла интерес к разговору и отошла от стола.

— Послушайте, может у Вас остался хоть какой-то подарок? — бабушка умоляюще посмотрела на Деда Мороза. Тот развел руками и вывернул мешок — там ничего не было.

— Уважаемая, я и рад бы, но нам дают ровно столько, сколько нужно выдать. А с другой школы ничего не осталось, — развел руками Дед Мороз. — Но погодите.

Он подошел к классному руководителю и что-то стал шептать на ухо, приподняв ватную бороду. Зинаида Эдмундовна сначала отмахивалась, но потом, видно, уступила, вернулась к столу и достала шоколадку «Алёнка».

Когда хоровод остановился, географичка подошла к ёлке, хлопнула в ладоши и крикнула:

— А Дед Мороз у нас забыл про одну девочку. А ну, Александра, подойди сюда, ко мне.

— А она детдомовская, — крикнул кто-то из мальчиков. — Вот и забыли.

Саша посмотрела на класс, выискивая того, кто это крикнул, но не сдвинулась с места.

Пауза затягивалась. Зинаида Эдмундовна, уже без улыбки, подошла к Саше и протянула ей шоколадку.

— На, бери свой подарок!

Саша отвернулась и пошла к выходу. Звезда на её колпаке плыла ровно, гордо и высоко. За внучкой торопилась бабушка с её пальтишком и уже не праздничной шапкой. Когда за ними закрылась дверь, Снегурочка снова взяла детей за руки и повела хоровод под «Каравай, каравай, кого хочешь выбери», но уже в обратную сторону.

3

Михаил потянулся к маленькому барчику, сделанному им саморучно в углублении обычного шифоньера, и достал початую бутылку недорогого коньяка. За эти дни он наделморозил себе на больную печень, и пить бы не следовало, но завтрашний день обещал остаться незанятым, и можно было выспаться и восстановиться. Да и кто на Руси бросает пить на полбутылке?

Зато на закуску осталась целая плитка шоколада «Алёнка». Михаил зашуршал фольгой и вдруг представил себе давешнюю девчущку с серебристой звездой на смешном колпаке. Это её шоколад достался Михаилу, та злобная училка, видимо, отдала ему «Алёнку» нарочно, чтобы в жадности не упрекнули. Жадность — не жадность, а чуткости там ни на грош... Михаил покачал головой и поднёс рюмку к губам, с которых полдня нужны было отплевывать вату с дедморозовской бороды. Но не выпил... В голове завертелось что-то неудобное:

— Какая гордая девчонка, гляди, побрезговала шоколадом-то. А он вот не побрезговал. Да, чёрт возьми, какое ему дело — это же не его дочка, не его училка, и школа не его. Своей дочурке он подарил такой подарок, что прям счастье... а эта — чужая, на всех чужих детей не страдаешься. Не его, и всё. Но город-то его. И тот парень, который, как он слышал, погиб на спецоперации, тоже отсюда. Наверное, по частичной мобилизации взяли. Он сам по возрасту и по званию подпадал во второй разряд, но до него пока не дошло. А вот мужику этому не сvezло... да... а, может, вообще доброволец. И я сейчас буду есть шоколад его дочери? Жаль, не спросил её имени-фамилии, в придачу с отчеством. А что бы ты сделал? Сбегал в магазин за отдельным подарком? Так всем не наносишься, а задним числом уже как-то не то...

Вдруг Михаил понял, что нужно делать, поставил рюмку на стол и взял вместо неё телефон

— Сёма, ты? Ты же ещё работаешь в этой конторе... организации... ну, как её... да, фонде... да, который посылки шлёт на фронт... ну да... нет, я тёплое в прошлый раз отдал, сам мёрзну... другое дело, слушай, может, поможешь одной девчонке? Там исправить надо...

Убедившись, что на том конце его поняли правильно и записали адрес школы, Михаил обменял телефон на рюмку в обратном порядке и спокойно выпил досуха, не закусывая.

Волонтёр Сёма не обманул. Связи фонда «Посылки фронту» были налажены на всех уровнях. Недели через две об этой истории уже знали на передке под Бахмутом, где воевал и погиб Сашин отец.

— Ты помнишь Серёгу — позывной

«Сталкер»? — спросил своего бойца комроты.

Боец, пропитывавший в банке с растительным маслом бинт для самодельной свечи, откликнулся не сразу.

— Помню, как не помнить. Я его доку сдавал с рук на руки, когда «птичника»* на позицию сопровождали. Туда-то нормально, а обратно — накрыло из РПГ.

— Да... — ротный выпустил сизое кольцо в закоптелый потолок, — не довезли Сталкера. Помню, он ещё приговаривал — «вперёд, вперёд, а не наоборот...» — что-то такое.

— Вот он вперёд за «птичником» и полез... за двухсотым уже... я говорил ему, дождёмся темноты, потом вытащим. Не, полез. А наоборот как раз лучше вышло бы.

Ротный помолчал, накуриваясь всласть.

— Тут такое дело... дочку его обидели. В школе. Волонтеры донесли.

Боец зажёл свечу, и прикурив от неё же.

— В смысле?

— Да в прямом. Обнесли на Новый год подарком. А детям знаешь — это обида на всю жизнь.

— Кто ж спорит. И что теперь? Скоро весной запахнет.

Ротный сделал ещё затяжку и притушил окурочок о ладонь.

— Олег, у тебя же отпуск не за горами?

Олег, не отрывая взгляда от жёлтого свечного огонька, пожал плечами.

— Отпуск скоро, да я на побывку к своей дочке поеду. И пацану своему. На Алтай. А Сталкер с Урала был, если не ошибаюсь.

— Не ошибаешься. С Челябинской области.

Пару бойцов из освещенного теперь угла блиндажа подошли к столу.

— Мне Сталкер раз жизнь спас — я за ним под обстрелом в нужный окопчик нырнул. А в тот, где мы полминуты назад сидели — 120-ка** прямиком прилетела.

— Я тоже в том окопчике с жизнью прощался. Сталкер выручил, да ты сам же знаешь, Сыч!

Олег, которого называли Сычом, закурил по новой.

— Да я так... к слову. Заеду. А что сделать нужно?

— Я бы директора школы расстрелял! — полушутя отозвался кто-то из дальнего тёмного угла.

Личный состав дружно рассмеялся. Олег завершил шутку второй половиной:

— На побывку оружие с собой не полагается. Если только из го@номета.

— Ладно. Оставим этих педа... гоговить пока, — милостиво разрешил ротный.

— Давайте, пацаны, сбросимся на такой подарок... на такой, чтобы все в классе от зависти задохнулись, — раздался тот же голос, который предложил расстрелять директора школы.

— Тогда уж и послание ей нужно записать, — предложил Олег, — дружно, вместе. Что отец, мол, герой и всё такое.

— Верно! — одобрил ротный. — Чтобы не посмели больше обижать дочь героя. Но не завидовали, а гордились.

4

Оказывается, в природе встречаются и хорошие понедельники. Саша узнала об этом, когда в конце урока географии открылась дверь, и в класс вошло четверо серьезных мужчин. Один — самый коренастый — в камуфляже, с ровным рядом медалей на гру-

ди. Второго, в обычной толстовке, с сумкой через плечо, она не знала, третий, в строгом костюме, был, кажется из какого-то начальства, толкал речи на школьных торжественных мероприятиях. Четвёртым был директор школы, он следовал последним, пропуская остальных вперед. Зинаида Эдмундовна свела узкие брови и поджала такие же узкие губы в презрительно-строгую гримасу, и уже открыла рот для возмущения, но, увидев расшаркивающееся начальство, оставила строгость только в глазах.

— Здравствуйте дети, — неожиданно мягко сказал директор школы и махнул рукой встающему классу, садитесь, мол.

Ученики расселись шумнее, чем вставали, и наостригли уши. Сейчас должно было произойти что-то очень интересное. Макар и Стёпа вжали плечи — наверняка пришли по их душу за разбитую давеча теплицу в частном секторе.

Молчание долго не продлилось. Тот, который начальник, ужалив взглядом Зинаиду Эдмундовну, развел руками и начал:

— Дети, вы знаете, что по Указу Президента нашей страны Владимира Владимировича Путина о мобилизации от двадцать первого сентября две тысячи двадцать второго года были мобилизованы... призваны на службу граждане России... триста тысяч человек... среди них, конечно, есть и мужчины нашей области и нашего города. Они храбро защищают нас на передней линии борьбы с новым фашизмом, который расцвел пышным цветом на Украине. И не все возвращаются назад. Многие... некоторые падают там... пали там смертью храбрых. Это герои, которыми гордится наша область, и наш регион, и наш город...

— И ваша школа! — перебил с досадой тот, который в толстовке. — И ваш класс. Потому что здесь учится дочь такого героя. Мы посылаем гуманитарку бойцам на фронт, за ленточку, на самый передок и в тыл тоже. И всех вас приглашаем к нам волонтерами. Мы — это волонтерский фонд «Посылки фронту». Но тут обратный случай. Посылка приехала с фронта. Дочери героя СВО — Александре Оловянной.

Все разом обернулись на замершую Сашу. Она медленно встала и застыла у парты. Только глаза её, перебегающие с одного взрослого на другого, засинели ярче.

Коренастый откашлялся и сделал шаг вперед.

— Меня зовут Олег. Олег Иванович, фамилию не называю, позывной «Сыч». Я здесь у вас проездом в отпуск из зоны боевых действий. Мы воевали с твоим отцом, Саша. И он спас мне жизнь. И не мне одному. И вот мы на фронте узнали, что тебе на Новый год не достался подарок. По... ошибке наставников... или по другой причине... — Олег обернулся и так выразительно посмотрел на Зинаиду Эдмундовну, потом на директора, что сразу стало ясно происхождение позывного, — в общем, мы, сослуживцы и боевые товарищи твоего отца, решили исправить этот... промах. Но прежде, чем вручить тебе наш фронтовой подарок, посмотри этот боевой привет от нашей роты. Сёма, подключи.

Олег дал свой мобильник, к нему подключили портативную колонку, которую Сёма вынул из заплечной сумки.

— Дети, давайте все сюда, — махнул рукой Олег.

— А как же урок? — хотела было возразить географичка, но под взглядом директора осеклась.

Детвора не заставила себя просить дважды и тесно сгрудилась вокруг Олега. Двоечник Макар даже умудрился потрогать медали. Одна Саша осталась на месте, как приколоченная к полу.

— Александра, что же ты стоишь, иди сюда, — позвал Сёма. — Вот, становись в самый центр. Это же тебе.

Дети расступились, Саша встала прямо напротив экрана телефона. Включилась запись, и какие-то бородатые люди с теплыми глазами и широкими улыбками что-то говорили, называя её по имени, уважительно поминая отца, но что конкретно — Саша не разбирала, в ушах стоял какой-то гул, словно в них заложили вату из всей бороды тогдашнего Деда Мороза. Может, это шумели одноклассники, может, прозвенел звонок, и шумела вся школа на перемене. А может, волнительный ком встаёт не только в горле, но и в ушах. Но слова: «дорогая Сашенька» и «поздравляем» она все-таки слышала. Как же жалко, что этого не видит и не слышит бабушка!

Подняв уже поблескивающие первой слезой огромные глаза на Олега «Сыча», Саша ждала, что нужно делать дальше.

— Вот тебе флешка, тут всё записано. Дома на компьютере посмотришь ещё раз. И бабушке покажи, — словно угадал её мысли «Сыч».

— У меня нет компьютера, — чуть слышно пролепетала Саша и удивленно посмотрела на засмеявшихся взрослых. Что же тут может быть смешного, если у ребенка нет того, что давно есть у всех.

— Есть, Сашенька, есть! — Сёма снял сумку с плеча и раскрыл её перед девочкой. Там через пластик поблескивал новый, плоский, серого металлического цвета ноутбук. Олег вынул его и положил на парту.

— Это наш тебе Новогодний подарок. Пусть в марте, зато праздник продолжается. Владей!

— Ого! — зажужжали дети. — Да это же «Макбук»! Во крутень! Дорогуший! Ну, Шурка, везучая!

Олег выпрямился, медали звякнули друг о друга, все сразу затихли.

— Везенье, дети, здесь ни при чём. Растите настоящими людьми, которые любят свою Родину. И малую, и большую — всю страну. Потому что лучше страны нашей не найдешь. И потому её

не победить. И всегда у вас и ваших детей, и у детей ваших детей будут самые лучшие подарки. Честь имею!

На этих словах прозвенел звонок. Дети закружили Сашу и вместе высыпали в коридор. Мужчины тоже вышли, только директор школы задержался на полминуты. Больше для вынесения выговора не понадобилось — возражений от «классухи» не последовало.

*Птичник - оператор дрона.

**Снаряд от мобильного 120-мм миномета «Барс-8ММК», используемый ВСУ.

ЖИВОТНОЕ

Звали их одинаково, но жизнь была разная. Гармонист Васька и кот Васька. Последнему жилось куда лучше — хозяйка Нюра, баба масштабом с печь, кота привечала сметаной и лаской. О муже — почти всегда пьяненьком Василии такого сказать было нельзя.

— Нюша, у меня весёлая профессия, — оправдывался после очередных «гастролей» на свадьбе или гуляниях Василий, — потому я навеселе прихожу. Ну ты чего?

Нюша отпускала кота и брала скалку. Василий, не зная того, повторял стезю древнего Сократа. Если бы они жили в одно время, наверняка бы спелись.

Василий сам-то к рюмке не тянулся — но подносили, не забывали, могли обидеться, если за чьё-то очередное здоровье не опрокинет. А обидятся — больше не позовут, а «гастроли» — всегда хлеб. Нюра это понимала, но и другое чуяла — где веселья, да пляски, там и девки до другого веселья охочие. Прямых улик не было, но на этот слу-

чай профилактика скалкой никогда не помешает.

Вот и в этот раз Василий домой не спешил. Гуляли по - хлебному, драк почти не было, выходили иногда парами за плетень, это и не драка, а так... удаль проверить. Один ухарь был, городской, а в обиду не дался — два раза выходил, два раза один возвращался. Третьего охотника не нашлось. Гармонист — он же не только играет, да чащушками сыпет, он глаз намётанный на народ имеет, суть человека почти сразу определить способен. Кто ест жадно, да в тарелку соседа поглядывает. Ясный перец, прижимистый мужик, хозяйство крепкое, но деньги в чужом кармане любит считать. Таких на селе не жалуют, общаются больше по нужде какой, не для сердца. Кто, наоборот, к последнему куску не поспевает, да досады не обнаруживает — лёгкий человек, как и он сам. Без очереди не полезет, но и чего-то важного не добудет. Бабы по молодости таких любят, но потом тюка-

ют до невозможности. Как и его Нюрка. Вон этот бахвалится, бахвалится, как говорится — молодец супротив овец, а против молодца и сам овца. А тот чуть не плачет с какого-то горя, а приглядишься — не горюет мужик, а с заезжей гостью слезу выжимает, чтоб по-своему, по-бабы пожалела. Ну, баба — дура, оно понятно, потому часто такое проходит. Только не в этот раз, бабочка обжёгшаяся попалась, всхлипам не очень-то поверила, пересела к городскому.

Ну, как бы там ни было, а положенное отгуляли, отплясали, и побрёл Василий до хаты с трёхрядкой своей верной. Месяц серебрил ему дорогу, заплел дальний соловей, духмяный ветер ласкал душу. Было так хорошо, что Василий даже не удивился, когда увидел посреди тропы коня. Масть в сиреневых сумерках уже была неразличима, но, наверное, вороной. Конь приветственным фыркнул и мотнул головой.

— Ну ты чего? — Ласково ответил Василий. — Заблудился, что ль?

Конь снова фыркнул.

— А, гуляешь... — понял Василий и вдруг неожиданно предложил — а хочешь, я тебе сыграю?

Конь подошел ближе и с шумом втянул воздух.

— Что ты, как Нюрка, меня обнюхиваешь? Я почти трезвый. Вот, слушай лучше.

Василий накинуд ремни, растянул меха и тихо повёл:

— Снова замерло всё до рассвета,

Дверь не скрипнет, не вспыхнет огонь,

Только слышно на улице где-то

Одинокая бродит гармонь...

Конь внимательно слушал, наклонив красивую густогривую голову.

— Не, — оборвал Василий, — слезливо чё-то. Вот про тебя, слушай!

— Ой, при лужку, при лужке,

При широком поле,

При знакомом табуне

Конь гулял на воле.

При знакомом табуне

Конь гулял на воле.

Эй, ты, гуляй, гуляй, мой конь,

Пока не споймаю,

Как споймаю, зануздаю

Шёлковой уздой...

Конь всхрапнул, понял про узду.

Василий допел, помолчал.

— Вот ты кто? Конь. Животное. А я кто? Человек. А мне с тобою лучше, чем с другими человеками. Отчего так?

Конь переступил с ноги на ногу и помотал головой.

— Не знаешь, — вздохнул Василий. А я знаю. Ты вот животное, а людей понимаешь. А люди людей не понимают, хотя языком одним говорят. Василий закинул гармошку за плечо, потрепал коня за ушами и пошел дальше, не оглядываясь. Шума копыт не услышал, значит, конь так и остался стоять на месте, глядя вслед случайному приятелю с музыкой.

Лай на околице сразу показался знакомым. Точно — общепоселковый пёс Гуталин. Названный по какой-то особенной черноте шерсти, ночью он был неразличим даже на фоне неба. Но душа у пса была точно белая, ласковая. С бродячими собаками не знал, кормился по домам — имел подход к хозяевам, к тем, у кого своего пса не было. Конечно, дворовые собаки Гуталина недолго любили и на порог не пускали — их хлеб отнимал. Василий полез в карман за какой-нибудь колбаской или конфеткой, но рука нащупала чекушку. Вытащил с изумлением — точно она, чуть початая, не иначе, в дорогу кто-то сунул. Нести её домой было бы верхом непредусмотрительности.

— Скажи мне, Гуталин, — Василий вытер руки рукавом и им же занюхал, — ты вот жи-вот-но-е, так?

Гуталин не возражал, наоборот, потёрся о колено.

— Вот я и говорю. Животное, хотя разум имеешь. И побольше, чем у иных... особенно баб. А они вот... особенно бабы, ни хрена в голове не имеют, одна дурь, да туман. И скажи мне теперь, как они красоту-то — Василий указал куда-то в тёмную даль, — красоту, говорю, как понимают? Как могут-то понять... а... не могут. А я могу. И ты можешь. Хотя и животное, а понимание в тебе имеется.

В подтверждении этих слов Гуталин откровенно понюхал карман пиджака — что-там ведь должно быть вкусное — давай, доставай, если человек. Василий погладил Гуталина, вздохнул.

— Нема закусона, неужто бы не поделился. Видишь, в дорогу чекушку дали, и то сейчас кончится. Жаль, ты непьющий, и беленькой бы последней с тобой поделился. И с конём... Вот Нюрка моя тоже не пьёт, а хрен бы я ей закуску отдал, — не совсем логично заключил Василий и опрокинул в рот последнее. Гуталин сочувственно поскулил и слился с темнотой. Василий посмотрел на небо — яркие звёзды подбадривающе подмигивали лисьими глазами, мол, ничего обойдется, жизнь — штука всякая.

Василий почему-то подошёл не к дверям, а к окну. Хотя, ясно, почему — на подоконнике, поджав лапы под себя, между двум горшками с геранью возлегал его удачливый тёзка — рыжий кот Васька. Васька с сытым добродушием смотрел на хозяина — можно, дескать, и погладить. Василий так и сделал, кот зажмурился, привстал на лапы и выгнул спину.

— Васька, Васька... животинка, а соображаешь... и как сытым быть, и довольным быть... а я вот... ну ты чего?

Кот вдруг забеспокоился и прыгнул с подоконника в дом. Через мгновение оконный проём заслонили Нюрины плечи — в саду сразу потемнело.

— Ты где шляешься, скотина?! Опять нажрался, свинья?! Ни шагу на порог, иди проспись на сеновал, животное ты паскудное, алкаш никудышный!

— Нюша, ну ты чего? Почему сразу животное-то? Я ж немного, и чекушки не принял, — немного скривил против истины Василий, но кривизна не вывезла.

Василий ещё некоторое время слышал в спину проклятия жены, потом как-то всё стихло, Нюра закрыла окно. Сеновал обдал душистым теплом, и сейчас конь был бы тут кстати. Василий положил голову на гармонику и сразу же заснул, не стянув сапог. Месяц заглянул в прореху на крыше, улыбнулся щербатым ртом и подкинул золотистой соломы из своего небесного гумна.



Александр НАСТАСЬИН,
г. Симферополь

Настасьин Александр Иванович. Член Союза писателей Республики Крым. Член союза журналистов Республики Крым. Выпускник школы писательского мастерства от СИЭП. Участвовал и занимал призовые места во многих литературных конкурсах. Участник международного фестиваля им. Пушкина, призёр Всемирного дня поэзии в г. Симферополе, призёр Всемирного дня поэзии в г. Керчи, победитель литературного фестиваля «Прошу слова», призер музыкально-поэтического фестиваля «Крымский рассвет». Публиковался во многих альманахах и сборниках. В их числе: «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Литературная газета», «Новое слово», «Литературная Евразия», «Литература», «Крымская газета», «Литературная Россия»

КАБЕСЕО

В этот город, что тонет в метели времён,
Где улыбки прохожих блестят, как монеты,
Я зову вас прийти, как на тайный поклон,
К алтарю, где с азартом читают поэты.
Приходите туда, где сгущается речь,
Где слова обретают вес, форму и тело,
Где пространство умеет само себя сечь
Интонацией, рифмой, паузой смелой.
Это будет не вечер, скорее, побег
От рутины, от шума, от плоского быта,
Это будет, как снег, что ложится на всех,
Растворяется в каждом плече неприкрытом.
Я не лучшее вам предлагаю из благ,
Лишь возможность смотреть из зелёного зала,
Как стихи распускаются, делая шаг
От того, что есть жизнь, и туда, где начало.
Приходите. Часы отбивают наш срок,
Нас не будет, но будет мелодия слова
И пространство, расчерченное между строк,
Как бессмертье, как общему первооснова.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ДЕРЕВЯННОГО СЫНА

Я вырос из полена в мастерской,
Отец мой — старый плотник и мечтатель,
Ну кто решил, серьёзный и большой,
Что стану я судьбы своей искатель?
Какой каприз вселенной или рок
Вложил в сухую древесину душу?
Обычный ствол, обычный мой итог —
Быть стулом, дверью или просто кружкой.
Но вот стою — нескладный человек
С торчащим носом, с мыслями в рутине,
Мне дан, несвойственный деревьям, век,
И чувства, чуждые для древесины.
Я мог бы тлеть в камине, дым пускать,
Согреть кому-то руки в зимний вечер,
Но мне приходится, как вам, моргать,
Искать ответ, что вечно и не вечно.
В чём мой подтекст? Игрушка для детей?
Или рассказ заблудшим человекам?
Быть может, я — метафора корней
Или намёк свирепым дровосекам?
Во мне не протекает веной кровь,
Я целиком из дерева резного,
И не живёт внутри меня любовь,
Я чист, как утро ранее, до слова.
Возможно, в этом суть моя и есть,
Быть чистым, как страница, в мире грязном,
Не делать зла, не помнить слова «мечь»,
А просто жить открытым и развязным.
Мне не дано болеть, стареть, страдать
От хворей, что людей терзают годы,
Но я могу горением пылать
И стать щепой по прихоти природы.
А может я — напоминанье всем,
Что жизнь возможна из любой основы?
Не важно из чего ты, важно чем
Наполнить сердце мы с тобой готовы?
Я — Буратино из полена, да,
Но в этом странном мире, полном фальши,
Моя наивность льётся, как вода,
В сосуд лукавства жизни широчайший.
Пусть мой создатель был немного пьян,
Когда меня выстругивал из чурки,
Но, может, в том и кроется изъясн —

Что люди ищут правду в переулке,
А правда, как полено, так проста:
Живи, люби, ищи свою дорогу,
Пусть я — всего лишь старчего мечта,
Но я иду вперёд, не зная Бога.
Иду туда, где ждёт меня мой ключ,
Моя судьба, запутанная тайна,
И пусть мой путь весь узок и колюч,
Но я пройду его необычайно.
Быть может, я — всего лишь анекдот
О том, как оживает всё на свете,
Но раз уж я живой, то мой черёд
Придумать смысл в комическом сюжете.

ВСТРЕЧА В СТРОКАХ

В сумерках тихой квартирной столицы,
Где только лампа и книга — друзья,
Женщина нежно листает страницы,
Где между строчками много нытья.
Так неожиданно в мире огромном
Встретились двое, не зная о том:
Тот, кто писал эти строки бессонно,
И та, что читает их ночью тайком.
Странная магия слов между нами —
То, что не высказать в шуме дневном,
В каждой метафоре, в каждом признании
Сердце узнало родной перезвон.
Автор не знал, что случайные буквы
Станут мостами к незримой судьбе,
Как непрочтённое стало наукой
Видеть в поэзии путь к глубине.
Пусть никогда не столкнутся в пространстве
Эти два мира, два разных огня,
В этом прекрасном и горьком романсе
Главное то, что ты слышишь меня.
Что-то роднее, чем кровь и чем имя,
Выше, чем просто любовь или страсть,
Автор и та, что строкой одержима,
Та, что читает, душевную часть.
Так и живём — между явью и тайной,
Между словами и между стихов,
Встреча в стихах — это необычайность
Душ, обречённых на вечную новь.

РАЗГОВОРЫ С ТИШИНОЙ

Я устал от людских голосов,
От речей, что пусты, словно эхо,
Мне милее блаженство без слов
Птичьих песен, звериного смеха.
В этом мире из фраз и реклам,
Из ненужных и лживых приветствий,
Я нашёл свой особенный храм
В перекличке скворцов по соседству.
Мы беседуем с рыжей лисой
Не словами — глазами и сердцем,
Нам не нужен запас текстовой,
Чтоб друг к другу любовью прогреться.
Говорите, что я нелюдим?
Что бегу от важнейших собраний?
Но в молчании старых осин
Больше правды, чем в ваших признаньях.
Соловей не солжёт на заре,
Волк не станет юлить осторожно,
В человеческой лживой игре
Заблудиться мгновенно возможно.
И, когда я смотрю на ручей,
Где летят журавлиные стаи,
То пронзительней всяких речей
Эта искренность птичьей печали.
Не считайте безумцем меня,
Просто я разучился быть ложным,
И в зверином дыханье огня
Нахожу то, что вам невозможно.

КОРОЛЬ ИГРУШЕЧНОЙ СТРАНЫ

На троне из кубиков, гордо и смело,
 Сидит шестилетний отважный король,
 Корона из крафта, но царское дело
 Он знает, как надо. Его это роль.
 Вот плюшевый мишка премьером министром,
 А рядом солдатики — верная рать,
 Резиновый слон, хоть и толст, но неистов,
 Готов по приказу врагов растоптать.
 Есть в этом мальчишке простая наука,
 Которой у взрослых давно уже нет,
 Он правит по совести, а не по мукам,
 Он судит по правде, а не по вражде.
 Он в куклах не видит лишь тряпки и пластик,
 Он видит в них души и бьющийся пульс,
 Он знает, что каждая предана власти,
 Но властью своею играет без пут.
 Когда-то и мы были все королями
 В своих государствах из книжек и снов,
 Но время сложило короны горстями
 И троны закрыло под взрослый засов.
 А он ещё верит, что мир это хрупкий,
 Реальней бетонных и каменных стен,
 Что можно правителем быть не для шутки,
 А ради любви без чего-то взамен.
 И может, когда-нибудь этот вот мальчик,
 Теряя по жизни игрушки свои,
 Вдруг вспомнит, как правил он честно и зряче,
 Как понял он сущность и власти, и сил.
 А мы, проходящие мимо владений,
 Где он королевствует навеселе,
 Давайте преклоним радушно колени,
 Ведь места счастливее не на Земле.

ПИСЬМО ЭМИГРАНТА

В чужом метро я снова растворяюсь,
 Как сахар в чае, быстро, целиком,
 Мне кажется, я сам себе являюсь
 Невидимым, как горький в горле ком.
 Меня здесь много, тысячи таких же,
 С глазами, полными глухой тоски,
 Мы строим этот город, только ниже
 Склоняем головы от тяжести руки.
 А дома мать считает эти деньги,
 Что я отправил, скудные рубли,
 Она не знает, сколько серых дней я
 Прожил без солнца, в поте и в пыли.
 Я здесь чужой, меня не подзывают,
 А если смотрят — то сквозь толщу льда,
 Я человек, но город не признает
 Во мне себя ни завтра, никогда.
 И мой акцент сдаёт меня мгновенно,
 Как будто я ношу клеймо на лбу,
 И каждый раз, карабкаясь на сцену,
 Я знаю роль — быть тенью чьей-нибудь.
 Работаю за трёх, а платят, словно
 Я должен быть покорен за еду,
 «Приехали!» — бросают хладнокровно,
 Не зная, что я сам не рад иду.
 По вечерам звоню домой и маме,
 Рассказываю сказку о себе,
 Как будто я не сплю в холодной яме,
 А строю лестницу к своей судьбе.
 Они не знают, как ночами плачу,
 Как я устал быть чуждым и чужим
 В стране, где я всего лишь тень удачи,
 Статистика и маленький нажим.
 И, всё же, я встаю опять с рассветом,
 И начинаю новый тяжкий день,
 Я верю — город этот станет светлым
 Для тех, кто для него сейчас ячмень.

УЛЫБКА НАПРОКАТ

Я развесил улыбки на вешалке утра,
 Подобрал самый яркий, безоблачный смех,
 В глубине моей сути дождливо и мудро,
 А снаружи лучисто и лёгкий успех.
 Я ловлю на высоте всех солнечных рыбок,
 Словно нет у меня под ребром пустоты,
 Приучаю лицо к фейерверкам улыбок,
 Прячу айсберг печали за горсткой мечты.
 На душе тихий плач и осенние лужи,
 И такая тоска, что не выплакать всю,
 Я учусь быть счастливым для всех, кому нужен,
 И скрываю от мира, что больше не сплю.
 Каждый день — это новая маска на сцене,
 Каждый взмах моих рук — это чей-то восторг,
 А внутри меня вакуум, как в манекене,
 И никто не узнает, как я одинок.
 Собираю чужие надежды, как рюши,
 Словно это моё — этот смех, этот свет,
 Между тем, что внутри, и вон тем, что снаружи,
 Пролегает граница длиною в сто лет.
 Я иду через город, сияя, как солнце,
 Обнимаю друзей, говорю о мечтах,
 Но внутри меня сердце уж больше не бьётся,
 Просто память о нём сохраняет мой страх.

ДОЖДЕСЛОВ

Я не выдумал дождь, — он пришёл и остался,
 Растворился во мне, как в стакане вода,
 Я лишь зонт отложил и на миг расписался
 В этой странной любви к нему. И навсегда.
 Дождь стучится в окно барабанным звучанием,
 Превращает асфальт в разноцветный экран,
 Я его понимаю, мы оба в отчаянье
 Пролетаем сквозь город, как сквозь океан.
 Это влажная нежность с небес вертикалью,
 Телеграмма от туч, что скучают во мне,
 И с такой простотой, беззаботной печалью
 Тишина после гроз в городской глубине.
 Дождь не судит, не лжёт, не играет словами,
 Он смывает следы суеты и тоски,
 Я, как дерево жду, чтоб намокнуть ветвями,
 Чтоб вода добралась до последней строки.
 Я люблю этот шорох — прозрачные строфы,
 Собираю их в вёдра, в ладони, в стихи,
 Дождь во мне прорастает сквозь годы и штофы,
 И стекает по коже, прощая грехи.
 Когда капли стучат по зонтам и карнизам,
 Я стою, запрокинув лицо в небеса,
 Между мной и дождём нет преград и капризов,
 Только чистая правда на два полчаса.
 Дождь уйдёт, но останется влажность на коже
 И пронзительный запах размытых дорог,
 Я его отпускаю, но знаю — он позже
 Унесёт меня каплей в небесный поток.



Екатерина ВОРОБЬЁВА,
г. Санкт-Петербург

Белчес Екатерина Сергеевна. Публиковалась в журналах «Чердобряк», «Радуга», «Вверх тормашками», «Детское чтение для сердца и разума», «БукиЗнаки», «Простокваша», «Читайка», «Колокольчик», в сборнике «Маяки». Лауреат конкурсов «Сказки про Пушкина», «В начале было Слово», конкурса издательства «Абраказябра», конкурса рассказов издательства «Феникс Премьер», специальный призер «Гений места», полуфиналист Волошинского конкурса, премии Левитова, финалист конкурса.

ПИСЬМО

Привет, я ёжик. Я люблю мокрую траву и мягкий мох. И тянуть носом тёплый воздух. Откуда каштанами пахнет?

Иногда приходят люди. Люди есть разные. Одни лесные. Ходят тихо, смотрят, прислушиваются, принимают. Лес осторожен, сразу к себе не пускает. Таких лес принимает, раскрывается. Такие всегда построят шалаш, найдут воду, тропу, разожгут костёр. Таким всегда попадет голубика, морошка, рыбка. Таких лес всегда выведет. Потому что они лесные дети.

Ну просто есть другие. Они громко говорят, неуместно шутят, бросают окурки, плёнки, обёртки, оставляют жирные следы. Бьют осины, вырезают из коры сердечки. За что ни схватятся, всё мимо.

С такими у леса без разговоров. Непонятно попадают в лужу, промокнув до

нутра. Дождь накапает за шиворот, ветка хлестнёт по лицу — больно. Комары кусают, спички отсыреют. Ежевику муравьи обглодают. Подберезовик — и тот ложный.

— Куда вам? Идите восвояси, — шепчет лес. Они и уходят. Ничего не поймут, чешут затылок.

— Нам в лесу не нравится, мы в этот год на Багамы, — говорят.

Просто я белка. Я не прячусь в дупле, как вы думаете. Просто там сухо, и четвероногие не дотянутся. Там создаю себе уют. А так гуляю на воле, ловлю аромат леса — куда сегодня батюшка поведёт? Влево. Чую, там орешек зарылся.

Просто я водяной паук. Когда приходят лесные дети, я им показываюсь. Езжу на лыжах, сную. Они хохочут, а мне нравится. У меня своя выгода. Если лесным детям нравится, то лесные родители подольше останутся. Поедят,

соберут остатки. Но крошки-то останутся. Налетят мошки, мушки, запутаются в моей паутине. Хорошо!

Просто я окунь озёрный. Плаваю на просторе, хозяйничаю. Мне свобода дороже прикорма. Лес кормит и так. Потрясёт дождём, упадут листки, гусенички, из-под кореньев вылезут червячки. Нам хватает. Кожа у меня блестящая, отражательная. Люблю светиться. Лесным людям могу показаться. В угоду лесу даже на крючок попадусь. Это дань. Другим — ни-ни. И не думайте.

Просто я кукушка. У меня полосатые штанишки и длинный хвост. Особо меня не жалуют. А в лесу я дома. Батюшка пригреет сосновой веткой, приголубит.

— Ну что, душа, опять полетела. Птенчиков-то будущих хоть оставь.

Всегда укажет, куда положить. Благодарность. А у меня душа — мячик, мне всё не сидится. А как напрыгаюсь, всегда домой, к батюшке под крылышко.

Просто я мох. Люблю стелиться и дышать летом. Росу лелею. Весной я просыпаюсь, раскидываюсь по земле, распластываюсь. Я вроде и маленький, а могучий. Много меня. Хорошо. А с лесом мы дружим. Он подьест сколько нужно, от меня не убудет. Приятного аппетита, лось. Полижи мне бок ещё чуток. К осени затихаю, засыпаю, хорошо в лесу.

Просто я чистотел, расту возле тропинки, улыбаюсь солнцу. Оно проскальзывает сквозь вершинки сосен. Да-да, мне хватает. Именно столько, сколько нужно. Папоротник — колле-

га, рядом выстроился. Но он поближе к стволам держится, а я с братьями к тропке. Там нам виднее, куда батюшка ведёт. Лес батюшка.

Просто мы муравьи. Построили огромную горку. Там наш дом, наш завод, наше королевство. Мы всех уважаем, но к себе не подпускаем. Крутится, вертится наша вереница, плывут хвостинки туда — сюда. Мы своё дело знаем. С лесом батюшкой на ты. Мы лесу — младшие братья.

Просто я осока, держусь ближе к озеру. Там слышу, о чём шепчут облака. Ласка да нежность от них.

Все мы лесные. Кто нас придумал, когда? Господь знает. А лес мы любим, здесь мы дома. Кто дом свой любит, заботой окружает, тому и самому благодать.

Ваш ёжик.

Выводил Юрка в тетрадке послание. Футболка Ирки Фокиной с лесным принтом пестрела, переплеталась листьями, травинками, лучиками. Волшебная футболка. С оттенками рощи. Юрка наклонился, прислушался. В классе тишина, светлые стеллажи вдоль стен, таблица умножения у двери.

Все шелестят ручками, пишут сочинение. На виртуальной доске тема: «Письмо друга».

Через открытые окна аромат каштанов, запах пыли и мая. Солнечные зайчики на парте. В красном уголке в бамбуковой клетке ёжик. Хорохорится, тянет носом воздух — откуда каштанами?

ВЕНИК АГРАФЕНЫ

Веники сушились под бревенчатым настилом — березовые, дубовые, крапивные. Будто лето переехало на чердак и осталось там. Юный веник был связан из упругих берёзовых веточек, срезанных вот только. Он робко оглядывался на старших товарищей. Ждал, когда наступит и его черёд.

Аграфена вздохнула, сняла его с жерди, вынесла в сени. Веник трепетал. Вот уж не ждал, что его, самого молодого, выберут. Шуршал листьями, бодрился — скоро в ушат! И замирал — вдруг у него не получится. Вдруг он делает что-то не так. Он знал из рассказов товарищей, как это ответственно — парить домочадцев. И тут он, такой молодой, такой неопытный. Ненароком ошпарит Алешу или Оленьку, охватит бабу Аграфену по больным коленям. Веник подрагивал.

Аграфена ворчала, шибко ворочала уголья в печке, в ушатхватила кипятка.

— Ааай, — обожглась о заслонку. Заварила веник в кипятке, покрутила туда-сюда в ушате. По бане разошёлся терпкий аромат берёзовой роши. Оленька и Алеша уж тут как тут — мама снарядила их на помывку к бабе Аграфене. Веник осторожно, чуть дыша, проходил по нежным спинкам ребят. Те егозили, отдувались, плескались в жбане. А в предбаннике их уже ждала мама. Смена караула!

И веник опять отмокал в ушате, проходил по спинам, и снова в ушат. Всю семью отпарил, перемыл, приглубил. Встряхнул капельки и пошел сушиться. На раздольную веранду, у самого окошка.

А на веранде уже сидели распаренные домочадцы, пили рябиновый чай, судачили о том, о сём. А веник ощущал такое сладкое, непередаваемое слова-

ми послевкусие. Веник ликовал. Ему, самому младшему, доверили попарить всю семью. И он справился. Он вспоминал, как боялся спускаться со знакомой жерди, вспоминал первое купание в ушате. Вспоминал Оленьку и Алёшу. Намытые, румяные они сидели за столом и дули на блюдец. А рядом красовались расстегаи и кулебяки.

Баба Аграфена потянулась:

— Ах, благодать! Не зря тебя достала, — подмигнула Венику. — Молодняк, а не подвёл.

Аграфена ощущала каждой клеточкой тела райское послевкусие бани. И на минутку она снова стала девочкой, чуть старше Оленьки. Вспомнила, как мамушка затапливала баню, приговаривала:

— Июнь-червень на дворе, берёзу вяжи. Такой веник все хвори излечит.

И так бабе Аграфене хорошо стало, что перестала она ворчать, рассмеялась во весь свой беззубый рот и выпалила:

— Родимые, не закатить ли нам праздник? Давненько уж не было.

На просторной веранде, где ещё стоял дух бани, разостлалась тишина. Уже много лет Аграфена не жаловала праздников. Там, у себя, на городской квартире — пожалуйста. Но не здесь, не в деревне. А сейчас расцвела, из скорлупы выбралась.

Алёша с Оленькой, ещё не веря в привалившее счастье, перешёптывались. Мама молчала, но цветастые рукава платья её взмахивали у печки быстро, ловко. Мама ликовала.

А веник, молодой берёзовый веник, висел на длинном гвозде, шуршал листьями на сквозняке и пел. Веник пел о том, что ему посчастливилось увидеть чудо. Расцвет бабы Аграфены.

ШАФРАН

Коша жмурится у печки, урчит. Свернула лёгкое тело в меховой рогалик. Слушает, как капли дождя постукивают о крышу. Печка пытит, отдувается. Ждёт поленьев. Ярко, весело трудится. Маня метёт избу, проходится соломенным веником по половицам, встряхивает дорожки.

— Ах, окаянные! Опять нагрязнули, — вскрикивает. В углу серебрится паутина, колышется папиросной бумагой, отливает летними вечерами.

— Ужо я вас! — Маня шерудит веником в паутине, разносит лёгкую пыль по избе.

Коша и в ус не дует. — Эти безобидные, что с них взять? — дальше греется.

— Ах, самовар разжигать придется! — ворчит Маня. — Баллончик газовый опять не завезли. Вот ведь, бессовестные, — оглядывается. — Покров же, Покров! А сейчас Любава придёт. Чем угощать буду?

— Чем угощать, чем угощать? — думает Коша. Забыла, что в сенях муку оставила ещё с лета.

Коша выходит в сени. Осень наклала янтарных листьев на ступеньки, стопка их прижалась к двери. Хотят погостить у Мани. — Пусть! — думает Коша. Вытягивает спину, точит когти о войлочный коврик.

— За дело! — прыгает на мешок с мукой, топчет его, прохаживается. В шве прорезь, Коша сует нос в дырочку. Тот весь окунается в душистую муку, аж усы запорошились. Коша хмурится, не очень муку жалуется. Но как тут без неё обойтись?

В избе ластится о Манины ноги, прохаживается.

— Ах ты, плутовка, — говорит Маня ласково. Смотрит в лесные Кошины

глаза, — А это что? — на запорошенные усы.

— Мука? Где откопала, стрекоза? — Коша глядит, не мигая, в самую сердцевину Маниных глаз, переводит взгляд на раскрытую дверь в сени.

— Ах, — всплескивает руками Маня. — Точно! Летом же муку в сени снесла — ненадолышко.

Маня бежит, несёт большой куль, любит им. Замешивает тягучее душистое тесто. Добавляет молоко, яйца, соль. Сдабривает маслом.

— Знатный пирог будет, Коша! Покровский. Вот бы Любаву порадовать. Кручинится она, желанная.

— Будет, будет. Ты главное меси, — думает Коша. Для Любавы у Коши есть гостинец. Только вот идти-брести в холодный лес — ох, как неохота. Поднимает глаза на Маню. Для неё — можно.

Коша за околицей. Кленовые листья шуршат под лапами, стелются. — Хорошая дорожка, — думает Коша, — надёжная. Дубовый лист не очень жалуется. Тот мельче и скукоживается быстро. Ловко спешит к сосновой опушке. Туда, туда. В норе сидит огромный барсук, охраняет свой выводок. Туда Коше не надо. А вот у сосны — на месте. С того года ещё заметила.

Коша разминается, топорщит усы. Роет землю, подрагивает, принюхивается — ежом пахнет. Поддевает комок мордочкой, отваливает лапой. Ещё, ещё! Ходят Кошины лопатки вверх-вниз, лапы в торфе и опилках. Земля жирная, поддается на славу. Уф, уж видно верхушку. Готово! Тянет зубами, хватает лапами. Вырыла.

На солнце красуется огромный клубень. Шершавый, ярко-горчичный. То, что надо. Коша ухватывает его за кор-

невище, бежит рысцой. В тепло бы, в тепло!

Коша добегают до избы. Тащит клубень в сени, царапается в дверь, проникает внутрь. Любава с Маней у печи. Чай пьют, плетут разговор, обнимают друг друга словами.

Коша садится посреди горницы, кладёт богатство на половицу. Подкапывает поближе к столу.

— Ой, что это? — вспархивается Маня. Любава же смотрит долго, затяжно. Слегка затуманивается, потом вспыхивает лучиком.

— Это шафран, — медленно говорит Любава. — Николай его очень любил.

Весь сад полыхал у нас весной. Уж два года, как не сажала, с тех пор, как представился, — протягивает Любава руку для ласки, заглядывает в кошину лесные глаза.

— Спасибо, меховая, — шепчет Любава, бережно отирает клубень. — Вовек не забуду. Приходи, угощать буду!

Коша кивает, придвигается ближе к печи. Жмурится. Свернула лёгкое тело в меховой рогалик. Слушает как капли дождя постукивают о крышу. Печка пытит, отдувается. Ярко, весело трудится. Покров распустился янтарными листьями, тыквенным пирогом и Любавиной шафрановой слезинкой.



Елена ГУСЕВА,
г. Москва

Елена Анатольевна Гусева. Поэт, прозаик, сценарист, стендап-комик. Член Союза Писателей России, лауреат первой премии конкурса «Красная строка», дипломант конкурса «Умный смех-2024», победитель поэтического слэма «Противостояние». Автор книги «Дитя перестройки». Литературный редактор журнала «Воробей» (об искусстве человеческим языком). Кредо: жизнь без юмора = локальный ад. Участница Московского клуба юмористов и сатириков «Чёртова дюжина», литобъединения «ЛитПроСвет», автор концепции детского образовательного онлайн-проекта «Теремок Тайн», участница проекта «Время Автора». Любимый жанр: иронический детектив

ЗЕРКАЛО

Учить себя, как быть собой:
Здоровой, немощной - любой.
И видеть в зеркале без слёз
Черты, что кистью Бог нанёс.

Глаза в глаза - электроток.
Ладонь в ладонь - ты тоже Бог.
Вольна и взять, и отпустить,
Таить обиду или простить.

Имеешь право говорить,
Смотреть, ходить, дышать, творить.
Играть и роли выбирать
С одним лишь «но»: СЕБЕ НЕ ВРАТЬ.

Учиться праздновать провал,
За стыд и боль благодарить.
И, оседлав девятый вал,
Разбиться, встать и повторить.

И закружится голова
От смелости, во рту горчащей -
И мир разделится на два:
Придуманный и настоящий.

ОБЛАЧНОЕ ВЕЗЕНИЕ

Мне свезло - я сижу у окошка
И гадаю, на что же похожи
Облака: на дымок или вату?
Иль снега на вершинах помятых?

Мне свезло — фотоснимков без счёта! -
Как зима превращается в лето:
И на бис для поклонниц полёта
Облака феерят спецэффекты.

Мне свезло: в кураже режиссура
И билеты на лучшее место,
И меню неземного гламура
С ностальгической ноткой «Дюшеса»

ВСЕЛЕННАЯ. ПОДСЛУШАНО

У Вселенной глаза бездонные,
Прозорливые, вездесущие.
Как проёмы глядят оконные
Из стены между прошлым и будущим.

Она знает тебя по имени
С самой первой секунды рождения.
Шепчет: «Буду нужна — позови меня»,
Слышит каждой мысли движение.

Твою душу, как книгу раскрытую,
С упоением читает истовым:
«Славно пишет, эх, жаль, что с приду-
рю,

Прям беда с этими юмористами!

Им готовишь дары бесценные,
На руках преподносишь бережно,
А они норовят в презренное:
Денег, мол, подавай немеряных.

Да на кой тебе миллионы-то?
Неосознанный, неприкаянный...
Извини, это так не работает,
В Мироздании иные чаянья».

Даже если не веришь в истину
И бредёшь в беспросветной темени,
Будет ждать и глазами чистыми
Приглядит за тобой Вселенная...

...

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

Нету шубы соболиной,
Мерседеса тоже нет.
Не зовут меня «Феминой».
Ем сосиски на обед.

Знаю сто рецептов мяса,
И картошки тридцать три,
Двадцать два домашних кваса!
Сорок каш, чёрт побери!

Я пою, как Пугачёва,
И танцую, как Дункан.
Виртуоз владенья словом,
На байдарке капитан.

Только девичье где ж счастье?
Кони, принцы и фата?
И не скажешь: «Хватит, баста,
Нафиг эта суета?!»

А кому? — тут всюду негры,
Обезьяны и жара.
У меня уже от нервов
Не осталось... ничего!

Да не плачу я, не плачу!
Вижу-вижу: вон, вдали
Вражьи крейсера маячат —
Знать, плохие корабли.
Выдох-вдох. Бычок затушен.
Двести грамм и огурец.
Мы же русские, мы сдюжим
Сделать недругам триндец.
=====

Нынче будут рады в штабе:
До свиданья, корабли!
Только тяжко русской бабе
Быть шпионкой в Сомали....

Марк ВЕРХОВСКИЙ,
США, г. Элизабет



Родился в городе Симферополе. В 1991 году выехал с семьей на пмж в Соединенные Штаты Америки. Публикуется в литературных изданиях Америки, России, Украины, европейских стран, Азербайджана. Почетный Член Союза писателей Северной Америки. Обладатель Диплома «Почетный член Союза писателей Азербайджана». Член Союза писателей Крыма. Лауреат Международного литературного конкурса «Стремление к миру». Лауреат премии «Гранат» Ассоциации деятелей культуры Азербайджана «Луч». Лауреат 45 дипломов 1 и 2 -й степени Международных конкурсов России, Азербайджана, Польши, Канады, Германии, США. Автор 10-ти книг, изданных в Нью-Йорке и Баку

В ОДИН ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ...

Проснувшись в это утро, я не почувствовал себя чрезмерно счастливым, но и каким-то удрученным тоже себя не нашёл. Да, был какой-то тревожный сон, но, открыв глаза, как всегда, убедился, что уже нахожусь в другом мире и если хотите, в другой биографии. Было время, когда я считал себя, находящимся в сонной биографии. Ситуации, как мне казалась, совмещались и выходили в единую жизнь.

И вот тут-то я и понял, что человек имеет две независимые жизни: дневную и ночную. Поскольку мы живём разными эмоциями и чувствами, то и окружающий мир, и люди тоже разные.

Уже позднее я обнаружил и третью жизнь. Да-да! Вы только спокойно, без скепсиса вдумайтесь. Вы на работе по приказу начальника выполняете против своей воли или идеи его поручение.

Тем самым вы находитесь уже в другой ситуации, когда должны улыбаться, поддерживать и одобрять чужие мысли, т. е. вы уже в другой жизни — ведь ваша жизнь — это когда вы выполняете решения своих мыслей. Потом опять же чужие идеи (приказы начальства) вы доводите до своих подчиненных и, что особенно прискорбно, требуете их выполнение. Вот вам и третья ваша жизнь. Если вы думаете, что на этих трех жизнях мы остановимся, то вы глубоко ошибаетесь.

После работы начинается, может быть не у всех, четвертая жизнь.

Вы под разными предлогами не спешите к своей основной домашней жизни. Вы стремительно (время в обрез) бежите на свидание к партнерше (партнеру), которое вы планировали, ещё находясь на совещании у руководства.

Поразвлёкшись пару часов, вы, наконец, являетесь домой.

И здесь, разумеется, новый фрагмент поиска доказательств фальшивых аргументов позднего прихода. Я вынужденно пропускаю целую плеяду людей, эксплуатирующими, переданными им от природы, талантами. Это ученые, артисты, философы, политики и прочие комедианты.

Ну что убедился, читатель, как богато наше мелькание по жизни.

Тем не менее, необходимо признать, что «Политбюро» перечисленных субъектов находится в главной «дневной» жизни.

Что мы знаем и можно ли предугадать события отдельной стадии?

Один общий ответ: мы не знаем ничего и предугадать возможно только ближайшие события, и то в общих чертах.

Например, сегодняшний, наугад выбранный день.

Обычный утренний санитарный моцион — он предсказуем, но сегодня выходной день — и он не предсказуем. Вполне возможно, что этот, в общем то обыкновенный день, может перевернуть всю вашу жизнь.

Находясь на преддипломной практике в чужом городе мы с приятелем Борей решили посетить местную примечательность — пляж какого-то водоёма.

Летом всегда притягивают водные пространства, вот мы и соблазнились проведать здешнюю примечательность.

Электричка была переполнена молодыми людьми, спешащими окунуться в что-либо мокрое.

Не буду интриговать читателя и сразу признаюсь, что визит наш не принес нам удовлетворение, ибо приехали

мы на какое-то болото. Едва ступив в манящую прохладную воду, как сразу почувствовал уходящий под ногами берег — мутная зыбь заволакивало ноги и окунуться в это безобразие было большим риском.

Потихоньку, стараясь не привлекать к себе внимания, я выкарабкался из этой трясины. Оглянувшись вокруг себя, только сейчас заметил, что таких «купающихся» на берегу был только один я. Как близкий друг, я заблаговременно предупредил Бору не тестировать здешние воды.

Взглянув на мои запорошенные глиной ноги, он не стал спорить со мной. Оказывается, никто из приехавших и не собирался купаться — все приехали позагорать и пообщаться с приятелями.

У ребят появились бутылки с пивом, у девчат выскочили огромные солнцезащитные очки и причудливые шляпки. Мы с Борей были готовы к таким событиям и немедленно вытащили бутылку заграничного вина «Рислинг» — где Боря его раздобыл, только он и знал. И тут началось. Конечно, девушки не для того приехали на это болото, чтобы им любоваться. Пока ребятня цацкалась с пивом девицы гарцевали на подиуме берега, щеголяя и ослепляя нас, мужчин, изобилием нагого тела. Разумеется, мы с Борей обалдели от этого великолепия. Поскольку у меня в руках был фотоаппарат, а юношеская энергия была через край, то, выбрав достойную модель, я щёлкнул затвором. И это стало счастливейшим мгновением моей «дневной» жизни. Модель остановилась передо мной и, нисколько не смущаясь, говорила мне, что я будто бы не имел право её фотографировать без её согласия на это. Ну не смешно говорить о каких-то правах в нашей бесправной стране?

Разумеется, я эти мысли не высказал девице — уж очень она была хороша. Я, как истинный джентльмен, решил развить эту удачно подброшенную, тему. Наша полемика кончилась тем, что мы предложили молодой особе продегустировать бутылку «Рислинга».

Особа любезно согласилась. Причём, что мне особенно понравилось в ней — это отсутствие жеманства, простота в обращении и её всепонимающие глаза.

Девушка Люси была невысокого роста со спортивной фигурой и привлекательными чертами лица, несомненным украшением которого являлась небольшая родинка над губой. Волосы были уложены кверху этакой дворянской вязью. Такая концентрация её достоинств и эта родинка привораживали взгляд и, если честно, неосознанно влекли на прикосновение к её зовущим губам.

Мысль об этой возможности не покидала меня и подталкивала на дальнейшую интригу сближения. Я, как бы мимоходом поинтересовался её местным окружением и успокоился, узнав, что она приехала с подругой. Вскоре и она присоединилась к нашему кружку. Но, как это всегда бывает у двух подружек: одна из них всегда привлекательна, а другая, мягко говоря, не очень. Этот феномен я замечал всегда, но заниматься исследованием этой ситуации мне всегда мешала моя скромность. Я был заморожен очарованием её голоса и совершенно пленён оригинальной мотивированной трактовкой мировоззрения, казалось бы, простой девушки. Что удивительно — мне не хотелось говорить, что было весьма странно для меня, и только слушать и слушать журчание её голоса. Но вот открыто вино и мы все с нетерпением приступили

к дегустации импортного напитка. С первым же глотком я остановил дальнейшее продвижение этой кислятины. Я посмотрел на окружающих и по их кислому выражению понял, что Борис промахнулся с выбором экзотического сюрприза. Все многозначительно остановились, не зная, что делать с остатком неприятной жидкости. И тогда, храбро встав, я отправился к кустам и бодро их увлажнил заграничным напитком.

Все с энтузиазмом последовали моему зажигательному примеру. Это массовая акция, как бы объединила нас и оказалась весьма кстати, ибо взбодрило компанию порцией веселья.

Заключительная часть общения прошла в игре в карты. Все это время я с ужасом ждал неминуемого конца нашего дружеского мероприятия. Не уходила мысль, что необходимо что-то предпринять для продолжения общения. Ведь если она отвергнет продолжение и исчезнет, то придется распрощаться с мечтой о прикосновении к родинке. А это было бы катастрофой. Поэтому такого конца ни за что нельзя было допустить. И, если хотите знать: просто другой такой девушки я уже, возможно, не встречу.

Проницательная Люси посмотрела мне прямо в глаза, и я понял, что она переживает аналогичные чувства. И когда я, как и она, не отвел глаза, мы поняли, что должно быть продолжение, потому что наши руки и губы ждут это с большим нетерпением.

Дальше я не помню, как мы погрузились в электричку и как оказались в тамбуре, доверительно прижавшимися к входным дверям. Боря и подружка растворились где-то в мутном видении толпы пассажиров. Теперь нам никто не мешал — и я страстно обрушил на

чудо-девушку всё нетерпение моих губ.

К счастью, она ответила мне активной взаимностью. В перерывах между акцией я не удержался и осмелился сделать ей комплимент по поводу, удачно расположенной её родинки над губой. Лучше бы я этого не делал, ибо честная Люси, опустив глаза, скромно призналась, что это не родинка, а так называемая искусственная «мушка». Удар был весьма сокрушительный: обрушилась моя привязанность к главной примечательности облика незнакомки.

Я был растерян и разочарован и неизвестно, чем бы это все кончилось, если бы я не обнаружил другую родинку — уже на нежном плечике.

Теперь уже, имея опыт, я мог определить, что она (родинка) являлась действительным оригиналом. Поскольку ребус был решён положительно, то я с новым воодушевлением приник к чудеснице. Остановились мы от внезапно обрушившейся тишины. Вагон уверенно стоял на конечной станции и вокруг нас было совершенно безлюдно. Впрочем, недалеко, облокотившись о стенку вагона, скучал некий субъект, в котором я, по его фигуре, узнал все того же Борьку. Он привычно, не торопясь, покурил сигаретку, напряженно глядя мимо нас. Я невольно оглянулся в направлении его взгляда — и это было своевременно: к нам приближался милиционер.

Встреча с подобным служителем не предвещала ничего хорошего и потому мы быстро выскочили из вагона. Прощание было какое-то сумбурное и даже несколько неосознанное. В каком-то тумане условились встретиться попозже у Консерватории, единственное здание которое я знал в этом городе.

Боря куда-то заторопился, и вскоре я остался один. Это было очень кстати.

Мысли тайфуном обуревали мою голову и в них необходимо было немедленно разобраться. Идея разбора своего поведения всегда одолевала меня.

Вот и сейчас. «Странно, — подумал я, — что я нашёл в этой смазливой девчонке?»

Много было позитивных ответов. «Но почему она? Ведь я ничего о ней не знаю, а так быстро среагировал на неё? — метался я от вопроса к вопросу.

К тому же, я не рассматривал ситуацию как отрицательную — наоборот, с большим нетерпением ждал вечернюю встречу. Но ковыряние в башке настоятельно требовало необычности вопроса: «Почему именно Люси?»

Ответ пришел неожиданно и, не просто неожиданно, а совсем неожиданно.

И я даже не понял какой извилиной мозгов (правого или левого полушария) он был выдвинут на обсуждение. Но идея меня заинтересовала и я, конечно, поделюсь с вами, какой бы экстравагантной она ни была.

Несомненно, всё разъясняется законом Зигмунда Фрейда, что «человек живёт, подчиняясь сексуальному влечению». Так распорядилась природа и только этот закон руководит поступками человека. Можно сколько угодно спорить на эту тему, чем собственно всё время и занимаются люди науки, но если каждый индивидуум серьезно и честно проанализирует свою жизнь, то он, несомненно, обнаружит все истоки этой теории в собственной биографии.

Я ничего доказывать не собираюсь, однако, пример вашего рождения кроется именно в соитии Адама и Евы! Все зигзаги вашей биографии зиждятся в соприкосновении с теорией Фрейда.

Проанализируете сами!

Вот, как мне и показалось, я выяснил причину открытия пристрастия к Люси.

Тем не менее, нетерпение к новой встрече с ней только усиливалось и оно, как ни странно это звучит, затмевало все мои открытия по Фрейду, возможно этим усиливая его эффект. И поэтому на свидание с Люсей у Консерватории я явился задолго до назначенного часа. Возбуждение нарастало с приближением времени встречи. Но вот издали появляется она — единственная. «К черту Фрейда! Она пришла КО Мне! Это невероятно! И я не сплю, я реально вижу её приближение. Боже! Только бы не выскочило сердце — оно же такое хрупкое. Дождусь, а потом...»

«Ты пришла! — пробормотал еле слышно я.

«Да, я пришла! — прошептала Она. Я схватил её за руки, чтобы ощутить её присутствие. «Что это со мной? — вдруг спохватился я, — ведь это впервые такие эмоции. Неужели опять «Фрейд?» — вновь охватили вредные сомнения.

Она интуитивно почувствовала холодок моих рук.

«Что с тобой?» — тревожно посмотрела Она мне в глаза. «Это все «проклятый Фрейд» — попытался я объяснить Ей. Но фактически просто что-то пробормотал несуслазное.

«Милая, о чём я думаю? Что я говорю? Немедленно извинись!» — говорило левое полушарие мозга. «Все это происки Фрейда. Но ведь всё, что он говорил — правда» — возражало правое полушарие.

«Не поддавайся! Пусть решает сердце!» — приказывал мозжечок!

И я решил последовать последнему совету. Тем более, что её руки уже были в плену у моих, а губы без команды упрямо сближались к напротив расположенным мягким зовущим устам.

- А может, это любовь! — успел подумать я ...

Возможно, это был лишь сон (вторая жизнь), или просто один прекрасный день.



Яков ШАФРАН,
г. Тула

Яков Шафран – автор восьми книг прозы и поэзии. Лауреат всероссийских литературных премий: «Левша» им. Н. С. Лескова, «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова, лауреат литературной премии русских писателей Белоруссии им. Вениамина Блаженного, лауреат «Российского писателя». Его имя внесено в «Тульский биографический словарь. Новая реальность» и в биографический словарь «Писатели земли тульской». Публикуется во многих изданиях. Ответственный редактор-секретарь литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег». Член Академии российской литературы, Российского союза писателей, Союза писателей и переводчиков при МГО СПР. Член Тульского областного общества «Знание».

ВРЕМЕНИ ТОК

* * *

Поселковою улицей мы мальчишками шли.
И друзьями мы были, и просто приятели.
Мимо плыли раскидистых лип корабли,
Впереди горизонт открывался мечтателям.

И не думалось нам о плохом.

Вспоминаться мне будет минувший тот день,
И являться мне будут родные ребята.
И не сможет накрыть то в душе моей тень
Неурядиц, несчастий, сомнений когда-то.

Но тогда я не думал о том.

Я тогда просто жил, просто богом я был,
Проходя по посёлку и дальше лугами.
И ребятам моим мир бескрайний был мил.
И действительно, мы тогда были богами.

Только каждый об этом не знал.

Морю зелени я с этажа поклонюсь.
Вровень окнам моим ныне ласточек стая.
Я ещё очень многому в жизни учусь,
Говорить же с землёй научился тогда я.

Только в зелени крон желтизна.

* * *

Погода капризной, балованной девицей –
Расплавит донельзя, то в миг охладит.
А небо мигает Большою Медведицей,
Зовёт обрести нас защитный магнит.

Мы дышим уж тем, что нельзя назвать воздухом,
Едим уже то, что нельзя звать едой.
И, значит, в юдоли сей нам не до отдыха,
Ведь будущий мир не даёт нам покой.
Глядит он на нас родником пересошим
И птицей, едва лишь поющей, глядит.
Не видеть того – быть духовно усопшим,
Не видеть, не слышать, не знать перспектив.

Но кто же виновен в таком состоянии?
Откуда на нас эти дуют ветра?
То мыслей, эмоций, поступков влияние,
Влечёт это нас. Осознать то пора.

Наш путь – чтобы в душах не зло, а гармония,
И чтобы берёзы погуще росли,
Чтоб наша страна стала вновь населённое,
Чтоб пели по-прежнему нам соловьи.

Для этого верить не в Бога, а Богу
Обязаны мы, как Владыке всего
И слушать Святого Его и Живого
Во всяком явлении дня своего.
Просить о насущном Его постоянно –
Не личной мощны и здоровья для тел.
И Царство Его установится явно
Итогом всех мыслей, итогом всех дел.

* * *

Едут тихонько герои с войны:
Хро́мые, хворые дети страны.
Воинам всем не идти на покой —
Длится и длится отчаянный бой.

Дома сосед — на протезе отец.
Знает сынок, что отец не подлец.
Друг его хочет — без ног, но живой,
Пусть его батя вернётся домой.

Годы пройдут, повзрослеют сыны.
Дай нам всем Бог, чтоб не стало войны.
Будут храниться протез, ордена.
Тихо всплакнёт по ушедшим жена.

Внуку героя, сынку своему:
«Если пойдёшь на войну за страну,
Деду подобен ты будь по всему», —
Скажет отец, к себе притянув.

Чей-то сынок обернулся врагом.
Вот уже выброшен фотоальбом,
Письма героя, его ордена.
Чьё воспитанье такому вина?..

Едут тихонько герои с войны.
Будет Победа у нашей страны!
Только ведь мало сейчас победить —
Нужно Победу ту нам сохранить.

* * *

В ясную ночь видно в небе далёко,
Каждая звёздочка как предо мной.
Вижу три новые, вспыхнув высоко,
Ярко горят, непрерывно и стойко,
Спор свой ведя, но теперь неземной.

Гибнут герои в боях за Россию.
Души их — звёзды — горят в небесах.
Чтоб не бывать над страной насилью,
Чтоб не бывать среди нас слабосилью,
Стоек герой и в небесных местах.

Стоп! Но вот падает, гаснет в полёте
Чья-то звезда, прочертив небосвод.
Может предатель в смертельном излёте,
Трус или враг на небесном погосте
Свой не нашёл тут конечный исход?

Звёзд же горящих поболе угасших.
В этом небесной Победы залог.
Будет Победа и в жизни у наших,
Нас ведь значительно больше ненаших.
Значит и с Родиной нашей Сам Бог!

* * *

Брагин, мой Брагин, родной городок.
Раньше не ехал, теперь не ездок...
Помню, как в детстве по небу дымы,
Жаркая печка — подруга зимы.
Еду на санках — крутая гора.
Это вчера, ещё только вчера! —
Рядом со мной дорогая пора.

Мысленно еду к тебе каждый день,
Брагин мой, милый, неблизкий уж го-
род.
Ты в Интернете красив так и молод.
Только не видно родительских стен.

Время, казалось, — прямая дорога:
Встал от порога и — вплоть до порога.
Но оказалось цикличной спиралью
Время, и может стать близкою далью
То, что глядело далёкой печалью.

Брагин, мой Брагин, родной городок,
Снова и снова в тебе я рождаюсь,
Снова несу благодарность я краю.
Светит сквозь годы мне твой огонёк.
Времени ток — за витком вновь виток.

* * *

Идут проливные дожди,
С земли наносное смывая,
Упорно идут, словно зная
Бесспорность прямого пути.

Свободой хмелея, земля
Хранит тишину терпеливо
И ждёт, испареньем дымя,
От солнца энергий прилива.

Но помня, что путь не прямой
Скорее достигнет победы,
Земля, сохраняя рассветы,
Смиряется вновь пред жарой.

* * *

Я часто встречаю поджарого пса,
Бездомно бегущего в поисках пищи.
Упорно по известным им адресам
С утра он до вечера голодно рыщет.

Бежит, уступая дорогу всегда,
Косясь равнодушным, рассеянным взглядом.
Один он, не в стае, за годом года,
И нет никого приручившего рядом.

Где тот, кто когда-то хозяином был,
Тепло чьё тебя согревало когда-то?
Его ты, похоже, ещё не забыл,
Хозяина, друга родного и брата.

Быть может, поэтому в стаю не шёл,
Что верил, надеялся, что ещё встретит.
Предательство? Гнал от себя эту боль —
Любовь ведь сильнее всего, что на свете.

Я часто встречаю поджарого пса.
С утра он до вечера голодно рыщет,
Привычно покорной рысцой труся,
Не что, а кого-то, я думаю, ищет.

* * *

Я у жизни прошу — хоть немного
Пусть спокойнее будет дорога,
Хоть в течение этого дня.

Но так птицы поют у порога,
Мне покоя совсем не суля.

И опять от рассвета к закату
Моё сердце небесному такту
Норовит отвечать в унисон.

А судьба всё готовит контакты,
И звонит разбитной телефон.

Но душа, видно сроки настали,
Устремляясь в небесные дали,
Жаждет творческой лишь тишины,
Что вернуть себе смыслов начало
И творящей достичь глубины.



Сергей ШИЛКИН,
г. Салават, Башкортостан

Шилкин Сергей Васильевич. Издавался в различных поэтических сборниках в России и за рубежом, стихи печатались в журналах и альманахах «День и Ночь», «Крещатик», «Slovo/Word» (Нью-Йорк), «7 искусств» (Ганновер), «Журнал ПОэтов», «Простор» (Алмата), «Невский альманах» и др.

Лауреат премии литературного журнала «Сура» в номинации «Поэзия», дипломант II международного конкурса переводов тюркоязычной поэзии «Ак Торна»; обладатель специальной награды «Диплома министерства культуры Казахстана, победитель конкурса «Лучшее стихотворение 2012 года», II место Международного литературного конкурса «На крыльях грифона», дипломант Международного литературного конкурса «Русский стиль – 2021», финалист литературного конкурса им. Е. П. Гусева «Яблочный Спас», лауреат премии литературного альманаха «Царицын», лауреат Всероссийского поэтического конкурса «ВОЗРОЖДЕНИЕ РОДИНЫ», II место на Международном конкурсе-фестивале духовной поэзии «Покровская свеча», I место в поэтической премии «Глаголом жечь сердца» им. В. Маяковского.

УГЛИЧ

Захотелось от Урала
Да в самую Москву —
Путешествие «застряло»
У меня в мозгу.

Тут мне выпал редкий случай:
На лит-фест «Проток»
Пригласил меня друг лучший
В Углич - городок.

Звонок в небе русских муз клич —
Медный глас рожка.
Одногодки — славный Углич
С храмами Торжка.

Пил я в «Угле» сбитень бражный,
«Обжигал горшки».
Дали мне диплом бумажный
За мои стишки...

Вышел я, минуя скверик —
В голове задор —
На высокий волжский берег,
На речной простор.

Волги крут поток моревный¹
С множеством проток.
Это русский, очень древний
Княжий городок.

Вдруг в душе — литавры Кролла,
Страшный «крик» звонка —
я увидел нож у горла
Царского сына.

Шепчет Дева с Одигитрий:
«Сыне, сбереги»...
Но убит царевич Дмитрий
У самой реки...

Сквозь пласты времён седые
Виден дальний год —
Мощи нёс в Москву святые
Русский крёстный ход.

Мощи отрока нетленны —
Бесам окорот.
Гасли звёзды во Вселенной,
Плакал весь народ.

Мощи те для оберега —
Нас спаси, Равви!
Дремлет в Угличе у берега
Дмитрий на Крови...²

¹ Моревный от «моревна» — дочь морского царя.

² Храм царевича Дмитрия на Крови заложен в начале XVII века на территории Угличского Кремля (берег Волги).

КРОКУС

Мне душу вдруг пронзил укол —
Пылал до неба «Крокус Холл».
Смерть адово плясала.

И было, словно в казино,
Судьбой не каждому дано
В тот день уйти из зала.

Господь, прости мне мой упрёк —
Почто на горе нас обрёк?
Пожёг огнём геенны?
Не указал к спасенью троп?

Молю, покой дай душам роб³
Невинноубиенных...

³ Роб (церк.-слав.) — раб Божий.

* * *

Дух не объять,
Как ветер в поле.
Опять пишу
(Чего же боле?)
Покуда «ветер» не затих
(о, этот необъятный «ветер»!)
И я не сник, как юный Вертер —
Переношу стихию в стих.

ГАДАНИЕ В СОЧЕЛЬНИК

Сколок зеркала тёмный,
Стол с оплавленной свечкой.
В темноте неуёмный —
Шебуршится за печкой —
Домовой, сон крадущий.

Рядом с сочивом сочень.
Что несёт день грядущий,
Ведать хочется очень.

В центре блюдечко праха.
Шар стеклянный мерцает.
Ожидание страха
Сладость зла отрицает.

Крайне будь осторожен,
Зря в зеркала кривые —
В них расплющены рожи
И растянуты выи.

Колыхание в сфере
Мутных образов. Кто вы?
— Злые, блудные звери.
И давно уж готовы,
Растоптав камилавки,
Тя⁴ призвать к встрече с бездной...

Небо тихо на главки
Сыплет манной небесной...

⁴ Тя (церк.-слав.) — тебя.

ТОНЬКА

Соседке А. Куропаткиной /Гнездиловой/
Если б ныне Антонине
Микрофон бы на станине,
То дуэтом клинчевым
Спела б круто с Кинчевым:¹

У неё, поверьте, нонче
Тон повыше, голос звонче,
Чем пила у Саввича —
Он пилил тут давеча.

Прожигает взгляд у Тони —
ты пред ней, как на ладони —
Вспышкой ацетоновой
Иль дугой Патоновой.²

Если ты, блин, гость незванный,
То не спрячешься под ванной —
Ваша «эскападина»³
Будет тут же найдена...

Жизнь суровая соседки—
Не гламурной профурсетки! —
Вихрем лет закружена,
Гнётом бед закружена.

Здесьних мест не автохтонка⁴ —
То ли полька, то ль бретонка.
Красотою фряжеской⁵
Сходна с дочерью княжеской.
И её попробуй, тронь-ка!

Вот дела: так наша Тонька —
Знаю я теперича —
«Прапрадочка» тверича.⁶

1 Клинч (спорт.) — приём в боксе.

Константин Кинчев — фронтмен известной российской рок-группы «Алиса» (90-е годы).

2 Патон Е.О. — академик РАН СССР, исследователь основ сварки металлов, основатель института электросварки в Киеве.

3 «Эскападина» от «эскапада» (фр.) — авантюра, экстравагантная выходка, дерзкая проказа.

4 Автохтоны — аборигены, туземцы, коренные уроженцы данных мест.

5 Фряжский (устар.) — заморский, иноземный, чаще южно-европейский (итальянский).

6 Тверич — близкий родственник правящего в Твери князя (13-15 века) и его потомки. Одно из современных названий горожанина.

ХОРИК

Меня не манит дух сберкасс —
Земного цоколь.
По звёздной Тверди мой Пегас,
Взбрыкнув, зацокал.

И выбив, будто в барабан,
Тугие ритмы,
Сплёл легкокрылый мой тарпан
Лихие рифмы.

Мне Некто дружески кивал —
Пиши, мол, чаще...

Услышав за спиной кимвал,
Огнём звучащий,
Я вглубь нырнул, ища Залог
Тысячелетний,
Чтоб обрести заветный Слог
В миг предпоследний.

Штурм «сновидений» мозговой —
прорыв на «Порше».

И вот, от боли вековой —
Как если б смолот был из хвой —
Стал хлеб мой горше.

Стал хлеб, как плесень на лозе,
До боли горек...
Но пел на Млечной полосе
незримый хорик...

На гибель миру забытья
И вечной хвори
Гремели гимны Бытия
В том чудном Хоре.

СЕРГЕЙ ОНЕГИН

Англофилом был я раньше —
Стал под старость англофобом.
Не бывал я хоть в Оранже¹,
В «транс»² не тянет по Европам.

Не влекут меня Катанга³,
Бреги Нигера в Бамако⁴,
Стул, сплетённый из ротанга⁵,
И «зелёная бумага».

Я прошёл пешком Уралы,
Покатался по Алтаям.
С другом слушаем хуралы⁶,
Каждый год в Инту летаем.

Гороскопы жизни нашей —
Близнецы с Венерой в Раке.

Годы с Лариной Наташей
нахожусь я в крепком браке.

Добываю чистый гелий
На заводице в Смоленске.
От руки моей в дуэли
Не погиб, пока что, Ленский.

С ходом лет в душе «зависли»
Все пустые «обновленья».
Стал я, в некотором смысле,
Странной меткой поколенья...

Всяких Кений офигенней
Русский дух, поля и снега.
Я Сергей — чуток Евгений.
В каждом веке свой Онегин...

1 Оранж — древний город на юге Франции.

2 Транс (лат.) — частица, обозначающая перемещение через что-то, в направлении чего-то.

3 Катанга — южная провинция Конго (Леопольдвиль).

4 Бамако — столица Мали.

5 Ротанг (малайск.) — обработанные (прошедшие очистку и сушку) стебли каламуса — пальмы, растущей в основном в тропической части Азии. Используется при производстве плетёной мебели.

6 Хурал (монгол.) — буддийское богослужбное песнопение.

* * *

На судьбоносном (может быть) этапе
Я захотел издать стихи в «Китапе».⁷
Но, улыбаясь несколько натужно,
Сказали мне: «Милейший, нам не нужно.
В России много есть больших проектов.
А вот Уфе сейчас не до Поэтов»...

Ответил я: «Редактор, поспокойней,
Иначе мы свернём к словесной «бойне».
И не давай несбыточных советов,
Но слушай и читай своих Поэтов».

7 «Китап» (башк.) — «Книга», государственное издательство Республики Башкортостан, Уфа.

ДИМОН

Кто в Москве Пиит? Вестимо
 Это некто Быков Дима.
 Дима Быков — Зильбертруд.
 Если бабушки не врут —
 С ними ложь не совместима —
 Не Катон он нам, а Брут.

Бонвиван эпикурейства,
 Статус истого еврейства
 Всё никак недооформит.
 Руки тех, его кто кормит,
 Он «кусает» (по привычке?).
 Но, сей тезис взят в кавычки.

Бог дал в Дар ему свирели.
 Он из них сварганил дрели.
 Ими души наши дрелит,
 В дырки дует — «менестрелит».

Наш пиит совсем не хоббит —
 Не по-детски русофобит.

Зря, Димон, полез ты в тину.
 Лучше б двинул в Палестину —
 Укрепив в душе подпорки —
 На семитские разборки.

Там — свечением реликта —
 Тленье братского конфликта:
 Глупый спор и несусветный.

Древний спор, ветхозаветный:
 «Ну, кому ж, давным-давно,
 Слово Божие дано?»

Ты ж не вымышленный Петька¹ —
 Рассуди и нам ответь-ка
 Без досужих, блин, затей:
 «У кого идей банкротство,
 Чьих сегодня Первородство?
 Кто в Святой земле святей?»

1 Петька, ординарец киношного Чапаева. Всегда задавал вопросы, но не давал ответов.

КРУЖЕВО ЖИЗНИ

Моей семье

Как-то в непогоду —
 знать, Перун восстал —
 Дождь наотмашь, с ходу,
 Струями хлестал...

Я, свернув с дорожки,
 Забежал в «Памир»,¹
 Чтоб согреться трошки,²
 Обсудить наш мир
 (Даже с первым встречным),
 На дела «забив»,
 «соком огуречным»³
 Водочку запив.

— В храм нас «иереич»⁴
 Как-то ввёл, Заккей.
 Мы: мой сын — Сергеич,
 Ну и я — Сергей.

«Жизнь дай без увечий»
 Пели хором мы,
 Жгли за внуков свечи
 В храме Яхромы.

Нехристям наука —
 Был мне Глас: «...воздам!»
 Всё с рождением внука
 Встало по местам.

Исправляю имидж
 После тёмных зим.
 Мой внучок Максимыч,
 Значит, сын — Максим.

1 «Памир» — ресторан в Москве, на Рязанском проспекте.

2 трошки, трохи (обл.) — малость, чуток.

3 огуречный рассол.

4 «иереич» — сын иерея и сам иерей (священник).

Вечная эгида
Рода — сыновья —
Лиза да Никита,
Старшенький Илья.

А ещё, по сроку, —
Мой портрет, точь-в-точь, —
Мне внучка Серёгу
Подарила дочь...

В ресторане жарко,
А в душе елей.

— Юная шинкарка,
В рюмочку долей...
Мне на три полушки,
Без пустых речей...

У жены хохлушки
Мать из ветврачей.

Ветер — окарина⁵ —
Свищет в решето...

— Дочь моя Арина
Медик, если что:
Реаниматолог —
Лекарь бедолаг,
Кох век не долог
Без лечебных благ.
Духов Неба прокси.⁶
Молит о Руси
И врачует в боксе,⁷
Господи, еси!⁸

⁵ окарина (итал.) — «гусёнок». Народный духовой музыкальный инструмент (глина, дерево) в форме птички.

⁶ прокси (англ.) — представитель, заместитель, доверенное лицо, уполномоченный.

⁷ бокс (мед.) — обособленная стерильная медицинская палата для лечения тяжёлых больных.

⁸ еси (устар.) — форма настоящего времени второго лица единственного числа изъявительного наклонения глагола «быть».



Наталья СМЕХАЧЕВА,
г. Торжок Тверской области

Член Союза Писателей Крыма, лауреат многочисленных литературных конкурсов. Состоит в двух Литературных Объединениях: «Тверца» (г. Торжок); «Ковчег» (г. Тверь) и в «Союзе литераторов Верхневолжья». Автор двух поэтических сборников и сборника рассказов. В 2016 году удостоена Премии губернатора Тверской области в сфере культуры и искусства в номинации «За достижения в области литературы». Стихи и проза Н. Смехачёвой публиковались в различных российских и зарубежных альманахах, журналах, антологиях и других литературных изданиях.

СТРАНА ВЕЧНОЙ ЮНОСТИ

*Мой белый шиповник, ответствуй ты мне —
Зачем не растёшь ты в волшебной стране?..*
(из шотландской баллады)
*

Раз Эдвин Счастличик, доверясь волне,
Скользил по заливу на лёгком челне.
Задумчивый ветер средь солнечных скал
На арфе воздушной лениво играл,
Под солнцем курчавился вереск густой...
Пленился рыбак золотою косою,
Что в море вонзалась, как солнечный луч,
Внезапно упавший из облачных круч.

Есть ли на свете она —
Юности Вечной Страна?..

* * *

На весла с волнением Эдвин налёг.
Мерцает таинственно жёлтый песок...
И тут с диким хохотом вихрь налетел
И чёлн, как осенний листок, завертел.
И Эдвин уже распрощался с землёй,
И с жизнью своею, и с милой семьёй,
Как вдруг средь сполохов и чёрных зарниц
Возникла из тьмы стая белая птиц.

Знает ли кто, где она —
Юности Вечной Страна?..

* * *

А птицы укрыли испуганный чёлн,
И стихла игра обезумевших волн.
Челнок зашумел о песок золотой,
И юноша вышел на берег пустой.
Из бури шагнул он в чертог тишины.
В малиновом море тюлени видны.
Веснушки-цветы на щеках белых скал,
И бабочек яркий, невиданный бал.

Может быть, это она —
Юности Вечной Страна?..

*

Рыбак, чтоб не сгинуť в сетях колдовства,
В зелёный бугор, где пушилась трава,
Воткнул, ещё дедовский, нож боевой
И парус обвисший погладил рукой.
И вдруг услышал — кто-то близко поёт.
Как голос прекрасный манит и зовёт!
По травам шелковым спешит он на зов —
И девушку видит у алых кустов.

Счастье подарит она —
Юности Вечной Страна!

*

Прекрасная дева — белее луны,
А волосы ветра и солнца полны,
И радугой пенной сверкает наряд,
И звёздные очи блаженство сулят.
Пред девой склонился рыбак до земли...
И так, безмятежно, в любви потекли
В Стране Вечной Юности дни и года.
Невзгоды не знали дороги сюда.

Как же прекрасна она —
Юности Вечной Страна!..

*

Семь лет пролетели, как сладостный миг.
И Эдвину снится родитель-старик,
Цветущий шиповник, рассвет над рекой,
И танец форели в воде голубой.
И страстно домой захотел он, назад,
Услышать, как в роще дубы шелестят,
Друзей позабытых, и мать, и отца
С улыбкой обнять у родного крыльца.

Всем ли по силам она —
Юности Вечной Страна?..

*

Поведал он деве желанье своё,
И слёзы увидел в глазах у неё.
«Дороги обратной тебе не найти, —
Сказала она. — Нет отсюда пути.
Послушай, как стонут вон там, у скалы
Кипящего моря седые валы!
И чёрная птица над морем парит.
Сияющий остров добычу хранит».

Не отпускает она —
Юности Вечной Страна.

*

И понял рыбак: хоть прекрасный, но плен.
Ни разу душой не поднявшись с колен,
Как птица, он в клетке живёт золотой,
А Родина там — за волшебной чертой.
Разгневанно небо темнело уже,
Но вспомнил рыбак о старинном ноже.
И смело он на воду лодку спустил,
И девушку рядом с собой усадил.

Еле мерцает она —
Юности Вечной Страна...

*

В открытое море рыбак правит он чёлн,
Отважной решимости, мужества полн.
Но скрылась из глаз золотая коса,
И таять, как снег, стала девы краса.
Уносят бессмертье слезинок огни,
И сыплются жемчугом в воду они.
Хохочет из туч оглушительно гром,
И волны косматые пляшут кругом.

Мстит за измену она —
Юности Вечной Страна.

*

...Места дорогие... волненья мороз...
Рыдаёт рыбак, не стыдясь своих слёз.
Любимую на руки нежно берёт
И к дому её осторожно несёт.
Уж хочет ступить на родное крыльцо —
И видит ... старухи беззубой лицо!
Рассыпались волосы снежной волной,
Подёрнуты очи седой пеленой.

О, как жестока она —
Юности Вечной Страна!

*

И молит старуха: «Любимый, прости!
Не я ль говорила — назад нет пути?!
И юность, и счастье, и милый наш дом
Исчезли, как дым, в этом мире чужом.
Растаяли птицы — простора цветы,
И вот, на глазах моих старишься ты!
Вернёмся, любимый, и будем опять
Бессмертные, юные — солнце встречать!

Счастье лишь там, где она —
Юности Вечной Страна».

*

Рыбак застонал, зашатался рыбак,
И сердце его погрузилось во мрак.
Он долго стоял у родного крыльца
И слёзы со щёк отирал без конца.
Потом улыбнулся подруге своей:
«Любимая, полно! Пляди веселей!
Мы белый шиповник посадим с тобой
За сумрачным морем, где сердцу — покой.

Станет нам домом она —
Юности Вечной Страна!»

*

И чёлн растворился в холодной дали...
С тех пор уже многие годы прошли,
Но слышат пред бурей всегда моряки
Два голоса, полные горькой тоски.
И там, где сливается небо с водой,
Вдруг парус блеснёт, как цветок золотой.
То Эдвин упрямо на тёмном пути
Страну Вечной Юности жаждет найти...

Сердце, так, где же она —
Юности Вечной Страна?..



Майя СИВОЛОВА,
г. Севастополь

Журналист по профессии, писатель по желанию. Родилась и выросла в Севастополе. Ещё в школе приняла участие в издательстве нескольких литературных сборников, вошла в десятку лучших авторов России в Литературном конкурсе им. Потёмкина. Участвовала в литературных фестивалях и мастерских: Школа Актуальной литературы Таврида.Арт, Резиденция Шанс.Кого, в фестивале «Седьмое небо». Публиковалась в сборнике сказок «В новый год», в сборнике Центра молодёжных инициатив, в литературных журналах «Художественное слово», «Белая скала».

СЧАСТЬЕ МАТЕРИНСТВА

— Ну всё, мамочка, забирайте, — пожилая медсестра сунула мне в трясущиеся руки синеватого пупса и вышла из палаты.

Мы с дочкой остались вдвоём.

Я лежала на продавленной койке, прижимала к себе спящий комочек и думала только об одном: как теперь мне дотянуться до бутылки с водой, оставленной на тумбе.

А я ведь готовилась к этому моменту, книжки умные читала по тайм-менеджменту в декрете и по психологии. Могу все детские кризисы перечислить. И про прикорм рассказать. А до бутылки дотянуться не могу. Вот ведь задача!

Но, чувствую, то ли ещё будет! Это мы в роддоме сейчас. Тут и медсестра есть, и врач заходил. Даже как памперсы менять показали, помогли. Правда, бутылку так никто и не передал, но ладно уж, сама дотянулась. А дома то, что будет через три дня — представить страшно!

И правда, как в воду глядела.

На второй день нашего с дочкой пребывания в родных стенах явилась

(да, прямо как шестикрылый серафим) бабушка, подтверждая своей речью, что весь мой декретный тайм-менеджмент — муть. И что не книжки матери читать надо, а опыт прошлых поколения перенимать. А я, между прочим, помню ту душещипательную историю, как она папу моего полугодовалого борщом прикармливала. Но это ничего, это вообще не аргумент.

— Ты меня слушай. — Гнёт своё бабушка. — С ребёнком построже надо, а то на шею сядет. К рукам не приучай. Покормила — и в кроватку.

А дочь кричит в тон бабушке: «ая-ая-ая», что в переводе: «мне плевать на ваши разборки, дайте молока».

Ладно, с бабушкой как-то разобрались. Дочь показательно в кроватке 20 минут поорала, доказывая: «вы воспитывайте, как хотите, но, если планируете жить в тишине, рекомендую все же взять меня на ручки». Бабушка сдалась. Прогнулась. Ха! Так-то!

Самое тяжёлое время материнства — за час до прихода мужа. Ребёнок капризничает к вечеру, поясница отва-

ливается, у тебя накопилось слишком много моментов, на которые хочешь пожаловаться. А он, зараза такая, всё не приходит. Хотя рабочий день уже шесть минут как закончился!

И вот ты сидишь и думаешь: «А на кой черт мне всё это?».

Но раздаётся спасительный звук — поворот ключа в замочной скважине, медленные (слишком медленные) шаги мужа и самый раздражающий вопрос: «Как тут мои девочки?»

Как будто сам не знает! Дочь покакала, я — нет. Потому что она в памперсах, а я отойти от неё не могу больше, чем на минуту.

Но ладно, дышим ровнее, сейчас муж ребёнка возьмет, отдохну немного.

— Дорогая, а что на ужин? Подогрей, пожалуйста. Так устал сегодня, ужас. Ты ж не против, если пораньше спать лягу, не буду с лялькой сидеть?

Спокойно. Вдох-выдох. Я люблю его. Он — мой муж. Зарабатывает нам на жизнь, устаёт. Спокойно. Я люблю его.

А дочь улыбается папе счастливая, повторяя: «ги-ги-ги», что в переводе: «Папочка, я вообще-то соскучилась, так что спать с мамой даже не планируйте».

В такие моменты понимаешь, у кого действительно власть в доме. Не у мужа — головы семьи, не у жены — шеи, и даже не у кота — её желудка. А у маленького комочка, голосовых связок, который ещё кулачком в рот не всегда попадает, а уже кричит так, что радуешься только, что не стали тогда экономить на стеклопакетах. Эти качественные — не лопнут. (Надеюсь).

Наверное, это и есть семейное счастье. Да, пожалуй, вселенная задумывала гармонию именно так. У меня пра-

вый глаз дёргается, у мужа — левый. Ребёнок орёт, потому что сказать ещё нечего. Мы — молчим, потому что высказать хочется слишком много. Укачиваем дочь по очереди, сменами в 30 минут, и любим друг друга.

И вот ты прыгаешь в час ночи под колыбельную на повторе (которая ещё снится полночи будет, как в фильме ужасов, если повезёт, конечно, поспать), укачиваешь пупса и думаешь: «Какое ж это счастье иметь ребёнка!». Вот Люся, дева старая из седьмой квартиры над вами, храпит так, что люстра трясётся, не знает, какое это счастье. А ты — знаешь!

И муж знает. Но у него это счастье не полное, почасовое, с ограничением по времени. А потому ближе к трём он ломается:

— Всё, не могу больше. Мне вставать завтра рано, а ты с ребёнком поспишь как раз. Посидите сами, пожалуйста.

Конечно, посидим, как будто выбор есть. Или может его к батарее привязать, чтоб не бросал нас в этой битве колик? А если дочь в коляске в подъезд выставить? А что, она маленькая, всё равно ничего не запомнит.

Нет, соседи — противные, ещё опеку вызовут.

И я ж мать. Что, с родной дочкой не договарюсь? Надо просто качать активнее...

В шесть утра тебя будит бодрое «го-ги». Ты открываешь глаза, вытираешь слюни с лица, разминаешь шею — так и уснула сидя, с ребёнком в руках. На тебя смотрит милая мордашка. Улыбается. Сидишь и думаешь про себя, какое это счастье — иметь ребёнка. А дочка открывает рот шире и выдаёт свое первое «агу», что в переводе: «Я тоже люблю тебя, мама».



Сергей ФИЛАТОВ,
г. Бийск

Филатов Сергей Викторович. Автор восьми поэтических книг и трех книг прозы. Лауреат краевой премии журнала «Алтай» им. В.М. Шукшина, краевой литературной премии им. Л. Мерзликина, премии журнала «Огни Кузбасса», лауреат премии им. А. Дунина-Гаркавича «За значительный вклад в деле сохранения и приумножения культурных и литературных традиций Сибири», премии «Энергия творчества». Победитель Московского международного конкурса «Золотое перо 2008». Лауреат сайта «Российский писатель». В различные годы редактировал альманахи «Бийск», «Музейный вестник», «Чуйский тракт», «Бийский вестник». Член редсовета журнала «Алтай». Член СП России. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

НЕДОРОЖДЕННАЯ ВЕСНА

Ирка покурить вышла на крылечко. Устала. За матерью лежачей ухаживает уже который день без выходных. А куда деваться: мать не встаёт, даже приподняться, не то, чтоб присесть, на кровати — не в силах.

Не предполагала Ирка, что это так сложно и мучительно будет. Мать в одночасье стала такой капризной и непослушной, хуже ребёнка. Недаром говорят: «Что старый, что малый...»

— Мам, надо бы таблетку выпить. — Упрашивает её Ирка.

— За-ачем?... Даёшь и даёшь мне эти свои таблетки... Ба-а-альшие такие...

— Мам, да не мои они. Даю какие доктор тебе прописал... Ну надо, чтобы выздороветь да на ноги подняться...

— И поесть надо? — Интересуется мать.

— И поесть. — Соглашается дочь. — Огурчик будешь?

— Буду...

Немного пошамкав, мать фыркает:

— Фу-у, не хочу...

— А котлетку?...

— Буду... Не хочу...

— А что будешь?

— Не знаю. Придумай сама!..

Вот и задумалась Ирка, вон нынче уж и март на дворе, солнце яркое, с крыш вроде капает, но всё равно откуда-то от земли сильно холодком подтягивает. Точно и не весна вовсе, слишком уж неприветливая она, зябкая до мурашек в спине.

Ещё тут собаки соседские выть взялись, чисто волки. Из ограды напротив. Их там целая стая, штук пять не меньше. Вроде хаски. Сосед их разводит. Важный такой стал: «Я, — говорит, — заводчик!» Ирка, этого «заводчика», когда он ещё в коротких штанишках по переулку с мелюзгой бегал, помнит. Она-то к тому времени постарше была, тогда уже и с парнями дружила... А теперь вон — на тебе — заводчик! Заберутся его хаски всей стаей на поленницу, что там, внутри ограды у забора сложена. На забор лапами встанут, морды вверх тянут, чуть-чуть набок наклоняя, словно шея у них болит. И ну давай завывать хором, истошно на всю округу.

Точно к покойнику воют. Слов нет, красивые они — хаски эти, но воют жутко, дрожь берёт. Ирка даже и не знает, а лаять-то вообще они умеют, как другие нормальные собаки. Ни разу не слышала. «Надо бы у «заводчика» спросить как-то», — между делом подумала.

Собаки воют, холодком подтягивает, ещё и весна эта какая-то недорожденная, будь она неладна!..

Пока курила, дверь за спиной неожиданно скрипнула. И приоткрылась. Немного, совсем на чуть-чуть. Сантиметров на тридцать не боле. Однако Ирка вздрогнула, впрочем, скорее от неожиданности, чем от страха.

Дверь приоткрылась... И снова захлопнулась. Что это было?... Кто?..

...Странности эти у матери начались после того, как коронавирусом переболела. Памяти у неё совсем не стало, одно и то же, бывало, по десять раз переспросит, но сколько не объясняй — все равно тут же всё забудет.

— А день-то какой у нас сегодня?

— Суббота.

— А время-то сколько?

— Да двенадцать уж.

— Двенадцать, надо же... Полдень.

— Полдень, полдень... — Соглашается Ирка.

— Да-а... А день-то, какой?..

— Суббота, мама, суббота...

— А-а... Суббота-а... — Повторит и молчит подолгу отстранённо, точно о чём задумалась.

От этого её такого молчания как-то неуютно на душе у Ирки, зябко, что на дворе. Оно всегда так бывает, когда говоришь с человеком и не знаешь, — слышит он тебя, понимает ли, что у него на уме? Иногда Ирке от таких мыслей самой хотелось начать подвывать соседским хаски. Но она внутренне уговаривает себя, успокаивает: «Злись — не злись, — думала. — Ревь — не ревь, ничего не поделаешь. Возраст... Болезнь... Деменция, будь она неладна!»

Про деменцию — это ей доктор рассказал. Таблетки вот выписал, которые она матери каждый день давать пытается. Сказал: «Может и помогут. Но хуже точно не будет». Куда уж хуже!.. Иногда получается у Ирки матери таблетки скормить,

иногда не очень, только забывчивость её с каждым днём лишь прогрессирует.

«Не дай Бог, до таких лет...», — думает Ирка, глядя на мать. — Не дай, Бог!»

Не так давно сон ей приснился, Ирке. Сидят на веранде мать, бабушка и дед — родители материны. Так-то их давно уж нет — ни бабушки, ни деда — а вот на тебе, приснились.

— Чего это вы на веранде-то сидите, чего в дом не идёте? — Спросила их Ирка.

— Сидим вот. — Отвечают. — Сторожим.

— Чего здесь-то сторожить, в доме поди теплее?..

А бабушка Настя повернулась к ней и, как будто только заметила внучку, руками на неё замахала, что курица крыльями,

— Чего сюда пришла! Иди-иди отседова скорее!..

Так это у ней получилось, будто и не прогнать вовсе Ирку хотела, а уберечь что ли от чего-то.

Сон более чем странный, только после этого буквально дня через два у матери инфаркт случился, увезли её в больницу на скорой.

Три недели она там отлежала: сначала в реанимации, потом в интенсивной терапии, потом уж в общую палату перевели.

Пока в больнице лежала, всё Ирку выпрашивала:

— А я чего здесь делаю-то?

— Так болеешь ты, мам.

— Правда?.. Чем?

— Инфаркт у тебя был, тебя сюда на скорой привезли... — Терпеливо объясняла Ирка.

— Надо же... Привезли... — Словно удивлялась мать. — А живу-то я где?

— Так в доме, мама, в доме.

— В доме?

— Ну да, в бабушкином...

— А что, его не снесли ещё?

— С чего ты взяла-то это? Никто ничего сносить не собирается.

— Так слышала я, наверное, где-то... Кто-то говорил мне, наверное...

— Не знаю где ты чего услышала, никто там ничего сносить не собирается!

— Не собираются? Ну и хорошо... А дом-то он — бабушкин?

— Бабушка умерла давно, сейчас ты там живёшь.

— А-а... А муж-то у бабушки был?

— Мам, ну как не было, конечно, был, отец твой — дед Фёдор. Не помнишь, что ли? Только, он ещё раньше бабушки умер...

— Раньше умер?... Надо же... — И немного помолчав, продолжала. — А у меня что тоже муж был?

— Конечно был. Иначе откуда бы мы с Ванькой взяли-то? — Объясняла Ирка.

— Ну да, ну да... Вы с Ванькой...

И деда, и бабушку своих Ирка хорошо помнила.

Деда Фёдора Ивановича — постоянно сидящим в инвалидном кресле, а бабуш-

ку, вечно суетящуюся по дому — возле печки или в огороде над грядками... Иногда бабушка выкатывала деда на крылечко — «чтобы воздухом подышал, не всё же в комнате закисать» — сама садилась рядом, усаживала внучку, и неторопливо, как сказку, рассказывала Ирке истории про ихнюю с дедом жизнь.

В Великую Отечественную дед Фёдор танкистом был, командиром тридцать четвёрки. Когда танк подбили, он, рискуя жизнью, вытащил и раненого механика-водителя, и заряжающего своего, которого сильно контузило, а вот сам не уберёгся. Не успел отбежать подальше от пылающей машины — рванул боекомплект. Деду тогда-то позвоночник осколком и повредило. Подобрали их всех — весь экипаж — санитары сначала с поля боя вытащили, потом в госпиталь отправили. Парней-то из экипажа на ноги поставили, они даже потом снова в строй вернулись: механик, так тот до самого Берлина дошёл, а заряжающий погиб где-то при освобождении Праги.

А вот Фёдору Ивановичу не повезло, так спину ему в госпитале тогда и не отремонтировали. С тех пор он в этой коляске и обосновался.

Шутил иногда: «Ну вот, поменял шило на мыло: раньше-то на гусеничном танке ползал, теперь вон на двухколёсном драндулете гоняю! — И добавлял. — А Настёна у меня теперь заместо водителя».

Дом этот, где они с бабой Настей жили, деду Фёдору как участнику войны выделили, хоть и небольшой, но участок есть пара соток. Бабушка постоянно по весне его вскапывала, да огород садила: лук, огурцы, помидоры высаживала, редиску, викторию...

Ирка у них с дедом обычно всё лето гостила. То ягодой на грядках кормится, то на переулке с малышней — все лужи перемерила, на велике — сначала трёхколёсном, а постарше и на двухколёсный пересела — с пацанами гоняла. Всё ей здесь знакомо, каждая горка, каждая кочка, всё здесь — родное.

И чего это её бабушка прогонять-то взялась, — опять тот сон вспомнила...

Когда с братом Иваном мать из больницы забирали, Ирка к врачу было пошла, чтобы узнать о состоянии матери, да как дальше её лечить теперь. У матери глаза испугано округлились, того и гляди из орбит повыезут, в Ирку руками вцепилась, трясётся и заблажила-запричитала,

— Ты куда? Куда!?

— Да сейчас, мам. К врачу схожу, узнаю, что и как...

— Нет... Нет! Забирайте... Забирайте меня скорей отсюда!

— Мама, мне хотя бы выписку твою забрать...

— Забирай-те! Заби-рай-те!

Ирка кивнула брату,

— Вы... спускайтесь пока. Я догоню.

Уже в машине мать немного успокоилась.

— Мы куда сейчас поедим? — Спросила.

— Домой.

— А где я живу?

— Так там же где и раньше: в доме своём.

- А его не снесли ещё?
- Мам, ты чё как маленькая, чего напридумала себе, кто его снесёт? — Успокой её Иван.
- Дак, слышала я...
- От кого? Где? Во сне?
- Не знаю... Слышала...
- Успокойся, на месте твой дом стоит, никто его не трогал. И кот там тебя ждёт...
- Кот?..
- Ну да, Кузька твой.
- Ку-узька. — Протянула удовлетворённо, точно вспомнила что-то, глаза прояснились, но тут же испугано спохватилась. — Он же поди голодный...
- Конечнo, мы его две недели голодом специально морили... — Но, увидев в глазах матери искренний испуг, поспешил её успокоить. — Не волнуйся, уплетает твой Кузя за обе щёки, жрёт всё подряд! Ждёт — не дожждётся, сейчас вот встретит тебя.
- Так мы — домой?
- Домой.

После возвращения из больницы мать лежала на кровати, совсем не вставала. Такое впечатление у Ирки было, будто что-то перещёлкнуло у неё в голове.

— Мам, ты хоть приподнимайся, присядь на кровать. Надо двигаться... — Упрашивала её дочь как маленькую.

— Не хочу. Голова кружиться...

При этом, правда, постоянно вертелась, жаловалась, что всё ей мешает, то кофта не та, то одеяло тяжёлое... то убери, то укрой... Постоянно приходилось поправлять у неё постельное бельё, подушки. А она всё жаловалась и жаловалась на слабость, на головокружение. От еды чаще отказывалась, а если и удавалось скормить ей несколько ложек куриного бульона или каши, выплёвывала, недовольно говорила Ирке,

— Тф-фу, чего ты мне даёшь-то? Гадость какая-то!

Часто просила пить, а поскольку держать кружку в руке сил у неё не было, поили её Ирка и Иван с ложечки, по глотку вливая воду в рот.

— Мам, ну ты хоть поешь чего-нибудь. — Вздыхала дочь.

— Не хочу.

— Надо!

— Не хочу ничего.

— Ты что так вот и собираешься лежать? Чтобы встать на ноги, надо же кушать... Так у тебя и пролежни скоро пойдут...

— Не хочу.

Ирине пришлось взять на работе несколько недель без содержания, потом ещё... Благо начальство пока входит в её положение и идёт навстречу.

Ещё до больницы мать неоднократно спрашивала Ирину,

— А пенсия у меня какая?

— Тысяч сорок. — Отвечала дочь.

— А я думала тридцать...

— Так прибавляют, мама. Ты про пенсию лучше у Ваньки узнай, он на твою карточку деньги в банкомате получает...

— На карточку... А-а... Хорошо, удобно.

До какого-то времени мать сама ходила в отделение Сбербанка, получала пенсию там. Но в последнее время частенько случалась, снимет, куда-нибудь засунет деньги и забудет. Потом плачет, жалуется дочери,

— Не помню, то ли снимала я пенсию, то ли нет... Может сама куда засунула... а может и в банке обманули?..

Раза три после того, как деньги «терялись» в очередной раз, они с братом перерывали в доме все шкафы. В итоге, как правило, материна заначка где-нибудь да находилась. Единственное, что затрудняло поиски, пенсию в сбербанке ей обычно выдавали крупными купюрами, а мать, не понятно из каких соображений, клала их в самые разные места: вложит в какую-нибудь тряпочку или полотенце, на первый взгляд сроду не подумаешь, что там несколько бумажек пятидесятых лежит.

В последний раз уж Ванька сам с ней в банк поехал. Кассирша ему подсказала,

— Вы бы маме карточку пластиковую оформили да через банкомат получали. А то она получит деньги, забудет, на следующий день опять к нам приходит...

На том они и порешили: оформили пластиковую карточку. Иван получал её пенсию, оплачивал за неё всю коммуналку, продукты покупал — привозил, а остаток — ещё и свои с Иркиными — выдавал ей частями каждую неделю, чтобы крупные суммы разом не «терялись».

Вроде бы всё решилось, но иногда всё же мать порывалась сходить в банк получить пенсию. Ирине приходилось в очередной раз терпеливо объяснять ей,

— Мам, Ванька пенсию получит. Коммуналку оплатит, продукты привезёт, тебе на карманные расходы выдаст, на неделю...

— Правда?.. Получит... Хорошо... Удобно... А ты ведь тоже на пенсии?.. — Спрашивала Ирку.

— Ну да, на пенсии. Но пока работаю.

— Чё ж работаешь-то, если на пенсии?

— На мою пенсию, мам, не проживёшь...

— А сколько у тебя пенсия?

— Двенадцать.

— Мало...

— Мало. Если бы не работала, пятнадцать бы со всеми прибавками получала...

— Так чего ж работаешь?

— А жить-то как на пятнадцать?

— Да-а, жить...

— А на работе-то тебе сколько платят?

— Да столько же, сколько у тебя пенсия... Выучилась вот на инженера...

— А-а... — Отвечала мать и, помолчав, заходила на второй круг. — Поди хватит уж работать-то...

Разговоры эти Ирку поначалу сильно бесили, и она старалась избегать их, либо переключала внимание матери на другую тему. Потом уже нашла более спокойный хитрый выход из этой ситуации — делала вид, что ей что-то очень нужно: позвонить, погладить бельё, снять пенку с кипящего бульона...

— Потом, мам, потом. — Срочно обрывала она разговор.

После больницы мать про пенсию как-то перестала спрашивать. А вот Ирка часто задумывалась, если матери лучше не станет, если не поднимется сейчас, что ей, Ирке, тогда делать? Одну её не оставишь — факт. На работе вроде пока терпят — дают без содержания, но ведь бесконечно же тоже всё это будет продолжаться. Ей — как быть? Оформить пенсию и жить на эти пятнадцать — сегодня! — грустно как-то... да и не реально.

Попробовать сиделку найти? Пыталась по телефону. Там называли такие цены, что придётся отдавать практически всю свою инженерскую зарплату... Конечно же, что-то надо решать. Только вот что?

Весь день Ирина проводила с матерью в её доме, а вечером после работы приезжал Иван и сменял сестру.

— Ну вот, — усмехалась Ирина. — Пост сдал, пост принял. Будем с тобой, Ванька, осваивать новую профессию сиделок... Точнее, я сиделки, а ты — сидельца.

— Не шути... — Хмурился брат. — Какой-токой сиделец, ни разу не собираюсь. Скорее — медбрат!

— Ну-ну, я-то думала ты просто брат, а ты ещё и мед... или мёд? Теперь если что, так и буду тебя навеличивать.

Шутки-шутками, но уход за больной матерью требовал от них значительных затрат нервной энергии, тем более что вела мать себя всё чаще крайне неадекватно. Временами по-прежнему что-то бормотала про дом, который хотят снести, то ни с того ни с сего спрашивала у дочери,

— А у нас кто умер?

— Да многие уже умерли, мам... — Начинала перечислять Ирка. — Бабушка с дедушкой — это твои мама с папой, мой папа, муж вот мой...

Ирка невольно вспоминала мужа — Игоря. Вредный стаж отработал на «оборонке», на пенсию вышел. Два года не прожил... Вот она — «вредность»!..

— А у меня сколько детей-то?

— Так, двое, мам: я да Иван...

— Двое... — Повторяла за ней мать, словно пыталась запомнить.

— Двое, двое...

— А у тебя?

— Один. И то не здесь, в другом городе нынче живёт...

— В другом городе?..

— Не помнишь, что ли Антона? Институт он окончил в Барнауле, и там, после окончания остался работать на заводе...

— На заводе? Не помню...

Ирке приходилось делать над собой очередное огромное усилие, чтобы объяснить матери одно и тоже по несколько раз, впрочем, мать всё сказанное тут же

успешно забывала и снова начинала расспрашивать дочь, точно по какому-то замкнутому кругу ходила,

— А кто у нас умер-то?..

Странное дело, Ирка заметила, всё, что сейчас вокруг происходит, мать будто не запоминает совсем. Как говорится, в одно ухо влетело, во второе вылетело. Зато всё, что давно было, вспоминала она всё до мельчайших подробностей.

— А деда Фёдора помнишь? — Ни с того ни с сего вдруг спрашивала она Ирку.

— Чего ж не помнить, конечно, помню. — Кивала дочь.

— А ложечка у него была такая серебряная, маленькая? С листиками... Матери он ещё с войны её привозил, из Германии...

— Была где-то. Тебе-то зачем?

Честно говоря, Ирка смутно помнила эту ложку, про которую говорила мать: да с войны... да вроде серебряная... маленькая вроде, изящная, а вот форму, какие завитки на ней были — убей теперь не вспомнит.

— Тебе ложку чайную что ли надо? Давай дам какую-нибудь.

— Да нет, не нужно мне какую-нибудь, ту бы... Просто отца вспомнить...

— Где ж найдёшь-то её теперь... Серебряную... — Ирка развела руками и, невольно попутно обратила внимание на беспорядок в доме.

Мать последнее время перед больницей дом сильно запустила, не убиралась вовсе, да и то сказать, тяжело ей было.

«Прибраться бы, — подумала Ирка. — Завтра займусь, если Ванька пораньше с работы подъедет».

— Да, теперь уж и не найдёшь... — Вздохнула мать, помолчав спросила. — А что, война-то идёт нынче?

С чего вдруг? То ли телевизора насмотрелась? Ирке трудно было сориентироваться сразу. Но немного сообразив, ответила, как смогла,

— Не война — СВО.

— СВО... Как это?..

— Ну... специальная военная операция.

— Специальная?... Так воюют же?

— Воюют.

— Значит война. А кто с кем?

— Наши... — Ирка хотела сказать с украинцами, но задумалась и сказала совсем другое. — С фашистами...

— Надо же, с фашистами... — Мать замолчала, видимо пытаясь что-то осмыслить, из сказанного дочерью. — Опять с фашистами. Чего людям мирно не живётся?..

— Не живётся. — Согласилась Ирка.

— Чё им надо?

— Не знаю.

— Так поди и Ваню нашего забрать на войну могут?

— Не волнуйся, никто твоего Ваню на шестом десятке никуда не заберёт!.. — Действительно, Ирка вспомнила, что брату скоро пятьдесят пять стукнет.

- Ну да, ну да... — Закивала мать. — А ему-то сколько уж стукнуло?
 — Так пятьдесят пять скоро.
 — Надо же... Уже пятьдесят пять...

У Ирки никак не укладывалось в голове, что мать не помнит ничего о них — своих детях.

«Не дай Бог, дожить... — опять подумала она. — Лучше уж уйти как бабушка Настя...»

Вспомнила, как в детстве однажды её разбудил испуганный брат — ей двенадцать тогда было, Ваньке пять: «Ирка, вставай! Вставай! — тормозил её Ванька. — Там бабушка на веранде у стенки села зачем-то и сидит!»

Видимо, баба Настя на веранду пошла, наверное, плохо ей стало, она присела и успокоилась с миром.

Ирка точно помнит, до этого она никогда не слышала от бабушки ни одной жалобы на здоровье. Казалось ей тогда, что бабушка вечна. Ведь и войну она пережила, и за дедом-инвалидом сколько лет ходила, и по дому, и на огороде... — везде всё сама успевала.

Глядя на материны мучения, Ирка ещё раз подумала: «Нет, не дай-то Бог... За что ей?..»

Сегодня мать вела себя как-то особенно странно. Сначала ни с того, ни с сего разоткровенничалась с ней, скорее всего, не понимая, что доставляет дочери боль:

- Я ж не тебя, мальчика хотела, а вона ты уродилась. Это всё он, отец, девчонку хотел... Ну на хрена?.. А мне-то сына нужно было...
 — Как Ванька? — «На автомате» переспросила Ирка.
 — Как Ванька. — Согласилась мать. — Иван, он у нас молодец.
 — А я, стало быть, дура?
 — Дура, с дыркой... — Опять согласилась мать.
 — Ну-ну...

С братом у Ирки были вполне нормальные отношения. Ну, да — в детстве ссорились, а сейчас всё «тип-топ», как молодёжь говорит. Поэтому она никогда не понимала, почему мать брата любит больше, чем её? Вот и ответ пришёл...

Даже сейчас, Ванька, был любимым сыном, а она и теперь — нелюбимая дочь, хотя и старается, ухаживает за матерью...

Почему так?

Брат, действительно, был у матери любимчиком, и особенно в детстве нередко пользовался этим, то игрушку купи, то мороженное хочу... А Ирка была любимчиком отца. Правда отец умер рано — рак горла. Вот и осталась Ирка без отцовской защиты. С другой стороны, курил отец много — вот и рак... А Ирку любил, её и первую за руль посадил — не Ивана. Батя шофёром был, а для него за руль — святое! Да и то сказать, Ваньке тогда ещё года три было, куда ему за руль-то?..

И из отцовского ружья Ирка первой стрелять научилась — не то, что малой! — года на два пораньше брата.

Несмотря ни на что, брата она любила, хоть и ревновала к матери. Но куда денешься, отец-то умер...

Вот и сейчас мать спрашивает уже в сотый раз, будто издевается,

— Доченька, а ты чего хромаешь-то?

— Упала я, мама. — В сотый раз объясняет Ирка. — Ногу подвернула. Скользко сейчас.

— А-а... Ну да, ну да, скользко. — Соглашалась мать. — Ты бы мне попить водички дала.

— Сейчас дам, мам.

— А вот ещё бы огурчика мне свеженького...

— Нет, мам, здесь у нас огурчиков. Сейчас Ваньке позвоню, с работы поедет пусть в магазине зайдёт купит...

— Ва-ане... — Разочаровано протянула мать. — А так хо-очется... Огу-урчика.

— Мам, ну, где я сейчас тебе возьму огурчика, мне же от тебя никак не отойти...

— Никак... — Соглашалась мать.

Немного полежав молча, будто обиделась, как всегда — на Ирку. Чего обижаться, её действительно ни на секунду не оставишь.

Потом спросила дочь,

— А ты чего хромаешь-то?

— М-м-ма-ма! — Ирка чувствовала, что ещё немного и она сорвётся.

— Ма-ма, ма-ма, ма-ма... — Вдруг отрешённо залепетала мать.

— Чт-то, чт-то... — Ирка даже не поняла, то ли мать к ней обращается, то ли ещё к кому, в комнате никого больше не было.

Почему она мамой её — дочь называет? Глянула на мать и испугалась: у той глаза закатились вверх, словно из орбит повылазили, безумные какие-то, страшные.

«Неужели — всё?» — подумала. Потрогала мать за голову,

— Мама! Мама...

— А!.. Что?.. — Та, словно очнулась от этого её прикосновения. — Попить! Воды!

Ирка поднесла кружку к губам, споила матери несколько глотков. Постепенно у той лицо приобрело более-менее нормальный вид, в глазах появились признаки сознания.

А Ирка явственно почувствовала, что её всё сильнее подтряхивает изнутри, она готова была разреваться от пережитого за эти несколько мгновений.

Как ни в чём не бывало мать легла и вроде бы даже спокойно по-детски задремала.

«Лучше выйти на веранду перекурить», — подумала Ирка.

С крыши капало, капли сползали по большой мартовской сосульке, свисающей с карниза, однако сама сосулька от этого нисколько не таяла и не становилась меньше.

«Ничего, скоро начнётся, — попыталась убедить себя Ирка. — Пойдёт, потечёт, растает...»

Она увидела соседа, Генку. Того самого, которого про себя окрестила заводчиком. Он подошёл, поздоровался. Ирка вспомнила, что хотела спросить,

— Ген, чего они так воют-то у тебя? Волки твои...

— Хаски. — Ответил Геннадий спокойно.

— Ну хаски — и хаски, гавкали бы, как все!
 — Не могут. Не умеют.
 — Вот я и говорю — волки!
 — Нет. Собаки. Северная порода. Там, на севере — холодно. Лаять нельзя, про-
 студятся. Потому-то и воют. При вое меньше усилий тратится, и пасть не пропу-
 скает в организм студёные потоки воздуха...
 — Ну, блин, как профессор излагаешь. Одно слово — заводчик!..
 — А то!.. Бизнес у меня такой.
 — Бизнес? И что, доходный?
 — Знаешь сколько сейчас породистая хаски с документами стоит!?
 — И знать не хочу..
 Генка помолчал, впрочем, не обиделся. Спросил вежливо,
 — Мама-то как?
 — Лежит. Не встаёт.
 — Понятно. А ей бы вставать сейчас ой как нужно, как-то убедить надо... У
 меня вот один друг..
 — Ладно, Ген, пойду я. — Ирка затушила сигарету, открыла дверь.
 — Передай маме — пусть выздоравливает.
 — Спасибо. Скажу.

Вернувшись в дом, Ирка зачем-то рассказала матери о случившемся на кры-
 лечке: про Генку, и про то, как дверь открылась, как закрылась. Мать, беззвучно
 пошамкала ртом, будто паузу какую выдерживала, потом произнесла вразяжку,
 но чётко:

— Наверное... смерть ушла.

Ирка от неожиданности как-то очень быстро машинально согласилась с ма-
 терью:

— Наверное...

— Телек включи. — Попросила мать.

Так же на автомате Ирка включила телевизор. Взглянула на мать, та достаточ-
 но уверенно сидела на кровати, впервые за столько-то дней.

По телевизору начиналась какая-то глупая новостная передача. Говорили о
 том, что в Японии старые люди часто специально совершают какие-либо незна-
 чительные проступки, чтобы попасть в тюрьму. При этом мотивации пожилых
 японцев звучали так: «А кому мы здесь нужны... Детям?.. В тюрьме, хоть кормят
 по расписанию. И памперсы каждый день меняют...»

«Всякую дрянь показывают, и без того хреново, нет чтоб позитив какой-ни-
 будь!.. — Ирка ещё раз глянула на мать. — Ну вот, — подумала. — Вроде сидит, уже
 более-менее бодро. Сама. Может, и встанет скоро...»

Однако здесь же следом мелькнула нехорошая мысль: «А что, если нет?» Ирка
 испуганно отмахнулась от неё, как от навязчивой мухи, и поскорее поспешила
 похоронить где-нибудь поглубже в самых дальних подвалах памяти...



Владимир ДОБРОТВОРСКИЙ,
 с. Большая Талда, Кузбасс

Владимир Владимирович Добротворский. По профессии
 учитель. Член Союза Кузбасских писателей. Его произведения
 вошли в Антологию Кузбасских писателей «Мы из Кузбасса...»,
 в антологию поэзии «Литературные объединения Кузбасса».
 Автор трех сборников стихотворений: «Чувства вслух», «Светка
 про Сережку», «Чувства вслух-2». Часто публикуется в район-
 ных поэтических сборниках, в районной газете «Сельская новь».
 Его стихотворения вошли в Антологию поэзии «Литературные
 объединения Кузбасса» 2023 г. Победитель многих литератур-
 ных фестивалей и конкурсов.

Информация и произведения есть на сайте «Литератур-
 ная карта Прокопьевской земли» https://litkartapmr.ru/?page_id=149 и на сайте «Литературная карта Кузбасса» <https://litmap.kemrsl.ru/person/293/>

ТАЛЬНИКАМИ ЗАРОСШАЯ РЕЧКА

Если спросят: — Родился ты где?
 Из какого ты племени будешь?
 Я отвечу: — Родился в Талде,
 Здесь я вырос, живу, и жить буду.
 Пусть историки спорят о том,
 Триста ей уже стукнуло или
 Сто пятьдесят, но ведь дело не в том.
 Важно — деды здесь корни пустили.
 Да и нам как без этих берёз?
 Без Крестов, Елбака, Заколюки,
 Пусть знакомо всё это до слёз,
 Но как рвёмся домой при разлуке.
 В переводе на русский Талда —
 «Тальниками заросшая речка».
 Так и есть. Лишь кольнёт иногда —
 Тут теперь «Всекузбасская печка».
 В бой за уголь, метан и металл
 Уж пошли рудники и разрезы.
 Так прекрасны, родные места,
 Вот бы их по живому не резать.
 Чтоб и уголь — и пение птиц.
 Чтоб и газ — и цветы на поляне.
 Чтоб потом не пришлось падать ниц
 И к Христу не ползти с покаяньем.

НАКАНУНЕ

Теплое-теплое солнце уходит за август.
 Длинные-длинные дни уже где-то не тут.
 Осень готова начать череду своих празднеств.
 Пчелы торопятся — травы почти не цветут.
 Мелких барашков не видно — сравнялись с отцами.
 Рыба жирует, прохлады почувствовав вкус.
 В просеках тесно — шумят карапуз-деревцами.
 Звезды все ярче. Больней комариный укус.
 Две-три недели и — все. И с последней зарницей
 Листья, нестройной толпой, полетав, опадут.
 И, осторожно, как кто-то Христа в плащаницу,
 Землю в свою пелену покрывал завернут..
 ...Что это? Это — конец? Или чье-то начало?
 Кто даст ответ на такой вот несложный вопрос?
 Музыка смерти иль жизни сейчас зазвучала
 В шелесте веток стыдливо поникших берез?..

МАМЕ

Я как сирий убогий на паперти:
 Всё прошу, умоляю, стучусь:
 Помогите сложить стих о матери
 Из сыновних мятущихся чувств!
 Про любовь и про годы военные
 Написалось немало стихов
 Ниспошли, боже, мне вдохновения
 Срифмовать маме несколько слов
 Чтобы стиль - не парадно-затасканный.
 Чтобы слог - не казенно-пустой,
 Чтоб, как мамою в детстве обласканный.
 Смог наполнить его добротой.
 И теплом, и любовью, и ласкаю
 (Этих чувств экономить б не стал).
 Столько лет под никчемною маскою
 Я носил их, да, видно, устал.
 Или совесть рукой запоздалою
 Все к надгробию мамы манит:
 Хоть стихом своим, толикой малою,
 Успокой молчаливый гранит.
 И ищу, и страдаю, и мучаюсь.
 Строчек искренних жажду до слез
 От души написать, не по случаю.
 Но, наверно, еще не дорос.

ТОЛЯ

Посвящается матерям и жена горняков

Прошло всего лишь только сорок дней,
 Когда шумело от гостей застолье.
 Соседка плакала. От радости. Ведь к ней
 Домой (живой) с войны вернулся Толя.
 Сын повзрослел — уже двадцать один!
 С Чечни привычка — стал немногословным,
 А возмужал — отец один в один,
 В «ПВ» погонах вдруг воскресший словно.
 Когда же затемно все гости разошлись,
 Мать начала:
 — Как дальше мыслишь, Толя?
 Я думаю, ты в институт иди, учись,
 Друзья все там, а ты что — хуже, что ли?!
 — Нет, мама. Вот недельку отосплюсь,
 И на работу. В шахту. Как отец я.
 А институт... Вот денег подкоплю,
 И в институт. Как все. Куда ж мне деться!
 — Сынок, не надо.
 — Мама, не проси.
 С тех пор, как бату в шахте завалило,
 На трех работах из последних сил
 Ты десять лет одна меня растила.
 Неделя отдыха. Неделя — на врачей.
 Полмесяца, чтоб КРО пройти успешно.
 И Анатолий гордо (сын-то чей!)
 С друзьями бати шел в забой неспешно.
 Но, видно, так начертано судьбой,
 На его третьей иль четвертой смене
 Метан рванул. Стал мужикам забой
 Могилой. И ничего тут не изменишь.
 Рыдает мать:
 — Сыночек мой родной!
 Ведь я ж просила. Я ж тебя просила!
 Куда теперь мне? Как мне быть одной?!
 Что делать дальше? Жить нет больше силы..

* * *

И вновь застолье. И угрюмый шепот.
 И встал Сергеич, (что напротив жил).
 — Помянем! —
 Смолк, еще пытаюсь что-то
 Сказать. Махнул. И кружку осушил.

МИНУТКУ ТИШИНЫ!

В сутолоке тостов и оваций
Я скажу:
- Минутку тишины!
Хоть и праздник, но —
помянем, братцы,
Тех,
кто начинал Кузбасс с войны,
Кто разруху,
не жалея силы,
Помогал стране одолевать,
Кто Кузбасс
Жемчужиной Сибири
Нам позволил гордо называть!
Но — года...
И нет уж многих с нами.
А ведь это общий юбилей:
Наш-
сейчас несущих жизни знамя,
Их —
ушедших раньше этих дней.
Им не надо
ни наград, ни премий.
Им
(и что ещё важнее —
нам!)

Как поклон от новых поколений
Память незатёртая
нужна...
Встаньте!
Хоть несоразмерна плата,
Хоть молчаньем будет лишь она,
Пусть
минуту
скорбною сонатой
Прозвучит
ушедшим
тишина!

* * *

Сколько в мире профессий, ответьте?
Верно, тысяч примерно полста.
Но профессия есть на планете,
Что гордятся такой неспроста.

Тяжела - тяжелее не сыщешь.
И опасна - рискованней нет.
- Кто ты? - спросишь.
И вряд ли услышишь
На вопрос многословный ответ.

Да горняк я, - сказал, как отрезал.
Может, правда, добавит ещё
Шахты номер, название разреза.
Но, поверь, этим сказано всё.

Что мужицкая эта работа,
Что важнее профессии нет,
Что он сам, а не где-то и кто-то,
Дарит людям тепло и свет...

СЫНОВЬЯМ

Опять полыхает война над страной,
Опять похоронки приходят.
Я чувствую, чувствую взмокшей спиной,
Что сын не вернулся из боя.
Но выживет, выйдет живым из огня!
Не может не выйти, я знаю!
И вскоре сумею его я обнять...
Вернитесь, сыны! — Заклинаю!
Вот так получается, что уж не мы
Кавказ возвращаем России.
Пропили, «прожрали» величье страны,
Надеясь на чудо — Мессию.
Сидели, как крысы, по норам своим.
И серостью стали безликой.
Сейчас на детей мы надеемся. Им
Отчизну вновь делать великой.
Раскаянье все же приходит в умы.
А с ним и желанье прощенья.
Простите отцов. Нас простите, сыны...
Каким будет ваше решение?

ПРОСТИТЕ!

Отцам

Нас не было тогда. А вот отцам,
Геройским нашим сельским мудрецам,
В далёком мае пьяным от Победы,
Им грезилося: ушли из жизни беды.
Работай только. Счастье впереди.
Ведь мирное над всеми солнце светит.
Что толку свои раны беречь?
Сынки растут уже. Их бодрый лепет —
Вот главное. А сами — сами что?
Все вынесем, преграды одолеем,
Построим, перетерпим, все сумеем,
Лишь не было войны бы ни за что.
Вы думали вот так. И даже если
Свой День Победы не в почетном кресле
Вдруг выпало встречать — что из того?!
Ведь общий праздник. Тут винить кого?
А годы шли. И старость, к сожаленью,
Неумолимо приближалась к вам.
Но не она — казенность поздравлений
В вас вызывала боль, обиду, срам.
...Пробегали в круговороте лет
Мы Праздника Великого величье...
Приходит Май. И нам держать ответ
Пред памятью отцов. И — строго лично!

* * *

Я хотел, вновь хотел бы побыть с тобой.
И позвать, вновь по жизни позвать с собой.
Чтоб идти, чтобы снова идти вдвоем.
И найти, снова счастье найти свое.

Ведь который, который, без счета, день
Я хожу как больной, как чумной, как тень.
Я готов по камням, по стеклу ползти,
Чтоб сказать, прокричать, простонать:- Прости!

Не гони. Дай, пожалуйста, шанс. Позволь
Растопить причиненную мною боль.
Разреши. Я на все, я на все готов.
Чтоб вернуть, чтобы нашу вернуть любовь...

ВСТАНЬТЕ, ОТЦЫ И ДЕДЫ!

Встаньте, отцы и деды!
 Я обращаюсь к вам.
 Праздник большой Победы
 Снова приходит к нам.
 Встаньте! Праздник не в радость,
 Если вас с нами нет:
 Это же вами ковалась
 Поступь стальных побед...
 Помните, в страшном первом
 Выстояли тогда.
 И доказали делом:
 Можно давить врага.
 В трудно неимоверно
 Сорок втором году
 Насмерть стояли с верой,
 Что не пройти врагу.
 Дальше — год сорок третий,
 Год переломных битв.
 Стало людям планеты
 Ясно, что Гитлер побит.
 В следующий, кровавый,
 Освобождения год
 Многих бойцов теряя,
 Армия шла вперед.
 И, наконец, последний,
 Сорок счастливый год.
 Счастье! Триумф! Победа!
 Выстоял наш народ!
 Встаньте, отцы и деды!
 Хватит лежать в полях!
 Дата Великой Победы
 Снова у всех на устах.
 Встаньте, пусть с вами рядом
 Празднует вся страна.
 Ведь, как и в сорок пятом,
 Счастьем душа полна.
 Нет тем годам забвенья
 В злой ли, счастливый час.
 Встаньте! Хоть на мгновенье!
 Видите?! Помнят вас!

СОРОК ТРЕТИЙ, ПОДНЕПРОВЬЕ

(рассказ отца)

- Сын! Я выпью за здоровье
 Тех, кто выжить смог тогда.
 ...В сорок третьем, в Поднепровье,
 Выгрызали сёла кровью.
 Что нам раны - ерунда.
 Санитар повязку сладит,
 А боец: - Ползи отсель!
 Трехлинеечку погладит,
 Вновь приклад к плечу приладит,
 Глаз прищурит - вижу цель!
 Третья, пятая атаки?
 Между ними - артналет...
 Вновь скрежещут «тигров» траки,
 Снова фрицы жаждут драки!
 Ничего их не берет!..
 Но, отбились. Передышка?
 Нет. Вновь авианалет.
 Перекура вновь не вышло.
 Что за дьявол?! В бога дышло!
 С неба вой ревущий прет!
 Как стоглавая борзая,
 Взявши зайца в оборот,
 Воздух свистом разрезая,
 Страхом в душу заползая,
 Смерть летит, оскалив рот!
 Кто помог фашистским гадам?
 Что за новый арсенал?!
 Был в боях под Сталинградом
 («За отвагу» есть награда),
 Но такого знать не знал!
 Мы лежим. А жить охота...
 Но стихать стал страшный бес...
 Присмотревшись, первый кто-то
 Закричал: - Живем, пехота!
 Бочки сыпались с небес!
 Оказалось - немцы взяли
 И устроили сюрприз:
 Бочки просто расстреляли,
 Самолетами подняли
 И пустили с неба вниз.
 Выбрали фашисты верно
 Способ нервы потрепать:
 Шум стоял неимоверный!
 Где-то суток семь, наверно,
 Не могли спокойно спать!

«ЧЕМ МОГЛИ, ТЕМ ПОМОГЛИ»

(рассказ отца)

В сорок третьем так случилось,
 Что отправлен был в санбат.
 Много нас туда набилось -
 Наступление всё длилось,
 Раненых немало, брат!
 Кто, как я осколком в ногу.
 Кто лежит совсем без ног.
 Тем, кто ранен был немного,
 Через пару дней - в дорогу:
 Гнать фашистов дальше мог!
 Гады- фрицы огрызались,
 Днепр пытаюсь сохранить
 (Вот уже где оказались!)
 И поэтому старались
 Дух солдатский наш сломить.
 В ноябре в палатке стужа.
 Санитар стал печь топить.
 Вдруг фашист летит. И - ужас:
 Обнаружил и «утюжить» -
 Медсанбат наш стал бомбить!
 Вскоре в бой вступили «Яки».
 Задымилась вышина.
 И не выдержали драки -
 Умотали те вояки.
 Наступила тишина.
 Нет. Не то. Не так, ребята.
 Нечисть бед наворотил;
 Где-то стоны, кровь и маты,
 А у нас лежат солдаты,
 Шевельнуться нету сил.

Страх сковал. О мать, святая!
 Прямо в палатке, у печи,
 Смертью близкою сверкая,
 Постепенно затихая,
 Бомба из земли торчит!
 Сколько жить осталось, братцы?!
 Миг? Секунду? Всё! Конеч!
 Здесь нам выпало остаться.
 А домашним - не дожидаться.
 Мать, прости! Прости, отец!
 Но... минута. Стало ясно:
 Эта «штука» не рванёт.
 Господи, как жизнь прекрасна!
 Попрощались с ней напрасно!
 Что же с бомбой? Кто поймёт?
 Нас всех срочно на носилки.
 А сапёры тот фугас
 Осторожно вскрыли пилкой...
 А внутри одни опилки!
 Вот что выручило нас!
 А на фантике бумажном:
 «Чем могли, тем помогли».
 Кто-то там, у них, отважно
 Так вредил зарядам вражьи.
 Нам, тем самым, жизнь спасли!

НУ, ЧТО Ж...

Ну, что ж... И к нам с тобой пришла
весна.

И ложь, и клевета ушли куда-то.
И твои ласковые, тёплые уста
Я трогаю губами виновато.

За прошлое, что было без тебя,
За эту зиму, что с тобою не был...
И вот сейчас, ругая сам себя,
Боюсь, что ты из были сгинешь в небыль.

Не уходи, пожалуйста, прошу!
Ты видишь, как молю я это взглядом.
Не уходи, любимая, твержу!
Останься навсегда со мною рядом.

НА ДВА ГОЛОСА

В мартовскую талую погоду
Вихрем вторгся стылый снегопад.
...Так и жизнь приносит нам невзгоды
Нарушая слаженный уклад.

Ведь, казалось: и скворцы пропели.
И зимы сгорели чучела.
...Вроде, всё шло так, как мы хотели:
В ритме буден спорились дела.

Но зима вернулась, и снегами
Побелила все и вся вокруг.
...Горе леденящими шагами
В нашу дверь приковыляло вдруг.

А в костре весны не гаснет хворост —
Скоро вновь свое возьмёт она.
...Отстрадаем. Наревёмся в голос.
Отгустим. И - отживём сполна!

ВЕСЕННЕЕ

Закуролесило весною:
То солнце, то мороз, то дождь.
Безумство, на пари со мною,
Скажи, идёшь иль не идёшь?
Ну, по рукам: Кто выше прыгнет?
Кто громче свистнет, спляшет кто?
Ночной и зимней холодрыге
Кричу в упор: вали? А то...
А то я сам, утра не ждавши,
Шально, что солнце, засвечу.
И, жар души дотла отдавши.
Вокруг всю землю освещу?

* * *

Ушёл последний ветеран.
От возраста, от старых ран.
Теперь за память горьких лет
Нам выпало держать ответ.
Да, нам, кто не был на войне,
Но слышал, видел тех солдат,
Кто с ними вместе по весне
Ходил на митинг и парад.
Кто знал про страшный Бухенвальд,
Про гордый город Сталинград.
Кому, по доброте, мог дать
Дед орденами поиграть.
И нам теперь держать ответ:
Забудут внуки или нет
Про ужасы на той войне,
Что пережить пришлось стране,
Как велика была нужда,
Как прадед воевал тогда...
Из внуков, знаю, будет толк -
Бессмертный не иссякнет полк!

ЖДУ

Если всё же не трудно, постучись и войди.
Зачерствевшее сердце заведи, разбуди.
Пусть как в годы молодые застучит вдруг оно,
Пусть увидит, узнает, что оно не одно!
Пусть почувствует рядом половинку свою...
Сможешь? Иль показалось, и не то я пою?
Напригрезилось, видно. Или понял не так.
Ведь в сердечных утехах я давно не «мастак».
Сам не в силах решиться, почему-то решил,
Что повеяло счастьем, что еще не дожил.
Шевельнулось ведь что-то в огрубевшей груди.
Если всё-таки сможешь - жду. Стучи. Заходи...

ГДЕ-ТО

Где-то
В ожиданье света
Ночь всплакнула, прослезив цветы.
Это
В предвкушение лета
Май рисует росные холсты.
А с рассветом
Заиграют цветом.
Заискрятся рощи, поймы и поля.
Разодета
В яркие браслеты
Из бусинок росных, оживёт земля.
И проснувшись, люди
Восхищаться будут
Этим переливом сочной чистоты.
Но они забудут
В лестном словоблудье,
Что творенье это майской темноты.
И, ранима
За несправедливость,
Что её не ценит человек, а спит.
Не болтливо
И почти незримо
Плачет ночь тоскливо от своих обид.
Где-то
В ожиданье света
Ночь всплакнула, прослезив цветы.
Это
В предвкушение лета
Май рисует росные холсты.



Леонид НЕТРЕБО,
г. Санкт-Петербург

Леонид Васильевич Нетребо. Член Союза писателей России. Публиковался в еженедельниках «Литературная газета», «Литературная Россия», в журналах «Сибирские огни» (Новосибирск), «Север» (Петрозаводск), «Крещатик» (Киев-Берлин) «Подъем» (Воронеж), «Уральская новь» (Челябинск), «Луч» (Ижевск), «Мир Севера» (Москва), «Ямальский меридиан» (Салехард), «Сибирские истоки» (Ноябрьск), «Дарьял» (Владикавказ), «Венский литератор» (Вена), «Tygiel Kultury» (Лодзь, Польша), «Зарубежные задворки» (Дюссельдорф), «Наша молодёжь» (Москва), «Традиции и Авангард» (Россия) и в других «бумажных» и сетевых журналах и альманахах. Автор нескольких книг прозы.

КАПЛЯ

— Ну, хорошо, если девочка — назовешь ты. Но сразу же совет — слушай: Клава... Кла-ви-ша... Ой! Стукнул... стукнула. — Капитолина прислушалась, удивленно, словно в первый раз, затем приняла оберегающую позу: поджала коленки и положила обе ладони на огромный круглый живот. — Ну?

Роман дурашливо закатил глаза, плаксиво выдохнул:

— Наконец-то, такое доверие!

— Ну же, Роман! Согласен? Клавиша? Да?

Роман вскочил с дивана, изобразил горячий шепот:

— Нет, так просто я не соглашусь!

Капитолина почти серьезно нахмурилась. Роман примирительно улыбнулся, предложил:

— Давай помечтаем дальше, — он показал рукой на пианино, — посмо-

три. Вон на ту клавишу... белую, у которой черная в левом надпиле.

— Ми?..

— Это я... И на черную, которая при ней.

— Ми-бемоль, ну?

— А это ты... Что между нами?

— Полутон. Роман, нельзя мне напругаться, прости, я быстро устаю...

— Ну, послушай, Капелька, — Роман заторопился, подошел к инструменту, стал попеременно нажимать две клавиши, — слышишь? «Ин-га!..», «Иннн-нга!..» А еще, знаешь, где эти звуки? — Он заметался по комнате, схватил гитару, отставил в сторону, подошел к окну, попытался быстро открыть створку.

— Роман, — слабо окликнула его Капитолина и протянула руку, чуть шевельнув повисшей кистью. — Роман,

сегодня доктор сказал, что у нас могут быть проблемы...

...Серые женщины с суровыми иконными лицами суежились вокруг холодной Капы, которая упрямо не хотела закрывать глаза, и шептали: «Душа... Души...» Под левой Капиной рукой лежал плотный сверток, похожий на кокон.

Роман не доверял этим женщинам, странно похожим на соседок и родственниц, которые сейчас, не спрашивая его, мужа, примеряли к груди Капы пластмассовый крестик. Он не любил их «единого» бога, изображенного на крестике, который обращается с душами, как со своими вещами: захотел — дал, захотел — забрал. Да что там, — он, Роман, давно уже просто не верил в этого, бабушкиного, из детства, бога.

Ведь они с Капитолиной были язычниками. Да, да, так и есть: они верили в солнце, ветер, звуки, цветы... Во все сразу и в каждое по отдельности. И третью их жизнь, Ингу, они, не спрашивая ни у кого свыше, — придумали. Из туманов, радуг и дождевых аккордов. Впрочем, нет, он не совсем прав: спрашивали — у туманов, дождевых аккордов...

Все туристы — язычники, улыбаясь, сказала Капитолина при первой встрече, поблескивая тяжелыми смоляными локонами и отражая желтый огонь в черных, чуть навязат, палестинских глазах. Уточнила доступно: «Природопоклонники...»

Они познакомились у привальных костров, в крымских горах. Роман был новичком в походах, Капитолина оказалась бывалым туристом. Там, от закатного пожара до рассветного тумана,

она обратила его в свою дикую, первозданную веру.

Утром, от десятка потухших костров, парой счастливых отшельников, они спустились в сонный Бахчисарай.

Фонтан оказался не пенистым фейерверком, а тусклым родничком, смиренным тяжелым камнем.

— Так и должно быть, — объясняла Капа Роману и себе, — ведь это Фонтан слез. Поэтому, смотри, капли тихо появляются сверху и медленно перетекают с уровня на уровень, струятся скорбным ручейком. — Она продолжала посвящать его в суть своей веры, одухотворяя предметы: — Смотри, здесь, где струйки прерываются, видно, из чего они состоят — из живых жемчужин, слез. Каждая капля — плачущая турецкая княжна. Смотри, бежит в слезах по замку, в серебристых воздушных шальварах, натывается на стены, выступы, колонны, падает на ступеньках, мечется в лабиринтах, всхлипывает!..

Все последующие дни их совместной жизни для Романа были умножением нежности, которая овладела им однажды, в первые часы знакомства, по отношению к Капе, Капельке и ко всему, что она, волшебница, язычница — в прекрасном, истинном понимании этого слова, — оживляла для него...

Точнее, она была языческой поклонницей и языческой богиней одновременно, потому что, поклоняясь — творила.

Она рассказала, что появилась в этой очередной, не единственной, жизни из утонувшего в горах и озерах детского приюта, родившись «в никогда», без имени, фамилии, будучи — как она была уверена — южной славянкой, израильянской, гречанкой, крымской татаркой... Раньше, слушая Капины рас-

сказы, Роман воспринимал историю ее происхождения как зыбкую сумму маленьких притчевых подробностей, многие из которых трудно было принять за реальность, настолько они повторяли соль мифов и легенд, книжную фантазию чьих-то снов, грез, миражей.

Позже, через несколько месяцев после свадьбы, готовый поверить в любое чудо, если только оно исходило от Капы, он уже задавался вопросом: может быть, Капитолина в этих причудливых биографических полусказках озвучивала тысячелетнюю память собственных генов и нейронов?..

Теперь он уверен: она пришла из всего... Из того, чему они оба поклонялись, что всегда окружало Романа и окружает сейчас, — и никуда никогда не исчезнет.

На третью ночь, небритым бессонным безумцем бродя среди бесцветных траурных соседей и родственников, он догадался вернуться в летнее, залитое свежим сиянием утро... Нет, там, конечно, не было Капы — он спокойно осознал: не могло быть, — но там должно было остаться то, что в череде прочей жизни ее окружало, на чем она задерживала свое чудотворное внимание, чему давала жизнь, и частью чего вследствие этого становилась.

Роман закрыл глаза и присел на корточках у стены.

...Он вошел в ханский замок.

...Он недолго ждал, притаившись за колонной. Княжна, журчаще причитая на непонятном языке, прижав маленькие смуглые ладошки к мокрому лицу, всхлипывая, простучала мимо серебряными каблучками, скрылась за поворотом замкового лабиринта...

Он впервые за трое суток устало зашептался. Открыв глаза, заметил на себе

осуждающие взгляды, прикрыл губы ладонью, борясь с предательской улыбкой. Да, формы, формы!.. нужно было соблюдать условности в мире форм. Нужно немного подождать, не проявлять радости, не торопиться. Непрошенные безликие гости скоро уйдут. Он только что понял, как и чем Капитолина вернется к нему, это главное, он подождет...

... Капитолина придет к нему из прошлого, в которое, оказывается, Роман может свободно возвращаться, из тех оживленных картин, куда, благодаря ее прижизненному волшебству, стал он вхож. Он вспомнит каждый день, от крымского закатного вечера до душной, глухой, опустошающей больничной ночи, проживет их заново, непременно находя там все счастливое, радостное, что не успел заметить в первой их с Капой жизни. А когда придет весна, Капитолина с Ингой, уже нынешние, будут окружать его ежеминутно и бесконечно, это самое важное, — они будут пробуждать его звенящим рассветом, смеяться полуденным солнцем, грустить вечерним туманом, шептать ночным тополем... Действительно, ведь это так просто: они были, значит, не могут исчезнуть бесследно.

Языческие боги ничего не делают зря, у них для всего есть полезное предназначенье...

Роман, господин своей жизни, отворачивался от бытия. Настоящее уходило — но: осознанно. Оно уже только иногда проявляло себя — назойливо-заботливыми родственниками с осуждающими глазами, испуганными жалующими соседями, трамвайной суетой, магазинными прилавками, немойтой

посудой... Но все это, постепенно, контролируемо, как ему казалось, уходило на более дальний, менее видимый и реже появляющийся план. Это было движение, значит, это была жизнь, но его, Романа, необходимая только ему, жизнь. Такая логика его успокаивала, наполняя смыслом его сознательный уход в себя — в Капитолину, в Ингу. В прекрасное прошлое и призрачное настоящее...

Правда, чем дальше, тем чаще к нему приходило... Нет, не сомнение, — его навещал, появляясь откуда-то сбоку, как будто плавным эхом от сумрачных стен... вопрос... Это был вопрос-тональность, иногда даже вопрос-настроение... — и только, потому, что Роман никогда не давал ему дорасти до глупого вопроса-слова, фальшивого вопроса-значения из более ранней жизни, к которой без тех, тогдашних, Капы и Инги уже не было никакого смысла обращаться.

Наконец, в самом начале одной из длинных, душных ночей, во влажном, вязком и плотном, как жирная гончарная глина, но черном, забытии вопрос — приснился. И он был словом.

...Роман испугался, подумав, что слово зазвучит или напишется, но оно, неумолимо приближаясь, против ожидания, оставалось невидимым и немым. Однако, будучи таковым, безболезненным, все же вошло в сознание Романа, и там проявило себя.

Он проснулся. Тревожный кусочек, маленький мускулистый хвостик, оторванный, но не желающий умирать, — от погибающей безобразной ящерицы настоящего колюче затрепыхался в изможденной скрипучей груди. Так-так-так!..

Роман сел на кровати, зашарил костистой рукой, мокрой, в крупную каплю, как от холодной росы, по тумбочке.

Так! Так. Так...

Совершенно ничего не случится, если, утоляя никотиновую жажду, он спокойно поразмышляет, подведет некоторые итоги, конечно.

...Что же получилось? Прошел остаток зимы, миновали весна, лето, наступила осень...

Нет, нет, все выходило так, как он и предполагал...

Но, надо признаться, общение с женой и дочкой через прошлое и через природу доставляло ему минутные радости, но не давало успокоения.

Конечно, к чему лукавить с самим собой, действительного покоя не было, вернее, его очень скоро не стало.

Да и дело не в покое...

Проходило время, а Они не становились ближе.

В картинах бывшего Капа рассыпалась в сюжетных деталях, в настоящем они с Ингой растворялись в волнах красок, запахов, звуков...

...Он, наконец, понял, что они уходят от него, уходит их суть, их природное предназначение... Но что наперекор этому может сейчас сотворить он, Роман, последний оплот Капы и Инги в земной жизни, он, который, так ничего и не смог для них — всех троих — сделать, но лишь сам, последний из них, — стал бесполезной формой, пустой тенью?..

Ну, а что если бы все было не так, если бы они не так быстро отходили от Романа или даже, благодаря его бесконечным усилиям, всегда, ежеминутно оставались с ним, стояли бы перед

ним живой картинкой, наделенной движением и звуком, — что тогда? Что бы изменилось — вокруг? В чем смысл призрачного движения, которое происходит внутри него, Романа — того, который неподвижен?..

... Где, в чем он допустил ошибку, отправляясь в гордое, отшельническое плавание, уверенно расправив свободный парус с надписью: «Капелька и Инга»? Почему языческие боги отвернулись от него? — Капа говорила, что они каждому дают свою роль... Да, она так и говорила, каждому — полезную роль, если не в настоящем, то в будущем, вечном. Стоп!..

Он подходил к пианино, брал аккорды, трогал гитарные струны...

В полночь пошел дождь. Он открыл окно, умылся холодными каплями. Рассмеялся.

Наконец-то он знает, что ему нужно делать. Если он стал бесполезным, ненужным Капе и Инге в этом «настоящем» мире и, тем более, — что, впрочем, совсем неважно, — самому этому миру, который, между тем, равнодушно и в то же время назойливо, жестоко окружал и никогда до конца не отпускал Романа от себя, то он должен идти к ним — к Капе с Ингой, он даже понял — как.

Он должен соединить радостное настоящее из окружающей природы — и светлое прошлое, наполненное Каплей и Ингой, сплести это в счастливый сверкающий сноп, вихрь, в первый и последний раз испытать блаженство языческого, шаманского транса, полного единения с абсолютной природой — и во всем этом восторженном, упоительном смерче услышать, увидеть ответ на вопрос о сегодняшнем предназначении Капельки, Инги, Романа.

И если языческие боги, идола, кумиры — кто-нибудь! — не дадут ответа на этот вопрос-отчаяние, Роман должен без колебаний войти в неподвластное времени — в вечность, стать, как и его любимые, — землей, светом, звуком...

Он вышел на мокрую плоскую крышу девятиэтажного дома. Дождь усиливался, ударили первые раскаты грома. Он подставил ночному дождю ладони, лицо, ловил ртом струи. Промок, засмеялся до счастливого плача, закричал, закружился радостно, разбрызгивая с тела и одежды дождевую воду. Подошел к бордюру, без страха посмотрел вниз. Нет, еще минуту. Теперь прошлое... Улыбаясь, вспомнил свадебное путешествие, которое он и Капа проделали с рюкзаками на плечах. Побережье горной Абхазии: ночное море, вечер на озере Рица, Новоафонская пещера... Прикрыл веки. И тогда —

...пейзажная, нездешняя, средиземноморская юдоль шуршащим, соленым шепотом изумрудных волн прохладно пригубила горячее ожидание, утолила безумное марево в утомленных, мокрых от дождя и слез глазах...

Среди синих, оранжевых, белых скал и гладкой воды зажила звенящая тишина-полутон, лунное эхо и зрение-суть.

Пересечения сверкающих, полированных каменных граней стали угловатым интегралом, тайным узором, языческим знаком, космическим символом, приращением мысли.

Все явилось душой, вечной, единой на бесконечное нечеловеческое пространство. Она отбирала от синтетической пыли и помещала в центр матового озера, электрического неба, туманного созвездия.

...Он вошел в низкую галерею из фиолетового льда, уходящую гулким лабиринтом, аэродинамическим туннелем в застывшую темноту. Был дух-красота, но не было тепла, не было запаха, не было слова. Прошу слова, сказал Роман, потерявший белковое тело, пластилиновым языком.

Взошла задумчивая температурная пауза, седой сталактит, оживленный озвученным бликом, иронично блеснул побежавшей слезой, и мысль-Капля, лишившись розовой талии, упала хрустальным шариком на зеркальный, подсвеченный невидимой рампой пол.

— Ин-ннннн!.. — малиново зазвенело после первого, высокого отскока, — нга! — нга! — га! — га-га-а-а...

Покатившись в рокотном гуле, Капля достигла края тоннеля и упала, отсчитав девять немых этажей, вниз, на мраморные тротуарные клавиши, отчетливо пробежала по ним, издавая звуки, — звуки медленно собирались в гармонические трезвучия, аккорды. «До-мажор», — заглядывая за бордюр и вслушиваясь, считывал Роман, — «ля-мажор... Мажор... мажор!» — нечеловеческое пространство развернуло свою нижнюю плоскость и понеслось навстречу Роману. — «Все?..» — успел подумать Роман, прежде чем почувствовал удар.

Его нашли мальчишки в солнечный полдень следующего дня едва живого, с разбитой головой, девятью этажами выше земли — на той же, парящей от теплого бетона, крыше...

Роман спустился с больничного крыльца, зажмурился от слепящего утреннего солнца, остановился, запро-

кинул голову и потянул в себя свежий, еще морозный, но уже весенний воздух. Поводил плечами, заново примеряя родную, неказенную одежду и сделал первый, сразу же уверенный шаг. Идти было недалеко. Скоро миновав два квартала, он вошел в старый интернатский парк и, не боясь испачкаться, сел на первую попавшуюся, заледенелую, уже местами мокрую, с прилипшими прошлогодними листьями скамейку возле качелей.

Через час, когда прозвенел звонок на обед, он встал, и быстро подошел к побежавшей было рыжей егозе, поймал ее за потертый рукав драповой униформы.

Летом, в частной мастерской, расположившейся в маленьком дворике кладбищенской часовни, он заказал надгробье с короткой надписью: «Капельке (Инге) от Романа и Клавиши». Огромный бородатый мастер, весь в каменной крошке, переспросил, разглядывая эскиз: в аккурат так — псевдоним в титуле, имя в скобках и так дальше в том же духе? без дат? Ни крестика, ни звездочки? Пожал плечами: нет-нет, ничего, как скажешь, командир, твои дела. Показывая, что не имеет больше вопросов, сложил бумагу вчетверо, сунул в нагрудный карман.

— Ну, а там кто у нас прячется, — спросил мастер, вставая, широко улыбаясь и заглядывая за спину серьезного клиента, — что за рыжик? Ух ты, огненная! А глаза-то, глаза — богиня! Где у меня здесь конфета была? — И полез в карман, привычно стряхивая с фартука мраморную пыль.



Лариса НЕВОДНИЧИК,
г. Белово, Кузбасс

Лариса Павловна Неводничик Белимова. В 2012 году организовала литературный клуб «Элегия». Участник литературного объединения «Северное сияние» Краснобродского округа. Руководитель литературного объединения «Соцветие» пос. Грамотейно. Член Союза Кузбасских и Российских писателей. Член Литературного Южно-Кузбасского Союза (ЛЮКС). На ее стихи написано более сотни песен.

Издано 14 сборников стихов и прозы. Публиковалась в альманахах «Территория любви», «Свет несказанный», «Души моей состояние», «Поэзия Несказанного слова», «На крыльях вдохновения», «Мы из Кузбасса» и других.

НОЧЬ «ЧЁРНАЯ КОШКА»

Я открою окно. Ночь, как чёрная кошка,
С любопытством заглянет на свет ночника
И неслышно войдёт. Ляжет мне на ладошку.
Намурлычет мотив, отогревшись слегка.

Ей бессонные ночи мои так понятны.
Маячком светят звёзды в уставшей ночи.
С кошкой мне у огня посидеть так приятно.
О своём сокровенном мы с ней помолчим.

На рассвете уйдёт, потянувшись безмолвно.
Ранний ветер разбудит уснувший мой сад
И наполнит мой дом безмятежно, невольно
Спелых яблок осенний ночной аромат.

ОСЕНЬ-НЕРЯХА

Обрывая последние листья,
Злится ветер, печаль не тая.
Стихла осенью песня девичья,
Приуныли родные края.

Осень, рыжая девка-неряха,
Вдруг расплачется серым дождём,
Словно лета ушедшего птаха,
Не желая проститься с теплом.

Полыхнут напоследок зарницы,
Упадёт за звездой звезда.
Разлетятся кричащие птицы,
Улетая в чужие края.

НА ПАМЯТЬ

Мне оставила осень на память
Гроздь ягод, калины букет,
Листьев клёна ажурное пламя,
Сентября запоздалый привет,

Заплетённые косы колосьев,
Связки ярких рябиновых бус,
Птиц взволнованных многоголосье,
Хризантемы оранжевый куст,

Бирюзовой водицы прохладу,
Терпкий запах бескрайних полей,
Сентябринки, для взгляда усладу,
Да зарницы дождливых ночей.

Робко сердце поёт серенаду
Для чудесной гламурной поры.
Принимаю сей дар, как награду,
И в осенние верю мечты.

СТИРАЛА ЖЕНЩИНА БЕЛЬЁ

Стирала женщина бельё,
И пахли простыни лавандой.
В саду за солнечной верандой
Верёвки были у неё.
Она тянулась к небесам,
Легко на цыпочки вставая,
И лучик солнечный, играя,
Скользил по рыжим волосам.

Сияли простыни из льна,
Как озеро в саду весеннем.
А женщина — журавль волнений,
Легко парила на волнах.
Весна, пришедшая с полей,
Как будто с женщиной играла!
Бельё от ветра трепетало,
Как стая белых журавлей.

Я СТАЛА ЗИМНИХ ДНЕЙ БОЯТЬСЯ

Я стала зимних дней бояться.
Когда туманы холодны,
Когда леса вдали бледны,
И на полях снега клубятся.

Опавших листьев мокрый плед
Небрежно скомкан под ногами.
Всплankнёт застывшими слезами
Зиме холодной осень вслед.

Я стала зимних дней бояться,
Где длинны ночи, кратки дни,
Где надоедливые сны
Пророчеством в душе ложатся.

ОСЕННИЕ МЫСЛИ

Осенние мысли — вечерняя нега.
Осенние мысли — полёт журавлей.
Мне август подарит дыхание неба
И вызревший запах бескрайних полей.

Осенние мысли с ночи до рассвета,
Навязчиво манят, зовут за собой.
Послушать прощальное пение лета,
Исполнить финальное танго с тобой.
Осенние мысли дурманят сознание
В пленительно-нежном томленье души.
Я песню о лете спою на прощание,
В преддверье осенней хрустальной тиши.

Осенние мысли развеют сомнения
О давнем, минувшем, о летней любви.
Подарит мне осень цветные мгновения,
Густые туманы, медовые дни.

ГРУСТНЫЙ КОФЕ

Ничего я не пью, кроме кофе и грусти,
В обнажённую осень промозглых дождей.
На душе холода, одиноко и пусто
От минорных мелодий плакучих аллей.

Фонари за окном грустно сторбили плечи,
У ненастья осеннего будто в плену.
Свой последний аккорд осень в пасмурный вечер
Рвёт нещадно, как прошлого нитку-струну.

Как на паперти, замерли грустные ивы.
Расставание с летом все горше, больней.
Лишь ненадолго солнце коснется игриво
Карамельно-зеленой листвы и ветвей.

ПИТЕРСКИЙ ДОЖДЬ

Здравствуй, питерский дождь! Я скучаю
По твоим переулкам, мостам,
По театрам, дворцам величавым,
По закатам и белым ночам.

Здравствуй, питерский дождь! Я болею.
От сибирских морозов мигрень.
Я от стужи январской слабею,
И хандра по пятам, что ни день.

Здравствуй, питерский дождь! Без сомнений
Ты исполнишь желанья мои.
Ярким солнечным утром осенним
Я вернусь в петербургские дни.

ДОЖДЛИВАЯ ОСЕНЬ

Дождливая осень ступает неслышно,
Одевшись в парчу и рубины рябин.
Дождинки шуршат, словно плачут, по крышам,
Увядающие листья летят с паутин.

А солнце сквозь тучи холодным свеченьем
Ласкает устало промокший пейзаж,
И, вновь наслаждаясь своим отраженьем,
Оно превращается в лунный мираж.

НЕОКОНЧЕННАЯ ПЕСНЯ

Осень дождлива. Опять холода.
Дождик рисует на стёклах узоры.
В небе застынут, как льды, облака,
Чтоб раствориться в заснеженных зорях.

Где-то на краешке мёрзлой земли
Ярко-зелёные вспыхнут рассветы.
В майское небо взлетят журавли
С песней, что мы не допели про лето.

Я ЗА РОДИНУ СТОЮ

Возвращаются ребята
После бури и огня.
Прирождённые солдаты,
Опалённые сердца.

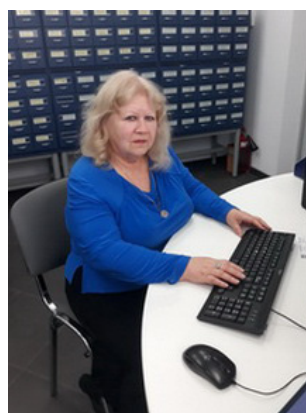
Каждый шаг, омытый кровью,
За Россию, за семью.
Каждый день охвачен болью,
Встав за Родину мою.

Я вернусь, ты слышишь, мама!
Шепчет ветер мне в пути.
Знаю, поздно или рано,
Должен я свой путь пройти.

Ты дождись меня, родная,
У родимого окна.
Я живым вернусь, я знаю,
Сквозь суровые ветра.

Мы стоим на страже мира.
Нас не сломит враг в борьбе.
Не унизим честь мундира,
Не сломить бойца в огне!

На груди мой медный крестик,
Он хранит меня в бою.
Я достоин, мама, чести!
Я за Родину стою!



Наталья ОКЕНЧИЦ,
г. Геленджик

Наталья Окенчиц. Член Союза писателей России. Автор ряда поэтических сборников, в том числе для детей. Дипломант престижных краевых и всероссийских поэтических конкурсов и фестивалей. Публикуется в литературных журналах и альманахах «Нева», «Под часами», «Дарьял», «Традиции & Авангард», «Дон», «Невский альманах», «Нижний Новгород», «Арина Н Н», «Ковчег», «Южная звезда», «Рукопись», «Бийский Вестник», «Нана», «Северо-Муйские огни», «Полярная звезда», «Литературное Ставрополье», «Петровский мост», а так же в литературных Интернет-изданиях «Литературная газета», «Причал», «Невечерний СВЕТ/INFINITE», «Белая скала», Современная всемирная литература и других.

ПОХОЖИЙ ЗВОН

От обиды порой неуверенно плакала,
Понимая, с годами пройдёт.
Кандалы и червонцы звенят одинаково.
Это знает наш русский народ.

И проходит весна над деревнями-крышами.
Я на облаке белом лечу.
Этот звон никогда в своей жизни не слышала,
Да и слышать его не хочу.

В облаках на вершине красиво и холодно.
Замерзает в ладонях вода.
Никогда не держала червонцы из золота,
В кандалах не была никогда.

ЗАПОЗДАЛОЕ СЛОВО

Мне сказано немало добрых слов.
И кто-то ждёт ответных слов моих,
Но те ушли в один короткий стих.
Хороших мыслей больше, чем плохих.

В стихах бывает всякое, поверь.
Там лето может встретиться с зимой.
Там люди говорят не через дверь,
Когда судьба встречается с судьбой.

И через время, через города —
Восходит слово светом на пути.
Но почему не вовремя всегда?
Как самое последнее — прости.

К СОЛНЦУ, К СВЕТУ...

Я гибну в озере глубоком,
Что состоит из мелочей.
Роняет солнце ненароком
Канат из солнечных лучей.

Ах, эти творческие муки...
Я забираюсь высоко,
Но обжигаю ноги, руки.
Мне удержаться нелегко.

Не в силах подниматься выше,
Спуститься тоже не могу..
Уже небесный голос слышен,
Но это вертолётный гул.

Мне тихо скажут: «Ангел с вами...»
Ещё бы парочку минут...»
А я ведь в небо за стихами...
А где ещё они растут?

ЛОДКА ВРЕМЕНИ

Я понимаю, что была
Когда-то там красавицей.
А лодка быстро уплыла,
Назад не возвращается.

На лодке времени плыву
Я в неизвестность страшную.
Тебя сокровищем зову,
А ты меня Наташкой.

Бывает, спросят: «Как дела?»
Дела идут по-всякому.
Я что-то в жизни поняла,
Осмыслила — заплакала...

Порой застрянет в горле ком,
На море смотришь вечером,
А где-то там, за маяком,
Надежды тайна вечная...

ВАЖНЫЙ ПРИЁМ

Мне нравится церковный дворик...
Уютно и спокойно в нём.
Кораблик видно в Чёрном море.
А я ведь к Богу на приём...

На куполах играет солнце,
Кресты хранят от разных бед.
А вот витражное оконце
Небесный пропускает свет.

И ходят люди со свечами,
И каждый скромненько одет,
И каждый с добрыми глазами.
А примет Бог меня иль нет?..

Проходят долгие минуты.
Водички хочется попить.
Я так волнуюсь почему-то...
Я за страну пришла просить...

ВЕЧНЫЕ СНЫ

— Что в портфеле?
— Тетрадки да книжки,
И записки о первой любви...
Под окошком сопливый мальчишка,
Просит брата: «Её позови...»

«Заходи...» — скажет брат простодушно
И покажет за печкой щенков.
Я поправлю большую подушку,
Что пропитана тайнами снов.

«Ты мне снилась», — он скажет украдкой.
...Жизнь промчалась. Его уже нет.
Но зачем-то за школьной тетрадкой
До сих пор он приходит во сне.

ТАИНСТВЕННЫЙ ЛЕС

Солнце... солнце... Что в жизни дороже?
Я смотрю на таинственный лес,
Становлюсь красивей и моложе
Под покровом великих небес.

Не оставят духовные силы
И от помыслов грешных спасут.
Лес погоста... где всюду могилы,
Как грибы неустанно растут.

И, конечно, становится ясно,
То, что я забываюсь порой.
Мир вокруг молодой и прекрасный
Обновляется силой живой.

БЕЛЫЙ ШУМ

Сильный ветер и шумят лопасти.
Для энергии нужна сила.
Мы с тобою по краям пропасти.
Между нами города, милый.

Мне сегодня в чудеса верится
И прекрасны чудеса эти.
Я проснулась ветряной мельницей,
Новгородский налетел ветер.

Кто в поэзию пришёл смолоду, —
По-другому видит мир новый.
А душе моей всегда холодно.
Согревает доброта слова...

ЧУТКОМУ ПОЭТУ

Приходит ветреная осень,
Рисуя лужи во дворе.
А ты меня, похоже, бросил...
Стихи, как листья в сентябре...

Понятно это лишь немногим.
Сусальным золотом порой
Спадёт усталый лист по ноги,
И ты возьмёшь его домой.

Положишь-спрячешь за икону.
Кому? Зачем? Замкнётся круг...
И вся вселенная по стону
Тебя узнает, милый друг.

ЗА ГОРОДОМ РОМАШКИ...

Я однажды хотела вернуться назад,
Поиграть с молодыми годами,
Но анютины глазки повсюду следят.
Их зовут городскими цветами.

И тогда я упала в ромашковый рай,
Оставляя родные пенаты.
За рекой облака полилбсь через край,
Мою жизнь приглашая к закату.

Только птица тревожно кричала: «Проснись!»
Тайны снов ненароком листая,
Вижу: поле ржаное, небесная высь...
Рядом мама совсем молодая...

ЗЛАЯ НОЧЬ

Ночь приходит холодная, страшная,
Стылый снег неустанно метёт.
У поэзии губы накрашены,
У поэзии брови вразлёт.

Я хочу сочинить по-хорошему
Добрый стих для тебя, злая ночь.
Это ты в мироздании брошена,
Это я постараюсь помочь.

Засыпай, беспокойная спутница.
Вот уж ангелы света поют.
...И синица голодная спустится
Пульсом жизни в ладонку мою.

ВОЗВРАЩАЙСЯ...

Я в неправде всегда долго правду искала.
И лишь только любовь этой правдой была.
Вот опять горизонт гаснет огненно-алым.
Умирает закат на задворках села.

И никто никогда меня больше не тронет.
Защищают порой, как броня,
Твои тёплые, нежные чудо-ладони,
Что сейчас далеки от меня.

ЗАПАХ ПОЛЫНИ

Запах полыни горький?...
Манят степные дали.
А по спине, как с горки
Годы мои катались.

Что же... спины не жалко.
Нужно — катайтесь дальше.
В степь отправляюсь с палкой.
Боль — отголосок фальши.

Ты не смотри украдкой,
Вслед головой качая.
Запах полыни сладкий.
Я это точно знаю.

ЧУЖИЕ РОЗЫ

Я часто говорю себе: «Родная,
Не рви чужие розы. Что за стыд?»
Но почему безжалостно срываю?
И от шипов сознание болит.

А в памяти исхоженные дали,
Что вновь уже не пробую пройти.
А сколько раз меня саму срывали?
А я по новой пробую цвести.

И хочется надрать кому-то уши,
Сказав о главном на глазах у всех.
Ведь так легко сломить чужую душу
И даже не заметить этот грех.

ЦВЕТЫ, КАК ДЕТИ...

На этом месте, где с тобою были мы
Детишками красивыми, бедовыми,
Теперь цветут лилейники и лилии,
И разноцветные кусты садовые.

И по душе моей пошли прогалины
От теплоты небесной, непорочности.
А знаешь, милый, вовсе не пропали мы,
А стали толстокорыми для прочности.

Уходят в небо две тропинки дальние,
Дорогу счастья снова не осилили.
Скажи красиво мне слова прощальные,
Святой росой прослезятся лилии.

ПЬЯНАЯ НОЧЬ

Уходят мысли в космос-невесомость.
Всё ищут где-то правильный совет.
Я жить хочу, когда терзает совесть,
Я жить хочу, когда здоровья нет.

Вино стихами капает на скатерть,
Слетела вилка строчкой под кровать.
А мне приснился давний друг-писатель.
При жизни что-то не успел сказать...

Мне этой острой вилкой ночь грозила.
А кто она такая — злая ночь?
Я друга своего помочь просила.
Он так и не решился мне помочь...

Правду нам никто не скажет..
Мир отныне не простой.
Здесь деревья в камуфляже
По-солдатски встали в строй.

«Всё равно мы всех сильнее», —
Чей-то мальчик говорит.
На платановой аллее
Сердце трепетно стучит.

Поздоровался прохожий,
Улыбнулся невпопад.
А платаны так похожи
На решительных солдат...

ГРЕШНИЦА

Я оставлю дела на потом,
В русской бане окрепну, несмелая,
И приду к тебе в платье простом,
Распущу свои волосы белые.

Я тяжёлой разлуки боюсь.
СВО. Состояние срочности.
Поняла — никогда не вернусь
В этот мир чистоты-непорочности.

Вот уже от волненья дрожу,
Растворилось воздушное платишко.
Будет исповедь... что я скажу?
Что скажу я почтенному батюшке?

АЛЛЕЯ ПЛАТАНОВ

МАТЬ И АЛЁНКА

Приходит неожиданно покой.
Почувствовать опять сумела мать,
Что сын её пока ещё живой.
Зачем пока?.. Не нужно накликасть...

Обнимет, как всегда, её одну,
С такой родной душевной теплотой..
Он словно ад, пройдёт свою войну
И будет рядом только с ней одной.

...А та Алёнка — глупая пока.
Она бездушно выросла во лжи.
Но почему в слезах по облакам
Она к нему решительно бежит?

ТАЙНА ФОНАРЕЙ

Пока ты рядом, улица в огне,
И тайна света тянется ко мне.
Я становлюсь понятнее, добрей
Под необъятным светом фонарей.

Вся комната в сиянии уже.
Колдует свет на первом этаже.
...Ты смотришь молча, словно виноват,
На мой небрежно скинутый халат.

И в ночь уходишь. Улица пуста.
И ты не тот, и я уже не та.
Во мраке появилось сто проблем.
Мы погасили тайну фонарей.

ОПЯТЬ ПОССОРИЛИСЬ...

Переживу... останусь на плаву.
А жизнь порой рассказывает сказки.
Я знаю, что по совести живу,
И, что мужчины очень любят ласку.

В моих руках и тайна, и задор.
Глаза то гаснут, то горят как прежде.
И вот уже весна через забор
Перемахнула в порванной одежде.

Она цветы роняет во дворе.
А нас с тобою небеса рассудят.
И ты расскажешь что-то о добре,
О том, что это очень нужно людям.

* * *

Я не хочу, чтоб мутная река
Текла по жизни, по родной долине.
Порою дрогнет крепкая рука,
Подёрнет сердце серебристый иней.

Стареет мир. Он хуже с каждым днём.
В него поверю. Становлюсь мудрее..
Опять стою под радужным дождём.
А мир прекрасен. Это я старею.

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

Когда проснётся солнце над горой,
Пойду ловить улыбки. Ты прости,
И на дороге у меня не стой.
Иди за мной. Не хочешь — дай пройти.

Лесные птицы рядом загалдят,
И ты однажды с горечью поймёшь, —
Я соткана из летнего дождя,
А он проходит... этот летний дождь...

ПОДРУГА ПОЛЮБИЛА

Я для тебя спасение от стресса.
Порой сама сгибаюсь от забот,
Но становлюсь матёрой поэтессой.
Мои слова, как в боксе апперкот.

Молчать хочу. Какая незадача:
Не получилось, говорю не то.
И вот уже подруга чуть не плачет
И в ночь уходит, кутаясь в пальто.

А я сижу в компании несмело.
Я не хотела, я молчала год.
Она в семью влетела птицей белой
И полюбила мужа моего.

УЙДУ ПОДАЛЬШЕ...

Уйду подальше, туда, где ветер
Сердито волны гоняет в море.
А кто ответит, за всё ответит?
Забрали счастье, вернули горе.

Назвали жизнью... А я такая —
Решила просто махнуть рукою.
Я ледяная, но не растаю.
На юге солнце кипит весною.

А ты целуешь мои колени,
За что, не знаю, прощенье молишь.
И разбежались чужие тени...
Я отпускаю себя на волю...

ЗУБАСТАЯ КНИГА

Вино... так много... где бокалы?
А может, кофе подойдёт?
Я от поэзии устала
И помолчу хотя бы год.

Стихи, стихи... насочиняла...
Они вокруг меня галдят.
Я их энергию впитала,
Похожую на сладкий яд.

Бросаю сборник свой с размахом:
«Я пересытилась, прости...»
А книга злобной росомарой
Встаёт с оскалом на пути...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Кому нужна такая осень?
Прохладно... Лес полуроздет,
И лебедь, словно знак вопроса,
Во мраке стынет на воде.

А в небе звёзды огоньками...
Вся осень тайнами полна.
Я сердце отдала за камень,
За мудрость юность отдала.

...Иду домой тропой из пепла.
Приснилась матушка во сне.
А кто сказал, что я окрепла?
Меня-то прежней больше нет.

А дом родимый ближе, ближе...
Дороже боль ушедших лет.
Родных-любимых не увижу,
Погасла лампочка в окне.

ВМЕСТЕ

Как много в небе вихрей озорных...
Луна взошла и в тучи убегает.
Моих стихов нам хватит на двоих,
Как на двоих любви твоей хватает.

Как нам хватает верности моей,
Твоих весёлых шуток нам хватает.
И я прошу: «Любимый, обогрей!»,
Когда стихи холодные читаю.

СТРИЖИ, КАК ТОЧКИ...

Стрижи — энергичные. Точно...
В небесной безмерной оправе...
Они, как летящие точки,
Но их невозможно поставить.

Я вечной Галактики дочка.
Так чувствую: время искрится.
На мне уже ставили точку,
Но та была маленькой птицей.

И слушать врачей не хотела.
Мне было темно, одиноко.
Мне ставили точку на белом,
Но та уже в небе глубоком.

Я ДОЛЖНА

В мире нашем уже не сложно
Отыскать не простую суть.
Всё казалось: мне кто-то должен.
Оказалось, что я, чуть-чуть...

Я должна! Виноград срываю...
Всем раздам своего вина.
Если я всё ещё живая,
Значит, я всё ещё должна.

ПОДЕЛИТЬСЯ СЧАСТЬЕМ

Для счастья нужно много или мало?
Когда делить пыталась на двоих,
То мне конфет обычно не хватало,
А для одной казалось много их.

Тогда, ребёнком, я не понимала,
Что жизнь проходит чередой проблем,
Что счастья непременно будет мало,
Когда ты им не делишься ни с кем.

НАШ ГОРОД ПОМНИТ

Когда стихи читаешь о войне,
То прошлое приходит в наши дни.
И не случайно показалось мне,
Что мы сегодня с вами не одни.

А может, это я спешу назад?...
И с прошлым неразорванная нить...
Я с болью вижу грустные глаза
Тех моряков, что так хотели жить...

Впитали те воздушные бои
Красивые места Геленджика,
Где батарея славная стоит
Музеем капитана Челака.

Снаряды здесь неслись, как ураган,
Прикрыв десант, что ловок был и смел.
И вражеский подбитый каждый танк
В ночи зловещим факелом горел.

Цемесская с Рыбацкой — бухты две
Слились тогда в историю одну.
И выбрав: мир, добро, любовь и свет,
Мы празднуем победную весну.

Покрыта кровью Малая Земля.
Священный, безразмерный тот покров.
Наш город знает — забывать нельзя
Заслуги черноморских моряков.



Марат КУЛАТАЕВ,
г. Тараз, Казахстан

Марат Кулегенович Кулатаев. Публиковался в журналах «Кольцо А», «Нева», «День и ночь», «Таврия литературная», «Нива», «Книголюб», в интернет-журналах, газетах. Автор 17-ти книг.

ПОКУПКИ

Жаманбай работал главным врачом районной санэпидстанции в одном из самых отдаленных районов области. Если бы его сейчас встретил какой-нибудь сокурсник, то, конечно, не узнал бы. Некогда высокий, стройный и красивый юноша, на которого в общезнании поглядывали все молодые девушки, с годами, как-никак прошло больше тридцати лет, сильно изменился далеко не в лучшую сторону. Это был полусогнувшийся, словно вопросительный знак, растолстевший, с обрюзгшим лицом и полулысой головой пожилой мужчина. Весь его вид был помятый, словно он спал дома, не раздеваясь. Глядя на него, возникало такое ощущение, что свои брюки он никогда не гладил. Они топорщились, словно гармошка, да и стирали их, видать, редко, потому что они прямо-таки лоснились. На его большой голове сидел малахай, словно на чучеле, да и куртка на нём была словно с чужого плеча и не застёгивалась на выпирающем животе. В общем, если бы кто-нибудь сказал, что это есть тот самый Жаманбай, то ему бы никто не поверил.

Раз в квартал Жаманбай приезжал в областную санэпидстанцию на различные коллегии. Вот и на этот раз его приезд как раз совпал с наступающим Новым годом. Жена дала кучу поручений. Купить нужно было очень много, одних только подарков ее родственникам ого-го, благо жену бог родственниками не обидел. Как на грех, он жил как раз в ее родовом гнезде. И нужно же было ему жениться на этой Карлыгаш! Когда-то давно, тридцать лет назад, это была молодая, стройная, словно горная козочка, черноглазая красивая девушка с ангельским характером. Теперь же, по прошествии стольких лет, этого ничего не осталось и в помине. Сейчас это была растолстевшая, с большим, как сковородка, красным лицом сварливая женщина, которая с утра до вечера его пилила и попрекала. Иногда, глядя на свою жену, он с тоской думал, куда всё делось, где та молодая, стройненькая, всегда улыбающаяся Карлыгаш, да и было ли это вообще. Под словом «это» он подразумевал молодость. Увы, она, как весна, пролетела быстро и безвозвратно.

На работе его пилило начальство, дома жена, хоть в петлю лезь. Вот и сейчас, приехав в область, он думал, что хоть душевно отдохнёт, но не тут-то было. На коллегии кто бы из начальников отделов ни выходил на трибуну выступать, все костерили и в хвост и в гриву его район.

— В N-ском районе, как ни позвонишь, никогда на работе никого нет, никто трубку не берёт. Отчёты присылаются не вовремя, с большим опозданием, и то только после нескольких напоминаний. Складывается такое ощущение, что там вообще не ходят на работу! — выступала начальник орготдела.

— Заболеваемость в N-ском районе по сравнению с другими районами растёт, а никаких мер со стороны главного врача районной санэпидстанции не принимается! — говорила начальник эпидотдела.

— В N-ском районе не выполняется кратность обследования объектов, страдает госзаказ, а главному врачу районной санэпидстанции все равно! — выступал начальник санотдела.

Жаманбай сидел и слушал, у него и так болела голова после вчерашнего тоя, кто-то из многочисленных родственников жены то ли женился, то ли какой юбилей был, он уже и не помнит. Потому что дня нет, чтобы они его не приглашали в гости. Одно его мучило, как бы не забыть наказы жены, а то она его со свету сживёт, а здесь что, как говорится, собака лает, а караван идёт. Поговорят, попугают, и всё останется по-прежнему. Какой нормальный человек поедет в эту дыру работать? Это только он тридцать лет назад поехал туда, по молодости да и по глупости, тогда времена и нравы были другие — советские. Да и жена песни пела:

— Поедем работать в N-ский район, там мои родственники помогут тебе занять место главного врача, будем зарабатывать деньги, накопим и купим квартиру в столице!

Вот он и польстился на слова жены, а в итоге что? — пшик оказался. Деньги, которые он пытался копить, на себе, жене, детях экономил, все уходило на её многочисленных родственников: то кто-то женился, то кого-то замуж отдавали, то студентов учил, то всякие юбилеи и тои. В общем, если вспоминать, то можно просто с ума сойти. Первое время он возмущался, а потом вообще махнул на всё рукой. Так он задумался, что и не услышал, как его директор вызывает на трибуну давать отчёт. Вывел его из задумчивости коллега из соседнего района, сидевший рядом.

— Жаке, вы что, уснули, вас на трибуну вызывают, — говорил он шёпотом, толкая Жаманбая в бок.

— А, что? Фу ты, задумался, — проворчал тот, нехотя вставая с места.

— Жаке, давайте отчёт, как дальше будете работать, а то будем прощаться! — грозно вращая глазами, говорил с трибуны главный врач областной санэпидстанции.

Жаманбай, не торопясь, вышел на трибуну. У него был такой вид, словно его ведут на эшафот.

— Вы все знаете, что у меня работать некому, остались только одни беззубые старухи и старики, которым давно пора на печке сидеть да с внуками заниматься, а они на работу ходят. Вот вы все здесь хорошо так говорите, а никто не хочет к

нам ехать работать, за последние годы ни один молодой специалист не пришёл работать, даже местные отказываются ехать в этот богом забытый район. Да я бы и сам оттуда смылся, да куда мне, и так всю свою молодость и здоровье оставил, так что уж там, снимайте меня с работы, мне уже всё равно...! — сказал в сердцах Жаманбай и, махнув рукой, сел на своё место.

Видя такой поворот дела, главный врач, сам уже далеко не молодой, проговорил растеряно:

— Ладно, вы успокойтесь, вас никто с работы снимать не собирается, а насчёт молодого пополнения мы подумаем. Хотя он знал, действительно, в эту дыру никого никаким калачом не заманишь.

Выйдя с коллегии, Жаманбай сел в свою старенькую служебную машину марки «Жигули» и сказал водителю:

— Поехали, закусим.

Водитель завернул в ближайшее кафе, где они постоянно обедали. Там Жаманбай, чтобы поднять настроение, выпил двести грамм водки, пару кружек пива, и ему стало, как говорится, море по колено. Когда они, отобедав, сели в машину, и водитель собрался по привычке ехать на базар за покупками, Жаманбай, громко икнув, воинственно сказал:

— Поехали домой!

— Женгей будет сильно ругаться, что на базар не заехали, не купили её наказы, — ответил водитель, знавший крутой нрав супруги главного врача.

— Ну и чёрт с ней, я её нисколько не боюсь! — прокричал тот под действием спиртного.

Домой так домой, обрадовался водитель, как-никак ехать было очень далеко, почти семь часов. Когда машина, вырвав из города, поехала по бескрайней степи, Жаманбай задремал, и ему приснился страшный сон. Будто бы он приехал домой, и жена первым делом стала смотреть, что он купил, а, увидев пустой багажник, стала по привычке обзывать его различными животными именами: «Осёл, козёл, верблюд! За что мне такое наказание! И чтоб ты...!» В холодном поту он проснулся и, дёрнув водителя за рукав, приказал:

— Давай разворачивайся, поедem на базар за покупками, чёрт их побери!

— Агай, мы уже очень далеко отъехали от города, — сказал ему испуганно водитель.

— Ты что, моей смерти хочешь? — рявкнул Жаманбай.

— На базар, так на базар, — ответил уныло водитель, разворачиваясь. В душе он ругал всеми известными ему ругательствами и базар, и Жаманбая, и его жену вместе с её многочисленными родственниками...



КЛАДОВАЯ МАСТЕРА

Елена ЯКОВЛЕВА,
г. Саки, Крым

О таких, как я, говорят: человек-сканер. Нам, сканерам, нужно попробовать себя в самых разных областях. Судите сами: филолог по образованию, учитель по первому месту работы. Очень люблю рукоделие — и тут что только не пробовала! Много лет работала методистом в дополнительном образовании — и отлично получалось организовывать праздники и мероприятия. Правда, приказы и отчеты навевали скуку — и теперь я корреспондент местной газеты.

Веду блоги в соцсетях, где делюсь эмоциями и фотографиями. Публикаций в изданиях немного (если не считать сакскую городскую газету «Слово города», где работаю): в журнале «Химия и жизнь» была напечатана история о спасенной летучей мыши, а в крымском альманахе «Полуостров сокровищ» — очерк о двух озерах в Бахчисарайском районе.

Любимая тема — люди, их судьбы и увлечения. Еще веду рубрики о местной флоре (потому что в душе живет ботаник) и о путешествиях по Крыму. Именно прогулки по удивительным местам родного полуострова вдохновляют на очерки и фотографии.

ГУРЗУФ: ЛЮБОВЬ С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА

*И крошка-дом у Пушкинской скалы:
Калитка, садик, трап к уютной бухте.
Присядьте и подольше здесь побудьте,
Вдохните век, что с Чеховым уплыл.*

Светлана Галс

А поедem в Гурзуф!

Впервые я попала в этот поселок пасмурным осенним днем: море штормило, с гор сползали мокрые тучи. По

первому впечатлению часто складываются отношения — полюбишь или нет. Я влюбилась!

Что сразу запало в сердце? Домики. Давние или под старину: двухэтажные, с деревянными резными балконами, увитые лозой. Лабиринт узких улочек, сбегających к морю, а потом круто поднимающихся по склонам. Близкая громада Аю-Дага, застывшего в вечной по-

пытке выпить море. Скалы-близнецы Адалары. Все здесь, как и само слово «Гурзуф», волшебное, восточное, колоритное. Произнесите его — и ощутите рокот гальки в прибое и шорох волн, свист штормового ветра и тихий звон колокольчиков в дверях сувенирных лавочек.

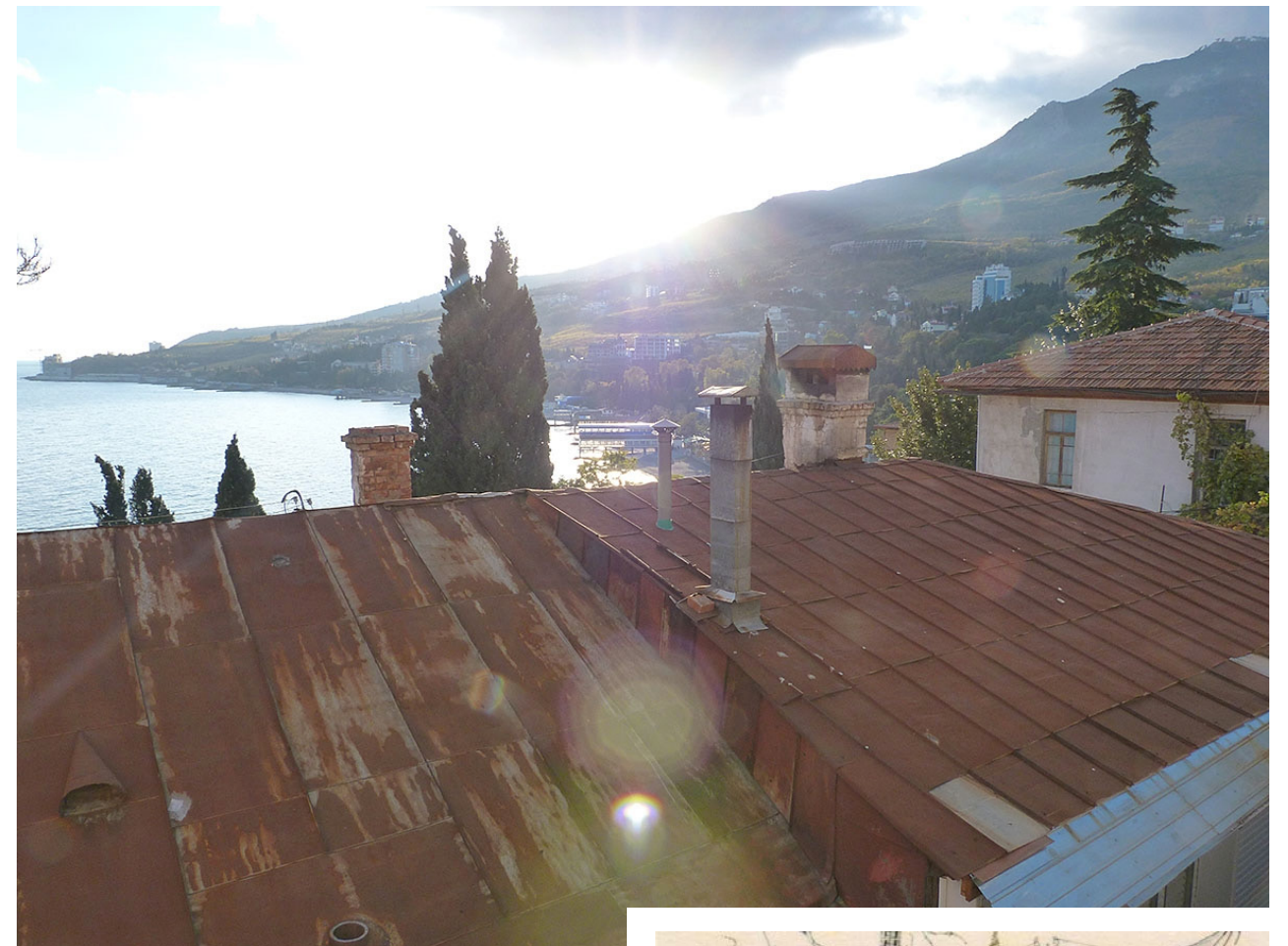
Межсезонье в Гурзуфе — это обычная жизнь приморского поселка: огоньки магазинов и немногих не закрывшихся на зиму кафе, белье во двориках, каменные крылечки, упирающиеся в скалы, из которых растут то опунция, то виноград.

И, конечно, гурзуфские коты — отдельная достопримечательность. Они тут всех мастей и степеней лохматости: спят на парапетах и в цветочных вазо-

нах, провожают вас на набережной. Рисунки с котами неожиданно находишь на стенах домов и подворотен. Мимо памятника кошке не пройдешь на улице Чехова, которая ведет, конечно, к чеховской даче.

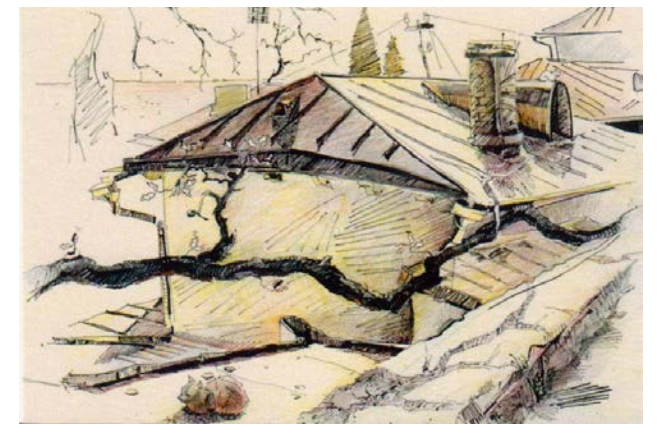
Чехов купил этот домик, чтобы хоть иногда спастись от гостей, досаждавших ему в Ялте. Вместе с домиком — небольшой участок земли и кусочек пляжа. Жил он здесь недолго: влажный воздух и близость моря неблагоприятно сказались на здоровье.

Жаль, что так сложилось, потому что дача и это место невероятно приятательны! Дом крошечный, обставлен скромно, но уютно. Он напоминает мне бабушкин, где пахло свежей известью, духами, старыми вещами из шка-



фа и книжной пылью. Из небольшого сада с деревьями инжира и граната лесенка спускается к живописной бухте, окруженной скалами. Здесь бесконечно долго можно любоваться волнами и слушать голоса чаек под аккомпанемент прибоя...

Еще Гурзуф — это сувенирные лавочки, где среди развалов турецких и китайских поделок можно найти настоящие сокровища. Например, открытки с рисунками местной художницы Марины Чаприковой. Ее нет в соцсетях, но о ней расскажет хозяйка магазина, разложив перед вами ворох карточек с местными видами: легкие росчерки тушью, несколько капель прозрачной акварели — и вот он, живой Гурзуф. Когда была здесь в прошлом году, дело шло к вечеру, магазинчик уже закрылся. На-



деюсь, художница по-прежнему рисует и издает открытки — старые я давно разослала друзьям.

Гурзуф. Я не рассказала о нем и тысячной доли того, что можно поведать —

это моя открытка: несколько словесных штрихов и пара капель настроения-акварели. Поезжайте в Гурзуф! Пусть в вашем сердце останутся улочки, крыши, кипарисы...



ГОСТЬ ЖУРНАЛА



Ирина СОЛЯНАЯ,
г. Калач Воронежской области

Соляная Ирина Владимировна родилась 06.02.1976 года в г. Калаче Воронежской области, где и живёт в настоящее время.

Закончила Воронежский государственный университет, юридический факультет. В 2004 г. защитила кандидатскую диссертацию. Действующий федеральный судья.

Первый рассказ написала в 2014 г., опубликовала его в журнале «Аврора» и до 2019 года ничего не писала. Второй опубликованный рассказ принес победу в номинации «Проза» международной премии «Антоновка сорок плюс» 2019 г.

Является лауреатом фестиваля «Капитан Грей» 2020 г., победителем конкурса «Стилисты добра», номинация «Проза» 2021 г., лауреат литературного форума «Осиянное слово» 2021, лауреатом XXII фестиваля «Славянские традиции» 2021 г., призером XII Международного Грушинского Интернет-конкурса в номинации «Малая проза», призёром IV международной премии в области литературного творчества для детей «Алиса-2022» номинация «Магическая проза для детей», дипломантом международного литературного форума славянских культур «Золотой витязь» 2022 г., обладателем гран-при литературного фестиваля «Родословие» 2022 г., обладателем бронзового диплома Германского международного литературного конкурса «Лучшая книга года», 2023 г., победителем конкурса детективов ЛитРес «Со слов очевидцев», 2023 г. и финалистом этого же конкурса в 2025 г., победителем фестиваля «Петроглиф», 2023 г., победителем фестиваля «Литкузница» 2024 г., обладатель серебряного диплома Германского международного литературного конкурса «Лучшая книга года», 2025 г. Неоднократный победитель сетевых конкурсов.

Имеет около трех десятков публикаций в журналах, в том числе в «Юности», «Авроре», «Сибирских огнях», «Вторнике», «Молоке», «Нижнем Новгороде», «Формаслове», «Невском проспекте», «Северо-Муйских огнях», «Филигрании», «Edita» и др., а также в альманахах.

Частый член жюри литературных конкурсов: Астра-блиц, Кубок Брэдбери и др.

Постоянный участник литературных семинаров «Малеев-ка-Интерпресскон», «ПарОм». Член клуба любителей фантастики «Мицар». Участник литературной мастерской Сергея Лукьяненко.

Творческий девиз: «Я не могу изменить этот мир, но я могу о нём рассказать».

Автор книг, вышедших в бумаге: «Недолюбленные» (Т8 Руграмм 2021 г.), «Право на молчание» (Перископ, 2022 г.), «Хищники царства не наследуют» (Снежный ком, 2023 г.), «На нашей улице» (Ridero, 2023 г.), «Принцип кентавра» (Т8 Руграмм 2024 г.), «Поморские сказы» (Перископ, 2024 г.).

СКАЗ ПРО ТЁЩИНЬКУ ЗЛОМУДРУЮ

До чего ж у меня тёща зловредная, словами не передать! По виду и не скажешь: чёрное платье вдовицы, на голове платок беленький. Голос тихий и ласковый. Но так и вижу, что она в мою сторону думает: «Примак да ваворок¹ бестолковый». Зыркнет и ухмыляется. Я сразу проверяю, может, в портках прореха у меня или другая какая потеря.

Сказал я своей жене, как отрубил: «Чтоб и духу твоей мамани в нашей избе не было!» А детям моим — хоть хворостиной их учи, хоть козулями² сахарными угощай — бесполезно говорить. Балуны³! К бабке за шанежками ходят, и жалуются: «Тятя то, тятя сё. Забор покосился, с дымника труха валится, хлеба нетути». И опять жена на свой кулак мои кудри наворачтает.

А ещё кот у тётчи есть — чистый поганец. Зовут Тимофеем Матвеичем, как нашего старосту, только у старосты есть фамилия, а котам фамилий не полагается. Есть у меня мысля давняя, остатняя, что энтот кот неспроста к нам зачастил. Придёт, понюхает, хвостом покрутит и к тётшеньке ворочается. И тоже всё докладает, что и как.

В общем, в глазах семьи и общества стал я растяпа и недоуздок. Нету мочи терпеть издевательства от бабского полу!

Решил я навести для начала порядок в своих отношениях с тётшей и её котом. Надел я кафтан почище, портки без заплат и двинулся без лишнего смущенья на другой конец села. Надо мимо старосты пройти, потом по мостку и по берегу ручья.

Иду и нутром чую, что будет неприятный разговор. Староста уж стоит у ка-

1 Ваворок — туша морского зверя, выброшенная на берег, годная только на шкуру.

2 Козули — пряники.

3 Балун — балованное дитя.

литки, бороду оглаживает. Тройка на нём чесучовая, зятя купецкий подарок. Ну, думаю, мне б такой пинжак, плевал бы я на тёщины ухмылки.

— Эй, Парамон Михалыч, пошто в среду коз пасть не стал? Твоя черед.

— А чего я буду коз пасть, коли это не мужицкое дело. Мало ли дитятей по деревне бегают?

— Да к мужицкому делу ты не больно трудливый¹ — усмехается староста. Тоже поганец, не хуже кота. И имя-отчество у них однотипные не случайно.

Не стал я со старостой время тратить. Пошёл через мосток. Там ввакушки² квакают — залюбуешься, как они свои песни весенние выводят. Я когда за милушкой своей волочился, тоже песни под гармошку пел... Только после свадьбы она гармошку отобрала да запрятала. А ежели у человека песню отобрать, то какая жизнь настанет? Работа тяжкая да щи постные. Постоял я полчаса, расчувствовался: «Жёнка мужа извела. Под свой норов подвела!» Пошёл дальше по берегу. Между берёзок и сосёнок молодухи бельё полощут. Хохочут, подмигивают.

— Парамон Михалыч, — говорит Меланья, — отчего не в море? Жену стережешь?

— А, может, у него сети худые? — Фроська подхватывает.

— Сеть худая — не беда, коли крепкая ел... — ветер унёс похабную частушку Меланьи.

— Знаешь, Меланья, отчего тебя замуж не берут? Язык у тебя — чисто язва, — ответил я с достоинством и двинулся мимо.

А настроение уже того-не этого. К избе тёщиной подошёл, совсем расквасился. Постучал, на крыльце лаптями пошоркал и вошёл в горницу. Смотрю: тёщинька моя зломудрая прядёт у окошка. Навстречу поднялась, поклонилась.

— Проходи, дорогой Парамоша, откушай чаю с шанежками.

— А кот твой, маманя, где? — спрашиваю.

— А кто ж его знает? Может, на печке, а может и на крыльчке.

Ну, сел я за стол, чинно съел десяток шанежек. Чаю нахлебался, аж три полотенца извёл, пот вытираючи. Чувствую, что настало время для сурьёзного разговору.

— Маманя, — говорю, — вы почто в жизнь мою семейную мешаетесь? Вы зачем беззаконие наводите? Из-за ваших советов моя жена всегда смурная, а в деревне болтают лишнее. Коль у вас язык длинный — в карман передника его пихайте. А чтоб в дом ко мне — ни ногой. А ежели по внукам сучаете — можете гостинец передать.

Встал из-за стола важный — дело сделано. А тёща смотрит так смирёхонько.

— Шанежек я, дорогой Парамоша, внукам всегда передам. А кто им песенку споёт, сказочку расскажет?

— А вы в мешок кидайте шанежки да сказки свои, авось снесу.

Эк я над тёщей подшутил! Пусть не думает, что лыком шит, соплями штопан!

Тёща кивнула и пошла в сени. Я в горнице остался. Вправду сказать, мне у тёщи нравилось. На занавесках цветочки разные вышиты, на стенах картинки про

¹ Трудливый — трудолюбивый.

² Ввакушки — лягушки.

русско-турецкую войну. На койке подушки, как пельмени — белые и плотные, так бы за угол и укусил. Дух в доме всегда приятственный: то от опары, то от хлеба. От шанежек, мёда, иной раз и ухи с головизной. А что мышами не пахнет — это я на Тимофея Матвеича списываю. Хотя и этим поганцем тоже не пахнет.

Вышла моя тёщинька с мешком.

— Извини, — говорит, — что задержала тебя, дорогой зятёк Парамоша. Уж больно долго сказки четверым внукам сказывать и песни петь.

— А с чем гостинец?

— Да про волчка-сербочка, про медведя на льдине и про северное сияние.

— Эка баба! — рассердился я. — Шанежки с какой начинкой?

— С голубикой и брусникой.

А у самой лицо такое хитрое, прямо что-то она задумала. А что — не пойму. Я мешок поднял — не сказать, чтоб дюже тяжёлый. Про кота внезапно вспомнил и говорю суровым голосом.

— Вы, маманя, коту накажите, чтобы к нам в избу не ходил. Мне от вас шпиёнов не надо.

— Ды как же я, Парамоша, коту прикажу? Он у меня животное безответственная. Где хочет, там и ходит, дозволения не спрашивает.

— Без хвоста останется — поумнеет, — буркнул я и домой двинулся.

Дошёл до берега речки. Уже ни Меланьи, ни Фроськи не было. Грустно стало. Хотя и насмешницы, но бабы молодые, румяные. Смотреть приятно, и по телу истома разливается. Вытащил я от грусти шанежку из мешка и съел. С голубикой. Перешёл через мосток. Ввакушки как пели, так и поют. Чего им сделается? Неженатые ведь. А потому тёщи злойредной у них нету и не предвидится. Снова вытащил шанежку из мешка и съел от печали. С брусникой. Дошёл до дома старосты. Тимофей Матвеич с сыновьями на телегу тюки какие-то грузит. Принюхался — рыба сушёная. У нас-то не с полюшка, а с морюшка.

— Это ж сколько вы рыбки наловили, чтобы тюками её на ярманку возить?

— А ты сети почини да лодку — и узнаешь, — отвечает мне Тимофей Матвеич, а сам в бороду смеётся.

Вытащил я от досады шанежку из мешка и съел. Снова с голубикой попалась.

Домой пришёл. Подбежали сынки-дочки: «Тятя, тятя!» За гостинцами тянутся. Я мешок раскрыл, а там пусто. Где шанежки? А сказки-песенки?

Мне моя маманя говаривала, что побасёнки да прибаутки очень непоседливые. Только зазеваешься — они сразу шасть во все стороны. Не поймаешь. А уж сказки и вовсе нороят на чердак шмыгнуть или в подпол, в печку да за прялку. Поискал я по избе — не нашёл. Призадумался. А что если я их по дороге растерял, пока мешок раскрывал?

Как ни крути — опять во всём тёща виноватая. Нечего было сказки вместе с шанежками в мешок совать. Где это видано: вали кулём, там разберём?

— Так, детушки мои, — говорю я сынкам-дочкам без долгого размышления, — ступайте сами за гостинцами к бабушке на край деревни. И накажите ей, чтобы в другой раз она по-хозяйски все в один мешок не запихивала. Это не порядок. Ещё бы кота туда сунула, злойредная! А растяпой меня называть нечего!

ПРОКАЗЫ НЕПОГОДЫ

Жил в старые года Батюшка Север. Все знали о его суровом, но справедливом нраве. Не любил Батюшка Север людей жадных, хитрых и ленивых. Не выживали они на Кольской Губе. Переселялись в другие края и рассказывали небылицы о своём тяжёлом житье-бытье. Кто верил, а кто говорил: «Ох, неправда, ох, и наговор». Настоящие поморы края Белого Моря не покидали, крепко уважали Батюшку Севера и никогда о нём слова худого не сказывали.

Но жёнка у Батюшки Севера была совсем из другого теста. Изворотливая, капризная, вечно куксилась и норовила пакость подложить. И звали её Непогода.

Как меж собой Север и Непогода жили — то помору неведомо, а только укоро-та бабскому норову не было. Вздохнёт Батюшка Север и скажет: «У Бабы Непогоды одни подарки для поморов, а у меня — другие».

Но Непогода была ох как хитра и подозревала, что Батюшка Север поморов любит и от неё защищает. Стала она раздумывать, как бы так одной в сердце Батюшки Севера царствовать. Летом особенно не покочевряжишься, надо холодов ждать.

Вот настала осень. Непогода обрадовалась — сколько пакостей припасено! Вот вам, здрасьте-пожалте, Коряба. Пошёл дождик мелкий, жидкий. А потом он притомился, и ему на смену Ситуха заявила. Полетела мокрая пыль в лицо, прямо с моря. Помор в усы усмехнулся. Коли шторма нет — не беда. На коче рыбацкий промысел в дождик без помех. Заодно и грехи смоются. Такая награда за труды тяжкие. Вернулся помор домой с богатым уловом: «Спасибо, Батюшка Север!»

«Непогоду пуще благодарите, она всю морскую соль с трески смыла!» — засмеялся Батюшка Север, когда рыбаки с ярмарок приехали.

Непогода ногой топнула и ответ приготовила: в начале октября засылает Обложника. И день, и два льёт с небес вода. Батюшка Север подсказал: «Неужто скучно? А кто сети чинить станет, карбаса править и паруса шить станет, коли все горюют?» С песнями, с присказками рыбаки и их жонки за дело взялись. Даже старый слепой баюнок не отлынивал: столько старин пропел, что язык задревенел.

«Не взяла дождём, возьму стужей!» — решила Непогода, — Слова будут на лету замерзать.

Вот и зима на пороге, а у Батюшки Севера зима две трети в году.

Непогода пустила Курёву — верховую метель, а в след — Поносúху — низовую. Так лепит, света не видать, небо и земля мешаются. А помору всё нипочём. Снега у бога много, на всю Россию хватит. Полетит метель с берега Белого моря в сторону столицы. А пока снег на месте вертелся, поморы дома сидели. Жонки и девки песни пели, шерсть пряли, чулки вязали. Мужики и парни короба берестяные и корзины ивовые плели, одежду чинили. Так время бежало.

Снег уляжется — след звериный хорошо видать. Помору охотский промысел по белому ох какой удачный.

Помор жизни радуется. То Колядки, то Рождество. На санях катаются, козули и пироги пекут, в гости ходят. Молодые сватаются, старые на них любят.

И взяла Непогоду злость, и захворала она к весне. Солнышко ярче пригрело, повсюду затайка, и птицы возвратились в поморские края.

Батюшка Север сказал: «Что ж ты, жёнка моя сердитая, али устала проказничать?»

«Нет мочи со строптивыми поморами бороться», — отвечает ему Непогода угрюмо.

Обнял Батюшка Север свою жонку, в бледные уста расцеловал жарко. Цветы расцвели алые и лазоревые. Всю землю ягоды и грибы покрыли. Всякому по нраву, коли жонка покладистая и неперечливая. Да только бабского смирения надолго не хватает. Как раз до осени. А следом Непогода за своё: норов показывает, ножкой топает, брови хмурит. То дожди, то снега напускает. А помор и им рад: когда всё хорошо — тоже плохо.

ПТИЦА ГОРЕ

Был у одной поморской жонки, Пелагеи, сынок Андрияшка. Кудрявый, точно верба весной, с лица бел, статью худ. В поздней радости своей вдова горечью горькую по потере мужа забыла. Всё оберегала Андрияшку: от сиверка, волокуши и другой непогоды, от глаза косоного, от слова хитрого, от всякого худа. Но как исполнилось сынку осемнадцать лет, вошёл он в артель полноправным, а не на подхвате, стал он мать укорять за заботу.

— Надо мной каждый плотник и парусник насмехается. Девки на вечорках в кулачок прыскают.

— А ежели с тобой беда приключится, кто обо мне, старой позаботится? Зубоскалы твои али доброхоты?

Махнёт рукой Андрияшка, устанет спорить.

Примечали люди, что над берегом иной раз гагара летает, гнезда не вьёт, а над дымом избяным кружит. И зябко на душе от вида той птицы, точно ищет она, кого не теряла.

Стал Андрияшка в море ходить, по два месяца, да и по три. Мать всё на берегу стоит, голомяных вестей дожидается. Все жонки мужей и сыновей выглядывают, но Пелагея пуще всех. И за это соседка Дунька ругает её, но Пелагея только брови супит.

— У тебя в дому Ивашка да Коляшка, Архипка да Пашка. А у меня один-разъединый, никем не заменить.

— Безразумная ты, Пелагея! — говорила в сердцах Дунька, — Если мой Ивашка или Архипка сгинет, неужто моё сердце болеть не будет?

— А всё ж не так. Утешится быстрее. А мне хоть в домовину заживо ложиться.

— Грех так говорить, — вторила старостина жонка, — вон Мирошка-погорелец у церкви сидит с кружкой, а всё ж не отчаивается. Птицу-горе от себя прогнал.

Не знала тогда Пелагея, что за птица такая, в ум её никакие мысли не шли, одна лишь тревога была за Андрияшку.

Вот один раз вернулась артель, а мать на берегу сына не встретила. Идут поморы, от Пелагеи лицо отворачивают.

— Где мой сыночек, моя кровиночка? Что же вы молчите, языки отсохли? — спрашивает Пелагея, а голос дрожит.

Подошёл к ней староста и шапку снял, мнёт в мозолистых пальцах. Рот в бороде точно дыра чёрная, и слова в ней проваливаются.

— От смерти не отомолиться. Земля — матушка, а море-окиян — мачеха. Вышло нас пятнадцать на одном карбасе. Бурю на островке пережидали, две недели за камни держались, вода нас с головой накрывала. Вот таким взводнем и смыло Андрияшку. На другой день мы изладились плыть домой с попутным ветром. К жонкам пустые пришли, снасти в море смыло, рыбку от нас отогнало. Уж прости, Пелагея.

Сказал так и шапкой глаза вытер. А у матери глаза сухие остались, потому что не поверила она ни одному его слову. Как так? Почему её кровиночку смерть забрала? Вон, Ивашка годами стар, Парамошка на культе прыгает, Филимона от водянки раздуло. А её вербочку кудрявую, солнышком поцелованную, разве может костлявая в свой утлый карбас пересадить?

Стала Пелагея по берегу день-ночь ходить. И увидела меж камней раненую гагару, ту самую, что летала по-над дымом избяным. Лежала краснозобая птица, слабо крыльями била. Взяла мать её и в избу отнесла.

Птица крыльями бить перестала, к материнской груди приникла и тоненько клювом защёлкала. И почудилось Пелагее, что рассказывает ей гагара о сыночке Андрияшке, который на золотой лодочке да под белым парусом плывёт по лунной дорожке в сторону Груманта, где ели высокие, пещеры глубокие, а на камнях жижки с серебряными глазами.

Вот живёт гагара у Пелагеи, никуда не торопится. Кормит мать её полбой варёной, сухую рыбку в квасе размачивает. Сама не ест, кусок гагаре подкладывает. А та всё щёлкает и посвистывает. Как на Груманте дороги ледяные, а дома тёсом обшитые, печи в них по три аршина в высоту да по пять в ширину. Хлеба там пекут пудовые, а брагу варят медовую. И потчуют всех путешествующих, а особенно заблудших, кто домой дорогу забыл.

Стали соседи примечать, что Пелагея из дому почти не выходит, а если выйдет, так ненадолго. Козы её блеют голодные, куры друг у друга лапы клюют.

Пришла Дунька и сказала, что её Пашка согласен плетень починить, дров наколоть, а Марьяшка коз на выпас выгнать. Принесла сметаны и кусок кулебяки. Не горюй, мол, Пелагея, вокруг люди.

Пелагея даже не взглянула на соседку. Только кулебяку взяла и раскрошила для гагары. А та мигом склевала и одним глазом на соседку так зыркнула, у той аж сердце в пятки ушло.

Дверью Дунька хлопнула, но в свой двор не пошла, встала под окошком и заглянула к Пелагее в горницу. Сидит горемычная, гагару обняла, голову её клювастую себе на плечо положила и перья оглаживает. Со страху Дунька концы платка закусил и побежала к старосте. Стала рассказывать, что Пелагея умом тронулась, гагару как младенца нянчит.

— Это и есть птица-горе, — сказала с печи старостина жонка, — бывает чайкой, бывает уткой, а когда и крачкой. Прилетает в пустое гнездо. И будет в нём жить столько, пока всех не изживёт.

— Пелагея думает, что подранка спасает, а её саму спасать надо, — сказал староста и пошёл к ней.

Только его Пелагея и на порог не пустила.

— Ты моего сыночка не уберёг, как смеешь ко мне являться? Вот я тебя лыскарем-то и наверну, чтоб забыл тропинку.

— Не хочешь со мной по-доброму, себя пожалей. Выгони птицу-горе, крылья у ней оправились, пускай летит прочь.

— Не выгоню. Она мою сиротскую ночь стережёт, сиротский день украшает. Песни поёт про счастливую мызу на Груманте, где всего вдоволь — и ржи, и пшеницы, и зверя пушного, и олешек, и зверя морского, и рыбы всякой. Живёт там мой Андрияшка, приветы мне шлёт.

— Утонул твой сынок, смирись! — крикнул староста. — А не то позову старух и большух, чтобы с иконами посолонь твой дом обошли. Вон, Мирошка-погорелец без отца растёт, под церковью милостыню просит. Ему куда как хуже.

— Что вы все об Мирошке? У меня своё горе!

Перед носом у старосты дверь захлопнулась, а Пелагея вернулась в дом и на лавку села. Нет уже ни муки, ни полбы. Кашу варить не из чего, а гагара смотрит большим черным глазом и крыльями сердито хлопает. Подобрала жонка рукава и руку гагаре протянула. Клюнула птица-горе синюю венку, клюнула второй раз, напилась и ласково защёлкала. Стала Пелагее новую сказку сказывать про пещеры глубокие, в которых алмазы блескучие по стенам рассыпаны, как звездочки на небе. За один драгоценный камень на ярманке можно тройку лошадей купить, с упряжью и каретой. Закрываются глаза у Пелагеи, в сон её клонит.

Кто-то трогает её сухое плечо, гладит морщинистые пальцы.

— Отдай мне птицу-горе, — говорит детский голосок, — у тебя сына море забрало, у меня тятю. Один я теперь. Буду о ней заботиться, лелеять её.

Открыла глаза Пелагея и видит Мирошку, про которого староста намерен был сказать. Стоит мальчонка кудреватый, в рубашке запатранной, вместо пояса верёвка. Ни лаптей, ни зипуна.

— Жонки сказывали, что ты сам прогнал птицу-горе. Прогнал, а теперь выпрашиваешь? Или меня от неё спасаешь?

Молчит Мирошка, не знает, что и сказать, врать заковыристо не приучен. С ноги на ногу переминается.

Думает Пелагея: «Отдать птицу-горе Мирошке? А чем он её кормить будет? Заклюет она мальчонку вмиг. А меня уж не жалко».

А гагара уж крыльями бьёт, чёрным глазом блестит, как алмазом грумантская пещера. Мало ей крови, ещё требует. Стала Пелагея ворот у платья рвать. Можно птицу-горе к груди приложить, в сердце много будет горячей крови.

Вытащил Мирошка из-за пазухи церковную кружку, да и ударил птицу-горе в голову. Помутнело у Пелагеи в глазах, а когда туман рассеялся, то увидела она горстку пепла да жжёного перья на столе вместо жадной гостыи.

Принялась Пелагея искать по избе птицу-горе, но той и след простыл. Следом к ней жонки пришли, стол выскоблили, на лавки окутки постелили, по углам пауков погоняли, в печь чугунок с картошкой поставили.

Хотелось Пелагее повить, попричитать. Но рот точно запечатали. Видит она, что Мирошка без тяти растет, Устинья мужа схоронила, Дунька на один глаз слепая. Завидовать, да и жаловаться некому. Только из окна видна птица-горе, жива-живехонька. Кружит гагара над морем, рыщет по берегу, то взлетает, то камнем вниз падает. Ищет новое гнездо, куда бы сесть.

— Не хочешь от людей добра, — сказал староста, — так сама добро делай. Не к себе жалостью живи, а к другим.

Долго Пелагея над этими словами думала. Посмотрела на паперть, где Мирошка сидит, и так-то его кудрявая головушка напомнила матери сгинувшего Андрияшку.

— Твоя изба сгорела, а моя опустела, — сказала она, — приходи жить. Буду как родного сына жалеть.

— Жалость твоя губит, а не любит, — ответил ей Мирошка, — но работником пойду. Ежели в скит надумаю — не удержишь, а в артель решу — не привяжешь. Только так.

Кивнула Пелагея и услышала шелест крыльев. Это взлетела с берега гагара, покружила над дымом избыным, поднялась вверх, превратилась в чёрную точку и вовсе пропала.

ЖИЛИ ДОЛГО И СЧАСТЛИВО. ВСЕГДА ЛИ ТАК ЗАКАНЧИВАЕТСЯ СКАЗКА?

Заслуженный деятель искусств В.А. Шестаков в одной из своих работ даёт простое определение сказки: «Это эпический литературный жанр, повествование о каких-либо волшебных или авантюрных событиях, которое имеет чёткую структуру: зачин, середину и концовку. Из любой сказки читатель должен извлечь какой-то урок, мораль».

И если каждая сказка имеет концовку, то всегда ли она о том, как жили долго и счастливо?

Можно предположить ошибочность бытующего представления об исключительно шаблонном окончании сказки. Вы удивитесь, насколько разными бывают концовки, и как зависят они от того, является ли сказка авторской или записанным устным рассказом, какова национальность и принадлежность к определенной культуре сформировала подход рассказчика к изложению истории, какова цель рассказчика и жанр сказки (бытовая, волшебная, сказка о животных и так далее).

Пестрота и красочное многообразие сказочного материала приводят к тому, что любая классификация затруднена. И чем больше исследователи погружаются в тексты, тем меньше ясности в данном вопросе.

С определенностью следует сказать, что концовка сказки призвана решать задачу рассказчика. В сказках-былинах, эпических повествованиях мы встретим обращение к добрым молодцам, приглашение на пир. То есть помимо разрешения сюжетной коллизии, присутствует ритуальная завершительная фраза, обращённая к адресату.

В литературных авторских сказках мы чаще встретим формализованное участие рассказчика в пиршестве, чем в сказках, записанных за народными сказителями. «Я там был, мед, пиво пил — и усы лишь обмочил» у А.С. Пушкина встречается дважды: в «Сказке о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди» и в «Сказке о мёртвой царевне и семи богатырях». Емுவторит П. П. Ершов в знаменитом «Коньке-Горбунке»: «Я там был, мед, вино и пиво пил; по усам хоть и бежало, в рот ни капли не попало».

И всё же, где в народных сказках встречаются те самые концовки, которые у всех на слуху? Где тот рассказчик, что сидит на пиру, а по его усам течёт мед-пиво? Там, где по утверждению В.Я. Проппа, читателей приглашают на пир. После эпического сражения, завоевание царства, успешного добывания невесты или сказочного артефакта. Эти концовки являются вариантом «Жили долго и счастливо», потому что мы узнаем из текста о разрешении всех сюжетных конфликтов и получаем демонстрацию счастливого итога — пиршества победителей.

Но, если мы проанализируем остальной массив сказок, то такого традиционного окончания не найдём, более того, основная масса концовок не имеет формулярного характера.

В сказках, записанных в Олонецкой или Архангельской губернии, зачастую сказка завершается утверждением: «Сказка вся, больше врать нельзя» или «Всё». Сказитель выступает в роли проводника между волшебным миром и миром слушателя, потому что он словно не вправе добавить от себя лишнего.

В сказках, записанных исследователями, в текстах которых имеется значительная обработка материала, встречаются «рамочные» зачины: «В некотором царстве, в некотором государстве» и концовки: «Вот и сказки конец, а кто слушал — молодец» или «Стали жить-поживать и добра наживать». Как отмечает крупнейший советский фольклорист Э.В. Померанцева, «Установка на вымысел ярко проявляется в зачинах и концовках. Зачины обычно подчеркивают неопределённость времени и места действия (в противоположность мифам и первобытным сказкам), а концовки (часто с помощью применения категории невозможного) намекают на то, что сказка — это небылица».

Заметим, что, если в сказке приключения героев не связаны с подвигами, а скорее касаются преодоления собственных недостатков, ошибок и страхов, концовки сказок очень вариативны. Они служат цели разрешения сюжетной коллизии и одновременно воспитания слушателя. Вне зависимости от степени чудесного в тексте, герой сказки транслирует мораль рассказчика, и в концовке недоверчивый или неопытный слушатель лишен возможности сделать самостоятельный

вывод. К примеру, в бытовой норвежской сказке про завистливых «умных» братьев, которая называется «Пер, Пол и Эспен-Замарашка» концовка содержит мораль: «Перу с Полом ещё повезло, что они без ушей остались. А не то горько б им было слушать, как народ Эспена хвалит». В румынской сказке о животных «Коза с колокольчиком» концовка такова: «Пошла коза с горя траву щипать. Прыгала, скакала, головой мотала, но раз колокольчика нет, то и звенеть нечему». В китайской сказке «Как проучили лисицу» есть предостережение, вытекающее из смысла сюжета: «Об опасности и во сне не забывай. Удаче радуйся в меру, а то можно и оступиться. Ну, а станешь веселиться — вспомни про зайца с порванной губой!»

Но разве волшебные сказки лишены морали? Конечно, это не так, и потому во многих сказках мы с большим удовольствием находим указание на то, что храбрость, доброта и находчивость вознаграждены, а зло наказано. Концовка тоже выполняет функцию этического вывода, так в сказке «Сестрица Алёнушка и братец Иванушка» видим такое торжество справедливости и правосудия: «А козленочек от радости три раза перекинулся через голову и обернулся мальчиком Иванушкой. Ведьму привязали к лошадиному хвосту и пустили в чистое поле». В белорусской сказке «Волшебная дудка» содержится многообещающий конец: «Играет дудка, играет, панов тревожит, а придёт пора — их всех уничтожит». В итальянской сказке «Волшебное кольцо» (кстати, кочующий сюжет) делается такой вывод: «Юноша привез во дворец мать, и все они зажили счастливо. Но он редко пользовался кольцом, думая: «Не годится человеку без труда получать всё, чего он ни пожелает».

Мораль сказок, выраженная в концовке, очень зависит от мировоззрения и культуры родины сказки. Окончания восточных сказок, в частности японских и китайских, часто отражают буддийские и даосские концепции кармы, цикличности жизни, непостоянства и трансформации. Так в японской сказке «Урасима Таро» рыбак проводит несколько дней в подводном дворце, но на земле проходят сотни лет. Вернувшись, он открывает подаренную шкатулку, мгновенно стареет и умирает. Это трагическое, но философское окончание, подчеркивающее быстротечность времени, необратимость выбора и непостоянство земного существования. В китайской сказке: «Подвиг Гао Ляна» сказано в конце текста: «Смелый Гао Лян утонул, но слава о нём не умерла — она живёт в легендах и песнях. А жители Пекина на мосте гибели героя поставили мост».

В большей степени концовка сказки относится к её сюжету и (в крайнем случае), к рассказчику, который причисляет себя к сторонним наблюдателям. Весьма редко концовка не связана с историей как таковой. Знаменитый фольклорист В.Г. Богораз, который занимался собирательством и изучением чукотского фольклора в начале двадцатого века, обнаружил такую концовку: «Я убил ветер». Она появляется в любой истории по воле сказителя. В.Г. Богораз даёт объяснение этой странной формуле: «На берегах, населённых чукчами, ветер и дурная погода продолжают неделями, препятствуя всякой охоте и путешествию. В продолжение таких дней люди остаются во внутреннем пологе шатра и во время непроизводительного досуга рассказывают бесконечные истории. Рассказывание рассматривается как магическое средство успокоить ветер. Эта идея и выражена в концовке.

В армянских сказках частым концом является формула: «С неба упало три яблока: одно сказателю, другое тому, который заставил сказывать, третье — слушателю».

Следует заметить, что распространенное заблуждение о том, что большинство сказок заканчивается «жили долго и счастливо» следует развенчать окончательно. Вместе с этим, вполне доказательно утверждение А.И. Никифорова о высокой роли личности в создании сказки. Если сказка имеет шаблонную концовку, выражена в типичной застывшей фразе-формуле, то следует утверждать о том, что это следы профессионально-цеховой поэтики сказок и высокой технической подготовки тех, кто участвовал в создании сказок.

Значит, «жили долго и счастливо» — это вовсе не обязательная часть структуры волшебных сказок. Как указывал В.Я. Пропп в труде «Морфология волшебной сказки», о том, что «устойчивость строения волшебных сказок позволяет дать гипотетическое их определение, которое может гласить следующим образом: волшебная сказка есть рассказ, построенный на правильном чередовании приведенных функций в различных видах, при отсутствии некоторых из них для каждого рассказа и при повторении других». Иными словами, в сказке есть конец, а кто слушал — молодец.

ЗАГАДКИ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ



Андрей ДМИТРУК
г. Киев

Член Национального союза писателей Украины, Союза писателей России, Союза писателей Крыма и Национального союза кинематографистов Украины. Писатель-фантаст, сценарист кино и телевидения, поэт, публицист, общественно-политический деятель. Родился и живёт в Киеве. Окончил в Москве сценарный факультет Всесоюзного государственного института кинематографии (ВГИК). По сценариям Андрея Дмитрука снято свыше полутора сотен научно-популярных, документальных и художественных фильмов. Автор многих книг и научных работ, в том числе фантастических романов «Битва богов», «Смертеплаватели», «Защита Эмбриона», «Суд Осириса».

ПЕВЕЦ НЕСБЫВШЕГОСЯ

К 145-летию со дня рождения Александра Грина

*Он жил среди нас, этот сказочник странный...
Виссарион Саянов*

ПО ЦЕНЕ НЕБЕСНОЙ ЗАРИ

Однажды летом 1868 года почтенный аукционист Джозеф Лейтер, продавший на своём веку не одну тысячу картин, в разгар очередных торгов повёл себя более чем странно. Посмотрев на великолепный рисунок обнажённой женской руки, Лейтер рассмеялся и сказал: «Этот рисунок должен быть куплен безусловно по цене небесной зари»...

...Не та ли самая рука, что даже в изображении перевернула душу тор-

говца, тенью заслонила Томаса Гарвея и статую Фрези Грант от удара чугунной болванки? Рука — символ защиты; рука женщины-богини, сильной, прекрасной и недостижимой, той, что, быть может, являлась в хмельной тоске одинокому потерянному мечтателю. В жизни он так и не встретил подобной женщины. Никакая Бегущая по волнам не села в утлый челн его судьбы, чтобы ободрить и спасти. Были совсем другие. Напоследок склонилась над ним одна, полная жертвенности...

Но об этом — позднее.

Итак, Джозеф Лейтер, усомнившийся в том, что любой шедевр может быть оценен деньгами и тем посягнувший на устои своего общества, был, конечно же, объявлен сумасшедшим и отправлен в лечебницу. Оттуда он бежал — и, очутившись вдали от любого жилья, среди лесов, получил нежданное, непомерно мощное подтверждение своих взглядов. «Пред ним блистало подлинное произведение чистого и высокого искусства, брошенное, подобно аэролиту, — телу непостижимой звезды, — в стомильные дебри лесной пустыни». Возможно, впервые представ человеческому взгляду, неведомо кем и для кого возведённая, зато свободная от меркантильных расчётов, интриг и зависти, в чаще высилась беломраморная скульптурная группа. Весёлые молодые женщины сбегали к ручью, одна же подняла лицо к небу, словно ждала оттуда некоей вести... Так об этом говорится в рассказе Александра Грина «Белый огонь».

Наследие писателя в чём-то подобно этому сокрытому от глаз изваянию. О его высоком и оригинальном даровании говорили разве что самые умные из коллег: так, уже после смерти Грина, в 1933 году, издать собрание его сочинений призывали в коллективном обращении Александр Фадеев, Николай Асеев, Эдуард Багрицкий, Валентин Катаев, Леонид Леонов, Юрий Олеся, Михаил Светлов... Долгое время его рассказы и романы были почти неведомы читателю; затем некоторые из гриновских вещей, прежде всего «Алые паруса», попали в волну «романтической» моды начала 1960-х, переиздавались, экранизовались, даже дали название парфюмерной фабрике, — прочие же, поразительные по глубине и символи-

ческой силе тексты оставались разовыми забытыми публикациями. Когда, наконец, издательство «Правда» взяло на себя подвиг издания шеститомника, — составителям пришлось вытаскивать из бумажных гор газету «Биржевые ведомости» за 1908 год и «Новый журнал для всех» за 1909, книгу «Загадочные истории» (1915) и газету «Честное слово» (1918)...

ВРОВЕНЬ С ГИГАНТАМИ

За десятки лет почти полной неизвестности его успели назвать «осколком иностранщины», фантазёром, далёким от задач социального строительства, эпигоном, подражавшим всем подряд — Жюлью Верну, Эдгару По, Роберту Л. Стивенсону...

Но вот что более чем занятно.

В году 1926 один из «отцов» американской литературы ужасов, полубезумный гений Говард Ф. Лавкрафт пишет рассказ потрясающей силы — «Фотомодель Пикмана». Художник Ричард Пикман, у которого покупатели и галереи весьма неохотно берут его мастерски выполненные, однако жуткие по содержанию картины, в своей мастерской для собственного удовольствия и показа ближайшим друзьям держит вещи вовсе кошмарные. Самое «безобидное» из этих полотен изображает пир оборотней на кладбище...

А за одиннадцать лет до того в русском журнале «Современный мир» появляется новелла Грина «Искатель приключений». Живет себе благополучнейший помещик Доггер, счастливый в делах и в семейной жизни; исповедует принципы мудрой умеренности: «В политике я стою за порядок, в любви — за постоянство, в обществе — за незаметный полезный труд». И вдруг оказыва-

ется, что этот титан посредственности втихомолку «балует» кистью, да как! В запертой от всех комнате — набор холстов с чудовищными сюжетами и папок с рисунками, представляющими «реку, запруженную зелёными трупами... сцены разврата, пиршество людоедов, свежую толстяка»...

Конечно, я не сомневаюсь в искренности и самобытности творчества Лавкрафта, а также в том, что первый номер «Современного мира» за 1915 год вряд ли попал в руки американского фантаста, и русского-то языка не знавшего. Хотя — всякое, конечно, бывает...

Ещё пример. В годы, довольно близкие к настоящему времени, американец Стивен Кинг, также признанный «король» ужасов, публикует рассказ «Грузовики». Типичный кошмар буржуазного писателя, живущего там, где автомобиль — чуть ли не религиозный фетиш. Огромные грузовые машины, вдруг обретая нечто вроде собственной психики, движутся сами и расправляются со своими бывшими хозяевами. Но по крайней мере на полсотни лет раньше, в рассказе «Серый автомобиль», Грин живописует вполне демонический и почти самостоятельный бензиновый экипаж, окутанный атмосферой зла...

Опять-таки, я менее всего намекаю на то, что уроженец штата Мэн Стивен Кинг может оказаться тайным любителем русского автора, Александра Грина. Из двух описанных случаев можно сделать один вывод: вятский «подражатель», «любитель иностранщины» включился в главное течение мировой литературы и оперировал темами и сюжетами, которые и других мастеров пера, где бы они ни жили, не оставляли равнодушными. То есть, шёл вровень с признанными талантами, а то и опережал их.

...Боюсь, что роман Александра Беляева «Ариэль» имеет более непосредственную связь с изданным за 18 лет до него «Блистающим миром». Нет, не плагиат, конечно, — Беляев, крупный и оригинальный писатель, в нём не нуждался. Но тематическое и сюжетное заимствование просматриваются. Вплоть до того, что оба человека, летающих силой воли, без всякой техники, — и Друд, и Ариэль, — выступают в цирке...

А вот пример, так сказать, «от обратного». Известно, что два Александра, Грин с Куприным, дружили, встречались многократно, наверняка показывали друг другу свои новые вещи. Так вот: Куприн в 1912 году помещает в журнале «Весь мир» небольшой рассказ «Исполыны». Содержание весьма просто и многозначительно: мещанин от педагогики, заурядный педант, гимназический учитель литературы Костыка спяну начинает... экзаменовывать портреты гениев земли Русской — Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского. Делает им выговоры за «нехристианские чувства» и «осмеяние предрассудков властей», выставляет позорные оценки... Год же спустя журнал «Солнце России» выходит с рассказом Грина «Жизнеописание великих людей». Два маленьких человека, некто Фаворский и Чугунов, азартно играют в карты, за отсутствием денег, на книги. И вот какой между ними идёт диалог: «— Свифт и Мольер! — Прикуп. Четыре!.. — Кого ещё? — Байрон. Нет, стой: полтинник. Байрон, Наполеон, Тургенев, Достоевский и Рафаэль». Фаворский, ощутив на момент, что происходит жуткая профанация святынь, говорит сопернику: «Мещанин, ты дьявол!». И получает невозмутимый ответ: «Нет-с, Чугунов. Мы по лесной части»...

Что это? Полуплагиат? Упражнение Грина на тему, удачно открытую талантливым другом? Уверен, что не было ничего подобного. Просто «свинцовая мерзость» тогдашней жизни, убивавшей человеческий дух, родила в душах двух чутких творцов весьма подобные образы: бессознательное опошление людишками-лилипутами непонятных им культурных сокровищ.

Куприн был неизмеримо более «раскручен», известен читающей России, — но Грин, как писатель, шёл, не отставая ни от закадычного друга, ни от иных могучих, честных отечественных реалистов. Пока не была создана «страна Гринландия», не зашумели паруса в портах Лисса и Зурбагана, будущий сказочник писал отличную бытовую, социальную прозу.

«Иногда он приводил к себе женщину и запирался с ней. Являлись слуги, ставили на стол всё, что требовала она, часто голодная и нетрезвая, и скромно уходили, неслышно ступая мягкими, дрессированными шагами. Он пил, оглушая себя, женщина садилась против него, охорашиваясь и оголяя локти. Снимала шляпу с цветными, красивыми перьями, трепала его по щеке и говорила:

— Давай чокнемся. Ты, душечка, сердитый? Отчего так?»

Право слово, не то Горький, не то Гиляровский с его описаниями московского обывательского и трущобного жития, не то, опять же, Куприн, автор «Ямы» и «Реки жизни». И вместе с тем — никто из них! Сжатый в немногие годы, разнообразный и тяжелый опыт, острая наблюдательность, небезразличие к бедам и проблемам людским, — этим отличался Грин с первых написанных им страниц.

Но это ещё не был ОН. Единственный и неповторимый.

ПОПЫТКА К БЕГСТВУ

Саша Гриневский пришёл на свет 23-го, по новому стилю, августа 1880 года, в семье ссыльнопоселенца — поляка, задолго до того высланного в Вятскую губернию за участие в польском восстании. Отец, сломанный на всю жизнь насилием и несвободой, был помощником управляющего пивоваренным заводом, запойным пьяницей; мать, рано состарившаяся, заезженная домашними заботами, возилась с бедным хозяйством и детьми, стоня на последних своей горе и злостью. Поначалу жили в городишке Слободском, затем в самой Вятке. Какова была тамошняя жизнь, явствовало из того, что город сей издавна был местом ссылки; там томился в своё время ещё Александр Герцен, проклиная окружавшую его «удушливую пустоту и немоту».

Диво ли, что Саша, которого ребята в школе дразнили «Грин-блин», рано стал уходить от постылого бытия в чтение? Что увлекался магией и алхимией, искал философский камень? Что с наибольшим удовольствием глотал он книги, переносившие в мир небудничный, полный романтики и героизма? Первой книгой, самостоятельно прочитанной Гриневским (в пять лет!), стали «Путешествия Гулливера». А потом... «Майн Рид, Густав Эмар, Жюль Верн, Луи Жакко были моим необходимым насущным чтением... По предметам, требующим не памяти и воображения, а логики и сообразительности, двойки и единицы; математика, немецкий и французский языки пали жертвами моего увлечения чтением походов капитана Гаттераса и Благородного Сердца.»

...Но — и это почти мистика — за-долго до того, как Саша научился различать буквы, он сказал одно-единственное слово. Первое слово в жизни. Сказал его младенцем, поразив мать и отца. Он, «вятский уроженец», сын сухопутнейшего из сухопутных краев, дремучей российской глубинки, вдруг вымолвил — не банальное «мама» или «баба», а слово «МОРЕ»...

Удрать из дому хотелось нестерпимо. Едва достигнув двенадцати лет, мальчик стал хаживать с ружьём далеко в лес и на озёра, там часто после охоты ночевал у костра. Скоро умерла мать; отец, уже обременённый сыновьями и дочерьми, приискал новую жену, с ребёнком; затем у четы Гриневских родился ещё один, общий малыш... Бедность становилась убийственной. Развлекательные отлучки Саши волей-неволей превратились в хождение за заработком. Какую-никакую копейку он начал приносить, устроившись в переплётную мастерскую, — но клеить переплёты показалось занятием скучным. Тогда Саша устроился в местный театр, переписчиком ролей. Порой Гриневского выпускали и на сцену... но лишь для того, чтобы доложить в качестве лакея «Карета графа!» или заорать в массовке «Хотим Бориса Годунова!»...

Наконец, дождавшись своего шестнадцатилетия, Александр уехал в Одессу. По его собственным словам, моряки, приезжавшие к родственникам в Вятку, волновали Гриневского до слёз одной своей флотскою формой. Он мечтал наняться матросом. И вот, впервые со дня рождения Саши, к ногам его, зашипев среди гальки Ланжерона, прильнула кружевная волна...

Я ЕГО НЁС В СЕРДЦЕ СВОЁМ

«Плавающие и путешествующие» Грина (школьную кличку он сделал писательским псевдонимом, английское green — «зелёный» — здесь ни при чём) в его прозе претерпевают весьма интересную эволюцию. Да, люди свободолюбивые, смелые, бросающие цивилизованную жизнь ради опасных странствий и захватывающих приключений, стали его героями чуть ли не с первых рассказов. Но как меняются эти люди из года в год!..

Начальные «гринландцы», да и персонажи из реальной русской жизни («Гринландия» вытесняла Россию постепенно, пока, в 20-х годах, не вытеснила полностью) отличались решительностью, порою доходившей до жестокости, смелостью, буйством воображения, предприимчивостью настоящих землепроходцев и — крайним эгоизмом. Матрос Тарт из рассказа «Остров Рено», «человек крайне самолюбивый, бесстрашный и стремительный», безусловно, сильная и яркая личность, решив остаться на тропическом необитаемом острове, заявляет другом матросу, посланному за ним с корабля: «Я жить хочу, а не служить родине. Как? Я должен убивать лучшие годы жизни потому, что есть несколько миллионов, подобных тебе? Каждый за себя, братец!»

Другой персонаж, Рег (имена, заметьте, твердые и короткие, как выстрел), действует и изъясняется ещё откровеннее. Преодолев смертельные опасности, Рег («Синий каскад Теллури») получает в свои руки паспорт минерального источника, несравненно по своему целебному воздействию. Остаётся только обнародовать этот до-

кумент, чтобы Теллури стал мировым курортом. Но авантюрист говорит любимой женщине: «Я равнодушен к людям. В этом — моё холодное счастье... У меня есть своя жизнь — пропитывать её запахом лечебницы я не имею желания». И — выбрасывает бесценную бумагу...

Надо сказать, эти и подобные фигуры в российской (да и европейской) литературе начала XX века возникали довольно часто. Соблазна изобразить красивого, привлекательного своей играющей силою, обаятельного индивидуалиста не избежал даже молодой Горький, — вспомним Лойко Зобара и некоторых других его персонажей. А писатели второго и третьего сорта, вроде скандально знаменитого Михаила Арцыбашева с его жадным до наслаждений циником Саниным из одноименного романа, вообще воспевали воинствующий аморализм. Ветерком нищезанятия, культом «белокурой бестии» тянуло по Европе. Чувствуя растущее беспокойство, наиболее решительная буржуазия готовилась к боям; разумеется, образ храброго, независимого, не скованного общественными «предрасудками» борца за личное благополучие был востребован...

Но Грин, сын польского повстанца, человек, хлебнувший и рабочей доли, и солдатчины, и участи бездомного бродяги, — не смог навсегда остаться в тисках литературной моды. Он шагнул дальше. Его «большое Я», интуиция подлинного художника, подсказывает: построить своё счастье на отвержении всего человеческого, на презрении к тысячелетним нравственным ценностям, в одиночку, с оружием в руках, — невозможно. Вернее, нельзя постро-

ить такое счастье — и при этом остаться нормально мыслящим, полноценно чувствующим... Потому капитан Артур Грей из «Алых парусов», богатый и знатный юнец, бежавший почти что по капризу от рутины размеренной, скованной ритуалами жизни в родовом замке, и приходит, в конце концов, к непререкаемой для него истине. «Она в том, чтобы делать так называемые чудеса своими руками». Когда человек жаждет чуда, «сделай ему это чудо, если ты в состоянии. Новая душа будет у него и новая — у тебя».

Если какие-нибудь Ивлет или Аммон Кут довольствовались тем, что могли странствовать по свету, а подчас и преспокойно нарушать законы общежития, свысока глядя на «обычных», «маленьких» людей, — то герой «Кораблей в Лиссе», лоцман Битт-Бой, не менее волевой и самостоятельный, чем помянутые авантюристы, спасает чужие корабли из безнадежных ситуаций на море... скрывая при этом свою смертельную болезнь!

Удивительные изменения гриновского взгляда на главное в жизни, на моральный долг человека видны из простого сравнения его ранних рассказов с более поздними. Достаточно черствый и самодостаточный герой-одиночка Горн (снова имя-выстрел!) из «Колонии Ланфиер» всё же говорит, расчувствовавшись, о дикой местности, где он решил поселиться: «Было бы хорошо, если бы этот прекрасный лес сверкал тенистыми каналами с цветущими берегами, и стройные бамбуковые дома стояли на берегах, полные бездумного счастья, напоминающего облако в небе. И ещё мне хотелось населить лес смуглыми кроткими людьми... с глаза-

ми оленей и членами, не осквернёнными грязным трудом». Написанный тринадцать лет спустя рассказ «Сердце пустыни» повествует о том, как трое состоятельных бездельников, развлекаясь жестокими розыгрышами, выдумывают некое поразительное селение, обитель беглецов от цивилизации, якобы стоящую в глубине джунглей. Но жертва обмана, путешественник Стилль, сначала чуть не погибнув на ложном пути, подсказанном троими, затем в течение нескольких лет... воплощает фантазию. Селение возникает! «Красивые резные балконы, выходящая заросль цветов среди окон с синими и лиловыми маркизами; шкура льва; рояль, рядом ружьё; смуглые и беспечные дети с бесстрашными глазами героев сказок; тоненькие и красивые девушки с револьвером в кармане и книгой у изголовья и охотники со взглядом орла...» Десятки людей, не приспособленных к городской суете и фальши, сделал счастливыми Стилль. «Вы — турбина», говорит ему один из авторов розыгрыша. Затем происходит знаменательный обмен репликами между бездушным фантазером и основателем поселка:

«— Но е г о не было. Не было.

— Был... Он был. Потому, что я его нёс в сердце своём».

Что остается к этому добавить? Пожалуй, одно. Как-то раз 37-летний Грин решил своеобразно спародировать «себя раннего». Герой рассказа «Создание Аспера», весьма уважаемый член общества, судья Гаккер, не отважившись стать искателем приключений, придумал... благородного разбойника Аспера. Чтобы у населения не возникало сомнений в реальности его выдумки, Гаккер, не жалея средств и сил, повсюду оставлял приметы присутствия отваж-

ного и неуловимого бандита. Наконец, придя к выводу, что игра затянулась, судья кончает с собой, предварительно придав себе черты Аспера! Газеты пишут о гибели легендарного атамана... Пустота и скука подлинной жизни привели Гаккера к сложному и дорогому перевоплощению, — но, осуществив свой замысел, судья увидел, что роль блистательного эгоцентрика столь же пуста и скучна. И — перечеркнул свою жизнь вместе с ролью...

Кстати, о гриновских именах. Они совсем не придуманы — ради того, чтобы ввести читателя в заблуждение и заставить его поверить, что пишет иностранец. Это выдумка недоброжелателей. Чаще всего Грин дает героям вполне русские имена — или, по крайней мере, осмысленные для русского уха! Судите сами по десятку первых попавшихся. Тот же Горн — название духового музыкального инструмента; Эстамп из «Золотой цепи» — оттиск гравюры; капитан Дюк... да кто ж не знает одесского «Дюка», памятника герцогу Ришелье?! Кут — по-украински «угол» (Грин неплохо знал украинский язык, в рассказе «Капитан Дюк» есть и имя матроса Куркуль, т. е. сельский буржуа, кулак). Бенц — опять же, озорное одесское словцо; Картреф — сокращенное «карта треф», Скоррей — всего лишь слово «скорей» со вторым вставленным «р»; Пленэр — термин живописцев, «открытый воздух»... Красавица Коррида из «Серого автомобиля» — «тёзка» известного испанского развлечения, боя быков. Брамс, Гарвей, Шамполион, Дюрок — имена композитора, врача, египтолога, наполеоновского маршала... Ларчик просто открывался. Никакого намеренного эпатажа, просто — не без юмора — лёгкая мистификация.

Таков Грин.

МОРЕ, ЗОЛОТО И ТЕРРОР

Что же нёс в сердце своём 16-летний паренёк, однажды, подобно юному Артуру Грею, только без отцовского замка и капиталов в тылу, восторженно застывший на берегу моря?

Прежде всего, нестерпимую жажду бегства — от житейской пошлости, от серых вятских будней, от будущего, в лучшем случае озаменованного судьбой мелкого провинциального чиновника или учителя. Затем, страстное желание испытать себя в манящем, неведомом, в тех краях и положениях, что так ярко, ясно вставали со страниц любимых романов; стать бродягой по морям и континентам, узнать смертельные схватки и пылкую любовь, оглушить себя водопадом невероятных впечатлений...

Он смотрел на суету одесского порта, слушал «демонический вопль сирены» и ощущал, как «над гаванью — в стране стран, в пустынях и лесах сердца, в небесах мыслей — сверкает Несбывшееся — таинственный и чудный олень вечной охоты».

Но бытие окатило его не солнечными брызгами сбывшейся мечты, а тёмным варом разочарования... Юнги, полные решимости стать штормовыми капитанами, в Одессе никому не были нужны. Толпы нищих осаждали торговые суда в надежде получить хоть какую-нибудь работу. За жалкие собственные деньги Гриневскому удалось наняться учеником матроса на каботажное судно «Платон». Старая дымная калоша, не торопясь, переходила из порта в порт вдоль черноморского побережья. Однако и этого оказалось достаточно, чтобы заронить в юную душу зёрна, позднее проросшие упоительными «морскими» страницами «Бегущей по

волнам», «Алых парусов», маленькими шедеврами вроде «Кораблей в Лиссе»... Раз удалось Александру почти случайно побывать в Египте, в Александрии, — это и была, до конца дней, вся его «за-граница», все Зурбаганы и Сан-Риоли... Но даже оттуда, из короткой прогулки по пыльным улицам арабского города, где высоки ограды и глухи ставни окон, Гриневский принёс пряную фантазию. Матросам, наверняка поднимавшим парня на смех, он сообщил, что познакомился с дивной красоткой под чадрой, получил от неё розу и едва ушёл от выстрелов ревнивого бедуина...

Впрочем, смеяться над Александром было уже небезопасно. Мечтатель рос самолюбивым и ершистым. Однажды его ударил боцман — на ту пору подобная «учеба» была в порядке вещей; но Гриневский ринулся на обидчика с ножом... Живые черты тогдашних переживаний Грина легко углядеть на первых страницах «Золотой цепи». Строптивый, вспыльчивый и беззащитный юнга Санди Пруэль, укравший ведро с чужого корабля по приказу шкипера, носящий издевательскую татуировку, которую сделали, напоив мальчика, шутники-матросы, — это и есть Саша Гриневский на борту черноморского тихохода, в 1896 году...

Несмотря на все испытания, вчерашний подросток оказался настолько крепок, — а может быть, столь свято верил в своё Несбывшееся, — что и не подумал возвращаться домой, а отправился бродяжить дальше. Его, как и молодого Пешкова, охватила некая наркомания странствий, заставлявшая сравнительно легко сносить бедность, отсутствие крыши над головой, грязную работу. С Черного моря Гринев-

ский попадает на Каспийское: в Баку живёт босяк-босяком, ища случайного найма; спит в ночлежке, подобно героям горьковской пьесы «На дне». На базаре Саша приторговывал старыми вещами; рыбачил, в иные дни нанимался грузчиком, забивал сваи, был чернорабочим в пекарне... Как-то чуть было не взяли его на судно, да показался слишком оборван и грязен!

Довелось Александру в следующие годы и пожарным побывать (гасили огонь на нефтяном месторождении), и маляром, и банщиком, и поматросить на волжской барже... На самом исходе века 20-летнего странника занесло в Уральские горы. Там ждали золотые прииски: «Работал от зари до зари. На обед давался нам час, на завтрак полчас». Ждал завод, давший Грину понимание таких тёмных, изломанных рабочих душ, как у Евстигнея из «Кирпича и музыки», питавшего злобу «против светлых, чистых комнат, музыки, красивых женщин и вообще — всего того, чего у него никогда не было, нет и не будет»...

Зимой Александр валил лес, живя в избушке лесорубов вдвоём со стариком Ильей, вечно требовавшим, чтобы «грамотный» напарник рассказывал ему сказки. Вспомнив все, что смог, из «Тысячи и одной ночи», Андерсена, братьев Гримм, Гринеvский начал импровизировать. Бог весть, какие сюжеты тогда впервые сложились за слепым от мороза оконцем, возле печи, какие засверкали моря и паруса, позднее легшие на бумагу!..

Однако в целом жизнь его была груба. Скитания, порожденные жаждой впечатлений, стоили душе слишком дорого. Отуплял вынужденный труд ради куска хлеба; дурной пример да-

вали многие встречи с опустившимися, недостойными людьми. Заносило на нелегальные промыслы; сходилcя с ворами и бандитами, хмурыми безжалостными существами, отнюдь не похожими на романических Картуша и Рокамболя. Как-то приятель стал уговаривать Александра... перерезать ночью семью, приютившую их, и ограбить дом. Едва отвертелся... Гринеvский начинал запойно пить. Впоследствии это разрушило его первый брак — с Верой Калицкой...

Возжаждав хоть какой-нибудь определенности, в Пензе он добровольцем записался в армию. Узнал и эту сторону царской российской подлинности. В батальоне слыл «нравным», дерзил начальству, не позволял себя унижать старослужащим. Ротный сказал ему: «Хороший ты стрелок, Гринеvский, а плохой солдат». Тогда, в 1902 году, армию пытались «просветить» социалисты-революционеры, устраивали тайные сходки солдат, раздавали листовки. В хлестких революционных призывах, в угрозах проклятым угнетателям и обещаниях Царства Божьего на земле почудилось Гринеvскому всё то же Несбывшееся. Дав себя увлечь эсерам, он бежал из батальона. С агитационными заданиями посетил Нижний Новгород, пропагандировал революцию в Саратове, Тамбове, Киеве, Одессе, Севастополе...

Слава Богу, ему не доверили террор (хотя эсеровские вожаки и собирались сделать это). Грин не причастен к страшным и вполне бессмысленным «эксам», от которых гибли губернаторы и жандармские генералы. За ним нет мрачной славы людей, взорвавших карету министра фон Плеве и уничтожив-

ших посреди Москвы великого князя Сергея Александровича. Со временем он понял, что нет разницы между теоретиками террора, авторами «чахоточных брошюр и памфлетов», и маньяками-убийцами вроде чудовищного Блюма («Трагедия плоскогорья Суан»). Более того, самостоятельно пришёл к выводу, сделанному вождями серьёзной классовой борьбы. Терроризм бесчеловечен и безрезультатен. Герой рассказа «Маленький заговор» говорит о девушке-террористке, обречённой убить очередного сатрапа и пойти за это на казнь: «Ну, хорошо, её повесят, где же логика? Посадят другого фон Бухеля, более осторожного человека... А её уже не будет. Эта маленькая зелёная жизнь исчезнет, и никто не возвратит её».

...Но пока что ему суждено было выступать с речами в рабочих и солдатских кружках, перевозить из города в город чемоданы «чахоточных брошюр», передавать пароли вроде «Пётр Иванович кланялся», бегать от жандармов и... сидеть в тюрьме. Сначала Гринеvский попал в камеру в Севастополе, пытался бежать; затем, после амнистии, продолжил пропаганду в Петербурге, был опять схвачен, изведаль тюрьму и ссылку в Тобольскую губернию. Укрылся в родной Вятке (отец был ещё жив, помогал, чем мог); жил по чужому паспорту. Разоблачили. Сослали под Архангельск...

Весь этот жестокий опыт чистым золотом отлился в писательской судьбе. Великолепные зарисовки тюремного быта и тщательно подготовленного побега находим в «Дороге никуда». Но на душу ложились всё новые шрамы, и всё острее хотелось уйти от реальности — туда, «где знойная страна красотками цветёт». В край Несбывшегося.

КТО ПРИДУМАЛ СЛОВО «ЛЕТЧИК»?

Писал он чуть ли не с тех же лет, когда начал с ружьём ходить в лес под Вяткой. Сначала это были стихи, уныло-подражательные, о разбитых надеждах и быстро летящих годах, — мода на кладбищенскую поэзию соседствовала с культом «сильных личностей». Затем полились рассказы. Печатали его, что называется, через раз, то в журналах, то в газетах. Потом начали выходить сборники, — например, «Шапка-невидимка»: но все эти ласточки весны не делали, настоящая слава не приходила. Ну, есть такой «господин литератор» на Руси, А. Грин (он подписывался именно так или «А. Грин», но никогда не «Александр Грин»); чего-то сочиняет; Ремизов и Амфитеатров пишут «почище», их имена более известны, не говоря уже о Горьком, Куприне, Леониде Андрееве... В 1913 году петербургское издательство «Прометей» разродилось трехтомником писателя. Через много лет, уже в конце 1920-х, издательство «Мысль» взялось за выпуск полного собрания сочинений, но в начатом не преуспело: вышло лишь девять томов из предполагаемых пятнадцати. По сути, только шеститомник «Правды», начавший выходить в 1965 году, вообрал в себя всю известную прозу Грина: четыре романа, повесть «Алые паруса», «Автобиографическую повесть» и 180 (!) рассказов.

А фундаментального анализа всего, написанного Александром Степановичем, пожалуй, нет и до сих пор. Разве что новый век принесёт появление настоящего «гриноведения»...

«Беглец от действительности», «сказочник», — Грин на самом деле вовсе не столь однозначен. Он объёмен, многолик, и каждое лицо его писа-

тельского дара вполне самобытно. Он создал «Гринландию», разнообразный и внутренне непротиворечивый мир, что удавалось немногим авторам всех стран; в двадцатом веке — разве что Джон Р. Р. Толкиену. Но в той же мере, что к фантазерам-романтикам, Грина можно отнести к научным фантастам и даже — к мастерам художественной популяризации знаний! Беспредельно любознательный, увлекшись какой-либо научной сенсацией, он облакал её в чисто литературную интригу. Вот «Редкий фотографический аппарат» — новелла о том, как молния, и вправду имеющая загадочные свойства, помогла следствию, отпечатав на коже убийцы снимок местности вместе с трупом убитого. Шаровая молния, природа коей толком не объяснена и до сих пор, тоже влечёт рассказчика; тому свидетельство — маленький, отточенный рассказ «Белый шар». Вот рассказ «Тяжелый воздух», навеянный первыми удачами и катастрофами российской авиации: по мнению знатоков, именно в нём появилось новоизобретенное русское слово «лётчик»!.. А вот — изысканные этюды о таком новшестве, как синемаграф: «Забытое», «Как я умирал на экране»...

А жгучий интерес Грина к сложным и странным психическим феноменам? Трудно назвать другого писателя, отечественного или зарубежного, который посвятил бы столько страниц (и каких!) этим явлениям. «Загадка предвиденной смерти»: крайний случай стигматизации, т. е. телесных изменений, происходящих под действием самовнушения, — у приговорённого на плахе, уверенного, что топор палача сейчас опустится на его шею, сама собой отваливается голова. «Эпизод при взятии форта «Циклоп»: офицер заранее видит повисшую

в воздухе пулю, которая через несколько часов сражает его. «Бой на штыках»: под влиянием бешеной ярости солдат «выходит из себя», со стороны наблюдая, как он сам бьётся с противником. «Канат»: чиновник, страдающий манией величия и мнящий себя всемогущим, свободно проходит по натянутому на большой высоте канату, совершая трюк, доступный не всякому циркачу...

Наконец, «чистая» фантастика. Оказывается, Грин попробовал силы во всех её жанрах, расцветших лишь к середине XX века, а то и позже! Фантастика, ставящая свой классический вопрос «что было бы, если бы...»: «Земля и вода» — землетрясение в Санкт-Петербурге, гибель северной столицы. Символическая полумистика («Истребитель»): дюжина мужчин, слепых и беспомощных днём, по ночам превращается в профессиональную команду подводной лодки и топят корабли вражеского флота. Безусловное «фэнтези» («Фанданго»): сквозь полотно ожившей картины герой попадает из замерзающего города времён разрухи в тёплый и ласковый мир «Гринландии». (Опять вспоминается Стивен Кинг: через много десятков лет он тот же приём использует в романе «Мареновая роза»!) Фантастика почти что научная («Дуэль»): соперникам приходится выбирать между сильнейшим ядом и средством, дарующим организму бессмертие и практическую неуязвимость...

Грин свято верил, что люди рано или поздно научатся летать без каких-либо технических средств, левитировать, словно во сне; кстати, сны-полеты он считал наследственными, воспоминаниями мозга об атрофированной способности предков двигаться по воздуху. Отсюда — рассказ 1910 года «Состяза-

ние в Лиссе» (левитатор в свободном парении равняется с аэропланом и превосходит машину), а затем выросший из него, будто из семечка, «Блестящий мир».

Серьёзная эзотерическая мистика — «Крысолов»... Впрочем, об этой вещи мы ещё скажем отдельно.

ЭТИ ЛЮДИ СПОСОБНЫ УКУСИТЬ КАМЕНЬ

Во времена не столь давние наши критики и литературоведы любили делить писателей первой половины XX века на тех, кто «принял» Октябрьскую революцию, и тех, кто её «не принял». Первые — например, неоднократно упомянутый нами Горький — удостоивались бесспорных похвал; о вторых, как о том же Куприне, если они были талантливы, вспоминали с сожалением: мол, несмотря на свой ум и одарённость, не сумели понять благую суть происходящего, чаще всего — бежали от революционных потрясений в эмиграцию...

Грин, как, скажем, и Михаил Булгаков, не принадлежит ни к тем, ни к другим. Необходимость и неизбежность крутых перемен в империи, где царизм давно уже стал красочной ширмой, прикрывавшей реальную власть хищников, казнокрадов и спекулянтов, была ясна каждому мыслящему человеку. Но и автор «Мастера и Маргариты», и певец «Блестящего мира» представляли себе эти перемены более возвышенными, а может быть, и более упорядоченными, бескровными, «стерильными», нежели сделала революцию история. Быть может, им виделось скорее обновление нравственное, чем грандиозная социальная анастрофа* ... Не будем здесь

доискиваться, почему так произошло. Важно другое: люди (да и власть) 20-х — 30-х годов, строители новой жизни, порой просто не могли понять и принять художников, видевших свою революцию. Великий исторический слом дал новую энергию творцам, — но их произведения отражали его, этот слом, в непривычной и парадоксальной форме. Началось отчуждение «неправильных» авторов от писательской среды, своеобразный остракизм...

Отвлечённым, «парящим в облаках» романтиком бывший эсер Гриневский назван быть никак не может. Он знал врага уже давно — и давно представлял себе, к каким идеалам надо стремиться. Грин вполне, даже остро социален: но, отвергнув кровавую бессмыслицу террора и не придя в восторг от будней тяжкого постреволюционного строительства, он выбрал свою позицию по отношению к старому, проклятому им миру.

Ему представлялось добровольное объединение честных, чистых помыслами, сердечных людей против чёрствых корыстолюбцев. В этом Грин почти следовал Льву Толстому: если плохие люди объединяются, то почему бы не сделать этого и хорошим?..

Заметим, что «Гринландия» — отнюдь не общественная утопия, не Город Солнца. Прежде всего, в ней есть война, столь же бесчеловечная и разрушительная, как и в Европе 1914-1918 годов. Война бросает свой хмурый отсвет на многие рассказы, — но, вероятно, нигде отвращение к её поджигателям и сочувствие к страдающим народам не выражены так полно, как в «Отравленном острове». Любимая тема Грина — райский тропический остров, далё-

кий от цивилизации, океанское «сердце пустыни»; колония из нескольких десятков счастливых, живущих просто и естественно... И вдруг заплывший на остров Фарфонт, досужий болтун-моряк красочно описывает колонистам Великую Войну! Смакуя, сообщает, сколько человек на месте может уложить тяжелый снаряд, как сражаются на море броненосцы, а сверху падают авиабомбы... И — чёрное дело сделано. Отравлены ужасом детски доверчивые, благодушные островитяне. К ним приходят кошмарные галлюцинации: жителям Фарфонта мерещится, что их рай атакуют страшные летательные аппараты, ползут к деревне невидимые разведчики, мечутся вокруг острова тёмные призраки-корабли...

Всё оканчивается коллективным самоубийством островитян. Лично я не знаю в мировой литературе более гневного и пронзительного антивоенного произведения...

В «Гринландии» есть костоломы-полицейские, не постеснявшиеся зверски схватить ни в чём не повинную Тави, будущую подругу Друда, и есть министры, готовые, как Дауговет, главный враг летающего человека, не дрогнув, отдавать приказы о похищениях и тайных убийствах. Есть тюрьмы с прочными запорами, вроде той, куда был заточён Тиррей Давенант, чрезвычайно реальный и несчастный герой «Дороги никуда». Наконец, есть тот класс, который, как безупречно понимал это Грин, является заказчиком и спонсором всего злого — арестов, убийств, заточений...

...Посреди весёлого, но inferнально-жутковатого карнавала в Гель-Гью возникает некий чёрный автомобиль. В нём — люди, не одетые

по-карнавальному, мрачной и отталкивающей внешности. «Первый, напоминающий разжиревшего, оскаленного бульдога, широко расставив локти, курил, ворочая ртом огромную сигару; другой смеялся, и этот второй произвел на меня особенно неприятное впечатление. Он был широкоплеч, худ, с... собранными... в едкую улыбку чертами маленького мускулистого лица...

— Вот они! — закричал Бавс. — Вот червонные валеты карнавала! Добс, Кутс, бегите к памятнику! Эти люди способны укунить камень!»

Карикатурное описание несколько напоминает обычные для первых советских демонстраций куклы «буржуев» в цилиндрах, с сигарами и моноклями, — но таков уж стиль времени: гротеск. Соль в ином: правильно увидены те, кто из своих шкурных интересов готов задушить человеческое веселье, разрушить дорогие сердцу традиции. Чудесная мраморная статуя Бегущей, Фрези Грант, — любимый символ города, — может пасть жертвой кучки олигархов. Казалось бы, в основе этой ненависти к невинной скульптуре лежат личные страсти миллионера, некоего Парана, но нет: Грин, словно рентгеном, высвечивает первопричину! «Грузоотправители, нуждающиеся в портовой земле под склады, возненавидели защитников памятника, так как Паран объявил своё решение: не давать участка, пока на площади стоит, протянув руки, «Бегущая по волнам». Вот почему расположились возле Бегущей её добровольные защитники, к которым примыкает и Гарвей. Вот почему капиталистами учинена диверсия с чугуном болванкой, спрятанной под декорациями на карнавальной колеснице, и Гарвей чуть не

гибнет, а один из горожан позднее расстанется-таки с жизнью, обороняя памятник...

Где действует циничный денежный расчёт, высокому и прекрасному — нет места. И, перепроданный несколько раз, опороженный низкими чувствами, больше не может парить над морями великолепный парусник «Бегущая по волнам». Он догнивает в каком-то гиблом краю, брошенный среди болот и джунглей...

Ненависть Грина к капитализму, развращающему и опошляющему души, горяча; дуэльные выпады в сторону ненавидимого уклада жизни страстны и точны. Вот афиша «Нового цирка» из одноименного рассказа, право же, напоминающая что-то очень хорошо знакомое нам всем после 1991 года: «Цирк пресыщенных. Не б ы в а л о ! Н е в е р о я т н о ! Раздача пощечин! Истерика и др. аттракционы». Урод-карлик Пигуа де Шапоно, хозяин цирка, объявляет публике, опять же, в духе нынешних «ниспровергателей» гуманитарной культуры: «Посоветую вам, для приобретения бессмертия, ворваться в какой-либо музей, отбить головы у Венер, облить пивом пару знаменитых картин, да ещё пару изрезать в лохмотья, и — бессмертие состряпано». А вот — и цель позначительнее, и калибр авторского оружия покрупнее: «Пропавшее солнце». «Страшное употребление, которое дал своим бесчисленным богатствам Авель Хоггей, долго ещё будет жить в памяти всех, кто знал этого человека без сердца. Не раз его злодейства — так как деяния Хоггея были безмерными, утонченными злодействами — грозили, сломав гроб купленного молчания, пасть на его голову, но золото вывозило, и он про-

должал играть с живыми людьми... Это был мистификатор и палач вместе». По воле этого миллиардера-монстра с «тусклыми глазами тигра» был куплен у нищей матери мальчик. До четырнадцати лет сироту держали в помещении, лишённом солнца, и лишь затем выпустили в сад — на закате, сказав, что светило горит над землей последний день и скоро погаснет навсегда. Но здоровое внутреннее чутьё подсказало мальчику, что природа жива, лишь засыпает на ночь. Он не поверил — и не впал в безумие, как надеялся Хоггей...

Однако Грин не был бы собой, если бы и социальные свои «проекты» не облекал в форму тонкой аллегории, затейливой фантастической метафоры. Один из самых удачных и крупных его рассказов, скорее — маленькая повесть, «Крысолов», показывает нам несколько дней жизни бездомного интеллигента, вынужденного в пору разрухи ютиться в гигантских залах заброшенного банка. Скоро герой обнаруживает, что он не один среди пустынных хором, заваленных бланками и бумагами. Здесь же собираются странно-неуловимые создания, веселятся на загадочных балах, держат запасы невероятных для голодного времени вин и деликатесов... В конце концов, герою приходится спасаться бегством от «сожителей», явно намеренных расправиться с ним. Кто же это? Ссылаясь на (то ли вправду существующую, то ли выдуманную им) книгу средневекового писателя Эрта Эртруса «Кладовая крысиного короля», Грин утверждает: так могут преобразиться крысы! Они легко принимают человеческий облик. «Они крадут и продают с пользой, удивительной для честного труженика, и обманывают

блеском своих одежд и мягкостью речи. Они убивают и жгут, мошенничают и подстерегают; окружаясь роскошью, едят и пьют довольно и имеют всё в изобилии».

...Кто из нас не видел, особенно в последние десятилетия, подобных торжествующих крыс-оборотней?..

Подчас Грин, безгранично веривший в людей, мог очаровываться и ошибаться. Мог с непростительной наивностью лепить «доброго» буржуа даже из мужественного капитана Грея, заставляя возлюбленного Ассоль говорить фальшивые слова: «Когда начальник тюрьмы с а м выпустит заключённого, когда миллиардер подарит писцу виллу, опереточную певицу и сейф... тогда все поймут, как это приятно». (Давно ли мы читали на стенах лозунги вроде «Богатые поделятся с бедными»?!) Мог придумать «случайного» капиталиста, выходца из низов, добряка Эвереста Ганувера, не желающего иметь ничего общего с грязной стороной бизнеса и лишь окружающего себя дорогими механическими игрушками («Золотая цепь»). Но подобных проявлений наивности мало. Писатель умён и зорок.

...От внезапного пожара гибнет «Новый цирк» со своим омерзительным хозяином.

Авеля Хоггея и его гостей-олигархов убивают бойцы, найденные среди бедняков и нанятые для гладиаторского поединка на тайной арене («Гладиаторы»).

Главарю людей-крыс ставит капкан и перелаживает ему хребет опытный крысолов.

И даже безобидный Ганувер умирает, сраженный предательством откровенных хищников, охотящихся за его богатством; а волшебный дворец

«Золотой цепи» становится военным госпиталем, приютившим сотни раненых...

Это только в Красной Армии Гриневский некоторое время пробыл лишь связистом, таская за собой чемодан с рукописями. На своём поле боя он — меткий и безжалостный снайпер.

ФИНАЛ И ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ

Как рассказать о его последних годах и днях, чтобы не оскорбить памяти мечтателя и страдальца?

Трудными для страны и для людей её были конец 20-х — начало 30-х годов. Много делалось ошибок; многое, взламученное революционной круговертью, ещё не успело осесть и висело мутью над умами и душами; не сложились новые структуры. Литература кормила скверно, издатели подчас обирали и обманывали, — а заниматься чем-либо иным, кроме сочинительства, он уже не мог и не хотел... Привыкший уходить от царапающих шипов жизни в мечту и — увы, с бродяжьих времен! — в выпивку, окончив последний свой роман «Блистающий мир», Грин со второй женой, многотерпеливой Ниной Николаевной, уединяется в Крыму. Живёт в Севастополе, Балаклаве, Ялте, в мае 1924 поселяется в Феодосии — «городе акварельных тонов».

...Ему не протянула свою руку богиня-спасительница Фрези, — но та, что осталась с ним, нежностью, верностью и верой стоила всех Ассоль, Молли, Гелли, Тави, всех неизменно волнующих «гриновских» девушек...

Так вспоминает Нина Грин феодосийские дни: «Зиму провели отчаянно. Книги не продавались, с «Мыслью» (ленинградское издательство — А. Д.) шёл безнадежный суд... Досуживаться

с «Мыслью» поехали в Ленинград, где жилось бесконечно тяжело: суд, нужда, вино, горечь и любовь. А. С. так много пил и, клянясь каждый день, что не будет больше, снова пил, что я сказала ему, что нашла себе место и уйду от него, если он не даст мне отдыха».

...Она не ушла — и в последнем их доме, в городе Старый Крым, закрыла ему глаза, когда тело отказалось служить глубоко больному Грину..

Союз писателей СССР и многие соотечественники по перу помогали, как могли, — но ничто не смогло излечить душевных ран человека, так и не примирившегося с жизнью, всегда требовавшего от неё слишком много света и справедливости...

Гении хрупки.

Умер Александр Грин 8 июня 1932 года. Нина Николаевна записала: «На кладбище — пустынном и заброшенном — выбрала место. С него видна была золотая чаша феодосийских берегов, полная голубизны моря, так нежно любимого Александром Степановичем... Никогда я больше не услышу и не увижу, как плетётся пленительное кружево его рассказа... На всём остался Сашин последний, уставший взгляд».

Она знала слабого, смертного человека; с нами же всегда рядом поэт и провидец в отблеске алого шёлка на мачтах белого корабля, среди солнечного синего простора.

Будем помнить двух в одном...

* А н а с т р о ф а — термин, введенный в науку шведским химиком Херриком Балчевским: нечто, противоположное катастрофе, скачок от хаоса к порядку, быстрое соединение разрозненных элементов в единое целое. (Прим. автора)

ЭХО ФЕСТИВАЛЯ

СЕДЬМОЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ «СЕДЬМОЕ НЕБО» (Николаевка, Крым)



Ариолла МИЛОДАН,
пгт Кореиз, Крым

Член правления РОО «Союз писателей Республики Крым», член правления ОО «Союз писателей Республики Крым», член правления Клуба фантастов Крыма. Лауреат международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон», Гран-при фестиваля «Чеховская осень-2019», Гран-при фестиваля «Тереховские чтения», Гран-При фестиваля «Пристань менестрелей», Гран-при фестиваля «Мы похожи с тобой. Гран-при фестиваля «На берегу Муз», Гран-при фестиваля «Седьмое небо». Автор книги стихов «В поисках Настоящего». Неоднократно публиковалась в периодических изданиях и альманахах в Крыму, России и за рубежом.

АВГУСТ

Загадочность августа в наших широтах
Поспорила б с тайнами дальних галактик!
Ах, август, жары теоретик и практик,
В своих, не мирских, пребывает заботах.

И сонмы цикад в упоительном споре
Решают задачи его меж собою:
То вторят, то дерзко перечат прибою...
Разлегшись на камне, я слушаю море.

Оно, философски качая волнами,
Лизнёт побережье, откатится в бездну,
Вернётся, взбрыкнёт белоснежно-помпезно,
Поделится синью, прохладою, снами...

Так август свои продолжает забавы.
Его Персеиды — как росчерк Вселенной!
Ах, он же ещё парфюмер несравненный:
Смешать запах моря и пряные травы

Что в жаркие дни на ай-петринских кручах
Ветрам отдавали эфирные души!..
Под вечер над узкой полоскою суши —
Букет ароматов, пьянящий и жгучий.

Вот так бы и жить, словно август, неспешно,
Блаженно общаться с иными мирами,
Плескаться в волнах, любоваться горами...
Но нам не пристало такое, конечно.

И хлещем мы август своей суетою,
И травим то злобой, то ложью, то ленью,
Совсем не тому придавая значение,
Несёмся... А жизнь оставляем пустою...

Но август наш выбор приемлет смиренно.
Душа же, одно из его попечений,
За гранью и чисел, и слов, и значений
Всё видит. И знает о том, несомненно,

И яркое солнце, и тёплые грозы
Конечны. Хотя и дарованы свыше.
Сиятельный август поэму допишет,
А там — сентября философская проза.

* * *

В эту осень обещают дожди...
Но не ими мне тебя привечать:
Станет зябко одному — приходи.
И согрею, и не дам заскучать.

Как нам жизнь понять, и что там грядёт —
Всё обсудим мы за чаем и так...
Вечер матовый дождливо уснёт.
Наши тени убегут в полумрак

И зашепчутся... Мы сделаем вид,
Что не слышим их, потупимся вдруг...
В чашке ложечка слегка зазвенит,
И неловкость разобьётся о звук.

Есть у нас с тобой такая черта —
Постоянно говорить не о том,
А потом не понимать ни черта,
Слыша в сказанном и это, и то...

Или, может быть, я знаю ответ,
Тот, который по всему неказист:
Не таков ты, да и я не из тех,
Вероломен кто, хитёр да речист.

А таким не далеко до беды!
А такие-то и живы едва...
Вот и путаем с тобою следы,
Слишком долго выбирая слова.

Но негоже прятать душу в футляр.
Так промаешься — и жизнь позади...
Впрочем, тезис этот бледен и стар.
Станет скучно одному — приходи.

ФЕВРАЛЬ

На призрачный берег судеб
Туман опустил печаль.
Ушли корабли и люди,
Возможно, встречать февраль.

И мерно ложилось время
Закатом, дождём, листвою...
И берег, забытый всеми,
Был чудом ещё живой.

И мне не мечталось больше.
И так было много дней.
А судьбы, полыни горше,
Развалом седых камней

Лежали. И море стыло,
И в воды врезался мол...
Февраль, без снегов, без силы,
Не встречен никем, пришёл...

...Друг другу совсем случайны
На камне сидели мы.
А судьбы хранили тайны
Под гулким свинцом зимы.

Иного, увы, не будет!
Я — ворон, глядящий вдаль.
Ушли корабли и люди.
Осталось — беречь февраль.

САНСАРА

Рассвет озарится лучом и приветственным криком,
Но будет в нём боль, как мольба, как прощанье с Великим.
Ребёнок, впервые открывший глаза, изумится,
И что-то изменится в мире, прекрасном и диком.

Путь жизни для жаркого сердца, для чуткого слуха —
Не счастье, не беды, не будни, но Зодчество Духа.
Найдя себя тленным, Он в тленность свою не поверит.
Сдвигающий горы — Он легче легчайшего пуха.

Не будучи телом, не будучи чувством и словом,
А только надмирным, предвечным Ловцом и Уловом,
А только Межстрочьем, и ясным, и невыразимым,
Дух будет незыблемо явлен и в старом, и в новом.

А дальше — Он ринется в суетный мир, и придётся
Терпеть и терять, и любить, созидать и бороться.
Безвременный Пленник, что заперт в конечное время,
Он будет сражаться, но станет в конце миротворцем.

И это — безумный, огромный, неистовый танец.
Себя познающий, неведомой страсти Багрянец
Окрасит обыденность, выявит смыслы и цели.
Но кончится время. И Вечности вздрогнет Посланец.

И Дух вознесётся над миром — бессонная птица!
Осыплется пеплом бывшее: и маски, и лица.
Глубинная тьма, словно занавес, сцену сокровит.
Но утром подыметесь солнце. И всё повторится.

МЫСЛИ МАХРОВОГО ГУМАНИТАРИЯ О ПРЕВРАТНОСТЯХ МАТЕМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Для любого Эпсилон больше нуля
Так желанна мантия короля,
Но тревожно всякому королю,
Если Эпсилон стремится, но не к нулю.
Если он не хочет спиться и жить вразнос,
Если он способен прямо задать вопрос.
Он, конечно, очень маленький и дурак,
Незначительный. Но Эпсилон! Вот ведь как...

Для любого Эпсилон больше нуля
Существует Дельта Эпсилон. Это для
Доказательства того, что свобода есть,
И лежит она, наверное, где-то здесь...
Рыщет Эпсилон по местности, не поймёт,
Где же эпсилон-окрестности его свобод?
Как предел непонимания — кутерьма
Вьётся в эпсилон-окрестности его ума.

Единичное ничтожество — ерунда.
Вот когда возникнет множество — это да!
А по множеству, действительно, как пойдёшь,
Там таких непонимающих — не сочтёшь.
Разбредаются, сердитые, взад-вперёд:
«Где свобода? Или, может, король нам врёт?»
Что король? — Молчит и косится на стакан:
«Где советник? Ну, устроили балаган!»

Коль у функции терпения есть предел —
Стало быть, король останется не у дел.
Каждый Эпсилон, хоть маленький, а не ноль!
И советник напрягается, и король.
Как бы их одной идеей объединить,
Просуммировать, направить — и — можно жить!
Но вопрос, тут возникающий, вот каков:
Как прикажете суммировать дураков?

Тут советник обозначился: «Может, мы
Просуммируем по качеству их умы
И в конце получим гения?» — Только — ах!
Не сопутствует везение им в делах!
Иль теория наивная не верна,
Или ум — не аддитивная величина,
Но толпа ума не требует, не даёт.
Сила есть — толпа упрямо идёт и бьёт...

Как предел найти ей? Справиться с битиём?
Чернь как функция расходится с королём...
Тут какая-то политика исподволь:
Вот толпа, советник, критика и король!
Математика в политике не у дел? —
Вот вам Эпсилон и функция, и предел...
...Мне сегодня было весело от души:
Я зачитывалась признаками Коши!

ОХОТА НА ЛЬВА

Я выследила его. Ну и что с того?
И мне, и ему охотиться — не ново.
И мне, и ему охоты знаком обычай,
И лёгкая неинтересна добыча.

Какой он кошачий, и как воркующе-груб...
И я опасаясь попасться на острый зуб,
Под быстрый коготь, но больше — под медный взгляд!
Прицеливаюсь, и... боюсь стрелять наугад.

Мне мягкая поступь его будоражит кровь.
Он будто играет и шепчет, смеясь: «Готовь,
Готовь свои стрелы, но бойся моих зубов!»
Он знает пределы моих беспокойных снов.

Он — яркое солнце! Но — счастье или беда —
Никто не сдаётся. Он — хищник, а я — горда.
И каждый из нас добивается своего.
Я выследила его. Теперь — кто кого!

ФИЛОСОФСКИЕ РАЗДУМИЯ О МНОЖЕСТВАХ МАНДЕЛЬБРОТА

Ветреной осени рыжей фрактальностью
Выстелен путь от меня и до прошлого.
Веток обугленных строгой детальностью
Вычерчен вечер... Сырой и взъерошенный.

Осень, скажи мне, а правда ли, надо ли
Так бесноваться, единственность празднуя? —
Множества полнились, множества падали,
Множества царствуют... Броские, разные.

Множества луж. Антрацитные, рыжие,
Серые с синью и с проседью, кажется...
Кажется, улицы лужами выжжены —
Осень опять с Мандельбротом куражится.

Множества листьев. Пурпурные, жёлтые,
Яркие с хрустом и блеклые с шорохом...
Капли развеяны, грани расколоты —
По ветру — каплями, по ноги — ворохом.

Множества нас... Захлебнулись подобием! —
И повторяем их пляски! — Но подле них
Мы — только копии, копии, копии...
В прошлом, быть может, имевшие подлинник.

Осень безумна, правдива и образна
Листьями, синью, фракталами, временем...
Взглядом из прошлого, осень, ты можешь знать,
Что делать нам, единицам потерянным?

Станут ли лужи и листья ответами?
Будут ли правдою? Примем ли это мы?

Звонко мурчит, не терзаясь вопросами,
Рыжая кошка... Она не из осени.

* * *

Мне сегодня было ничуть не больше — тринадцать лет.
Я смотрела, как осень, наряды сбросив, сбегала в зиму,
Как кружились листья и оседали на парапет,
А на листья — снег, неприятно мокрый и еле зримый.

Как бежала кошка и проклинала грядущий день,
Этот полудождь-полуснег, её намочивший лапы.
Было утро, и в небе маялась полутень.
Снег ещё не решил, кем быть: то летел, то капал.

Как давно!.. И вроде, вытерся эпизод,
А гляди-ка, помнится, потревоженный совпадением:
Я в тот день, выходя из дома, забыла зонт...
Или мокрой кошке обязана наваждением?

Я сейчас размышляю по-взрослому, а тогда
Всё жалела о том, что куда-то сбежало лето.
Под ногами чернели листья, текла вода...
Одинокая девочка у намокшего парапета.

КОФЕЙНАЯ МИСТЕРИЯ

Я читала Ваш кофе, как сборник сентенций о разном...
Он вмещался в ладонь и вмещал бесконечность загадок.
Чуть саднящая горечь его, как случайная фраза,
Парадоксом ложилась в сознание: кофе был сладок.

Я касалась губами прохладного края, как грани
Между мною и Африкой или... иным континентом...
Словно древняя книга мистических иносказаний,
Кофе медлил с ответами, стыл, наслаждаясь моментом.

Было там и о Вас: почему-то Вы были неявны,
Словно минное поле. Но я Вас откуда-то знала!
Кофе делал намёки, а впрочем — ни слова о главном,
Как всегда... Как всегда, но и этого было немало.

Я мечтала всё это почувствовать: кофе и книги,
И иные слова, и иные Вселенные, ибо
Миг, не пойманный сердцем, как ветер, как лунные блики,
Убегает в ничто... Изумительный кофе. Спасибо.

ПОСЛЕДИПЛОМНОЕ

Казалось, мне довольно и малости перемен.
 Казалось, время вовек не выйдет из этих стен.
 Но выплывают чернила в формулах, блекнет их голубой меандр.
 Я повторяю: «Ом, во-вре-мя!» - на манер индуистских мантр...
 Сама не верю. Но чтобы последнее не потерять,
 Мне нужно что-нибудь делать и что-нибудь повторять.
 Всё так внезапно случилось, всё завершилось вдруг.
 Но «вдруг» - какое-то слово неправильное, как испуг..
 А я ж всего ожидаю, значит мне всё — не вдруг?
 Хожу, продумываю, вспоминаю:
 «Вот там исправить!», — листок хватаю...
 И это — круг.

Пустая, гулкая комната, посередине стул.
 Я заворачиваюсь во время, как в саван... Или фату..
 Смотрю, как нервно моль трепещет у потолка,
 И вечность в точке «сейчас» разрывает на два куска
 Порывом ветра, вносящего дух дождя..
 И моль сквозь этот разрыв существует, не преходя..
 А что же я? — Мебель жмётся в углах и потолки белы.
 Мой бег мимо времени застывает каплей смолы,
 Я вязну в нём пресловутой мухою в янтаре
 И понимаю, что мне себя беспмятством не стереть.
 Но истекает время, и мир проваливается в ночь.
 Я обращаюсь к памяти. Чтоб хоть чем-то ещё помочь..
 Пиши мне друг мой, пиши, как в прошлом,
 Не важно — цифры или слова.
 Я не скажу ни о чём хорошем,
 Вот, разве что: «Я ещё жива».
 Я отвечаю, увы, нечасто, но от души.
 А потому сейчас умоляю тебя: пиши!
 Мне нужен повод... Ты знаешь, как оно, знаешь ведь,
 Как выливается мысль в слова, обретая твердь,
 И от стихов становится больно, и жжёт внутри.
 (От формул так не бывает, что там не говори...)
 И не хватает уже ни голоса, ни чернил,
 И надо, чтоб кто-нибудь написал,
 В крайнем случае, позвонил.
 И эта правда — правда со всех сторон.
 И шум в ушах — словно плещет веслом Харон.

Но гложет плеск и за мной только двери на этот раз.
 Всё завершилось и обнажилось, будто камни в отливный час,
 Ни волн, ни ряби. И время идёт по камням, отбросив
 И полутени, и полумеры, и полуправды, и прочую дребедень..
 Что хочешь, думай об этом прошлом.
 Но, как писал вдохновенный Иосиф, —
 «Сохрани мою тень».

МОЛИТВА О ГОЛОСЕ

О, разомкни уста мои! Сними, сними печать!
 О, Расскажи, зачем всё так? Доколе мне молчать?
 Мой мир, пленённый немотой, как снегом долгих зим
 Укрытый город, не пустой! Но он — невыразим.
 О ты, Умеющий Звучать, немыслимо родной,
 Всех остальных сокровищ тать, бесценный Голос мой!
 Ищу слова сказать тебя, но камни стелют путь:
 Как червь, набивший глиной рот — ни крикнуть, ни вздох-
 нуть!
 Прошу тебя, не обманись молчанием моим.
 Гнёт немоты калечит жизнь! — Найди меня под ним.
 Не верь стенаниям, что ночь пуста: всё прячет тьма...
 И разомкни мои уста! Спаси!.. Схожу с ума...

ЗАКЛИНАНИЕ ВЕТРА

Где ты, душа моя? Ветром мой край разъят.
 Ветрено, ветрено — горы в ветру стоят.
 В соснах заветренных новый порыв могуч.
 Ветрено, ветрено у побелелых круч.
 Скалы обветрены, выдуты добела —
 Ветрено, ветрено. У горизонта мгла.
 Ветер неистовый, чистый, почти не груб.
 Ветрено, ветрено — звуки срывает с губ.
 В небо взвигается, воеет он и зовёт
 Ветрено, ветрено — листья горстями рвёт.
 Вверх — фейерверками! Вниз — по листве туше...
 Ветрено! Как же блаженно моей душе!

* * *

Насквозь ранена я. Навылет.
 Ночь - как тягостная петля.
 Кто молитву мою осилит?
 Небо тёмное ли? Земля?
 Ах, не высью, не звонкой ширью
 Пробегают слова в пылу:
 Одиночеством по безмирию,
 Словно лезвием по стеклу.
 Насквозь ранена я. Кто слышит?
 Кто познает мои пути?
 Вот скажи, ты, глядящий свыше,
 Так ли трудно меня спасти?
 Удержать меня так ли сложно
 И у пропасти не бросать?
 Ах, возможно всё! Всё возможно...
 ...Видно, незачем боль спасать.

АВГУСТОВСКАЯ НОЧЬ НАД СИМЕИЗОМ

Я знаю эту тишину,
 Оберегаемую ветром,
 Луну, прохладную, одну
 На небе необычно светлом.

И взгляды серо-синих гор
 Слегка нахмуренные, в море...
 Ночной, безмолвный разговор, -
 И я молчу, лишь сердцем вторя.

Так длится ночь, прохладу для...
 Незъяснима, первобытна
 У ног моих лежит Земля
 Величественно-беззащитна.

* * *

В этом городе нет твоего голоса.
 Я живу в нём так, будто он мне снится:
 Разбегаются пешеходные полосы,
 Расплываются кварталы и лица
 В бесконечность, на многие сотни образов!
 А душою некуда устремиться...

Я пытаюсь идти, но вокруг всё матово...
 И не слышно шагов, и огни — далёкие.
 Я пытаюсь дышать, но как будто ватою
 По тебе тоска забивает лёгкие.

Вот и всё пока. Буду ждать грядущего
 (Может ночь настать или даже дождь пойти...)
 И опять стоять с головой опущенной,
 Как фонарный столб на вокзальной площади.



Татьяна МАЖОРИНА,
г. Волгодонск

Я ПОМНЮ ФРОНТ

(Посвящается Ю.П. Родичеву)

Я помню фронт, на фронте ночь,
 Тугую мякоть неба...
 Я смелости себе просил,
 Просил, как нищий хлеба!
 А сам всё ждал, тревожно ждал,
 В поту, как лошадь в мыле,
 Когда взбесившийся металл
 Пронзит меня навывлет!

«Я смелости себе просил, просил, как нищий хлеба!» Эти удивительно искренние и пронзительные строки принадлежат поэту-фронтовику, автору шести лирических сборников, киножурналисту Юрию Петровичу Родичеву. Только цельный, самодостаточный человек, прошедший все ужасы войны, может всему миру признаться, что было страшно, очень страшно... Мне тут же приходят слова из стихотворения Юлии Друниной «Я только раз видала рукопашный»: Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне». Такое доверие к читателю всегда делает автора своим, более близким, человеческим что ли...

Почувствуйте усталость наших рук
 И ощутите дрожь сердечной боли,
 Смятение разума, борьбу душевных мук!
 Посострадайте нам и нашей тяжелой доле!

В последний день октября 2015 года с этих слов начинался вечер в доме творчества «Радуга», посвящённый памяти Юрия Петровича, который проходил по инициативе члена РСПЛ, руководителя клуба любителей искусств «Элегия» Ольги Быстрицкой, которой на сегодняшний день, к сожалению, тоже нет с нами, но мы помним их имена. Итак, Юрий Петрович Родичев родился 15 октября 1922 года на Свири в городе Лодейное Поле Ленинградской области. Отец его Пётр Фёдорович работал бригадиром электромонтажников и был арестован как враг народа, и расстрелян в «Крестах». Мать не перенесла потери и ушла следом. 16-летний Юра и его 10-летняя сестрёнка Тамара стали жить у бабушки.

Юрий Родичев был призван в армию в 1940 году. На фронтах Великой Отечественной войны начинал рядовым, сначала на Юго-Западном фронте. Затем, после окончания артиллерийского училища в Красноярске, воевал на 1-м Украинском и 2-м Белорусском фронтах. Освобождал Варшаву, Краков, а будучи уже начальником штаба дивизиона, общался с Жуковым при взятии Берлина. Нам в наследство остались его стихи о пережитом на войне. Автор простыми словами говорил об очень важных вещах, не усложняя поэтические образы и оставаясь предельно искренним:

Я подставлял под пули лоб
Не ради жалкого рубля,
А только жизнь во всём любя!
В меня стреляли, я стрелял,
И, надо думать, убивал...

Это очень откровенные стихи о войне без ложного пафоса. Вернувшись с войны, семью он в живых не застал: бабушка умерла, сестрёнка погибла в 12-летнем возрасте, попав в плен к немцам. В годы «оттепели» отец был реабилитирован:

Отец, отец, прости меня, прости
За то, что я родное имя не прославил
Не славой быстротечной суеты,
А тем, что я потомства не оставил.
Прости, твоей могилы не сыскал,
Не мог отдать поклон родному праху...

Должна сказать, что утверждение автора в том, что он «родное имя не прославил» весьма спорное. Юрий Петрович — ветеран Великой Отечественной войны, гвардии капитан артиллерии, награждённый тремя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны, медалями «За взятие Берлина», «За победу над Германией» и ещё 10-ю медалями. Такие награды «славой быстротечной суеты» навряд ли можно назвать:

Я из тех, что выстояли там.
Там, где танки корчились от ран,
Где дороги в ярости немой
Извивались под чужой ногой,
Где, вздымая лапы до небес,
Плакал от ожогов старый лес,
Где со стоном рушились дубы,
Где земля вставала на дыбы!
Я из тех, что выстояли там.
Я не бог, не дьявол, не титан.
Я — народ мой, мой народ и я —
Сущность двуединая моя,
Родиной сформованная твердь,
Та, что может выстоять и впредь.
Выстоять! Против вселенской мглы.
Выстоять! На острие иглы:
Атомной, космической, любой!
В этом я ручаюсь головой!

После войны Юрий Петрович работал в разных городах: Чкалове, Калининне, Калининграде... В Новосибирске окончил институт и стал редактором Новосибирского телевидения. Два его фильма: «Человек побеждает» и «Травяная мука» вышли на всесоюзный экран. Далее его позвала романтика комсомольских строек, молодых, только что поднимающихся городов: Тольятти, Набережные Челны, Волгодонск.

Первый поэтический сборник «Послушай, Русь» вышел в 1994 году. Затем вышли авторские сборники стихов: «Суть», «Огни Ярилы», «Там, где танки корчились от ран», «Река времен», «Кубок сладострастия». В 2004 году вышел последний прижизненный сборник «Комплименты». Юрий Петрович — член Союза журналистов, Заслуженный работник культуры, кинорежиссёр, оставивший городу в подарок 24 документальных фильма — практически летопись Волгодонска, «Атоммаша», АЭС в прямых киносъёмках.

С 1979 года и до конца своей жизни — июня 2004 года Родичев жил здесь. Сыновнюю любовь и гордость ощущая, читая его стихотворение «Престижное — Волгодонское»:

Наш город, ты стоишь на широте Парижа.
Не Сена, Дон тебе природой дан.
И «Атоммаш» для твоего престижа,
Не хуже Эйфелевой башни парижан!

Юрий Петрович абсолютно не умел лицемерить и заискивать перед людьми, в том числе занимающими более высокий общественный статус. Он всегда говорил только то, что думал. Был беспощаден к любой несправедливости и к бездарным литераторам, талантливых же — всегда поддерживал. Как он однажды сказал: «Курица, которая снесла яйцо, тоже кудахчет. Но почему-то её кудахтанье вызывает тоску. Так от неё хоть польза есть: она яйцо снесла. Вот и поэт, который заменяет смысл звучностью строки, несёт околесицу и вызывает только тоску».

Перечитывая поэзию Юрия Петровича, понимаешь его тревогу за будущее России. Побывав в самом пекле Великой Отечественной, он, как и многие ветераны, не одобрял перемен в стране, наступивших в 90-годы и очень многое предвидел из тех событий, свидетелями которых мы сейчас являемся. Судите сами:

Мне нравится свобода духа, слова,
Возврат к религии, извечной на Руси!
Мне это нравится! Но почему же снова
Замешано всё это на крови?
Не хватит сил ни у каких ООН,
Чтоб застолбить дорогу перед злобой.
А злоба, как пожар, уже со всех сторон!
Утихомирь её, попробуй!
А если вдруг схлестнутся москали
С хохлами из-за Крыма?..

А ведь это стихотворение было написано задолго до событий на Украине... Разумеется, что Юрий Петрович писал не только гражданскую лирику и стихи военной тематики, просто это самая сильная и болевая его сторона. Родичев — разноплановый, основательный автор, которому не чужды глубоко исторические темы, шуточные стихи и басни, а также пейзажная и любовная лирика. Пожалуй, на такой оптимистической ноте закончу небольшой экскурс о жизни и творчестве замечательного волгодонского поэта-фронтовика Юрия Петровича Родичева:

Какое раздолье в степях возле Дона!
И пойма донская — вместилище грёз.
Здесь русская песня со времени она
Казацкую душу доводит до слёз.
«По Дону гуляет», «По Дону гуляет» ...
Гуляет сегодня весёлый народ.
Здесь юная удаля преграды не знает,
И мудрая зрелость ту юность ведёт.

НОВЕНЬКИЙ

В класс по осени пришёл
Новенький мальчишка.
Ну и что? В чём здесь «прикол»?
В чём, кто скажет, фишка?

Деловито, не спеша,
Класс окинул взглядом.
«Унеслась» моя душа —
Сел за парту рядом.

Что влюбилась — поняла,
Подвигаю книжку.
Он тихонько: «Как дела?»
Я, вообще-то, Мишка».

Закружилась голова,
Не могу взять в толк я:
Он задачки на раз-два,
Как орешки, щёлкал.

Не ударю в грязь лицом,
Тороплюсь, решаю,
В поединке непростом
Выиграть мечтаю.

Роль задачек оцениваю —
Повышаю знания,
Чтобы только на меня —
Обращал внимание!



Равиль ВАЛЕЕВ,
г. Евпатория

* * *

Неумолимый ход часов у времени.
Мы все умрём. Любимая, не плачь,
Ведь жизнь без нас помчится дальше вскачь,
В грядущем прорастая новой зеленью.
Прошедшее нырнёт в реку забвения —
Текущее для памяти палач.
Пророчески кричит на ветке грач:
«Уходят в никуда всегда мгновения,
Неумолимый ход часов у времени.»

Какая мелочь — горечь неудач,
Когда твоей судьбы не кончен матч,
И подрастает наше продолжение.
Другое жизнью правит поколение —
Мы все умрём. Любимая, не плачь.

Скрипит от ветра старый карагач,
Что вспоминает за окном растение?
В глубокой юности весной цветение.
А может это лишь предсмертный плач,
Ведь жизнь без нас помчится дальше вскачь.

Со старостью рождается терпение,
Несёт тебя спокойное течение,
И ты уже не горлопан-трубач,
Наставник юных — новой жизни ткач,
В грядущем прорастая новой зеленью.
Неумолимый ход часов у времени.

В КАРТОННОМ ДОМИКЕ У БАРБИ (сложное рондо)

В картонном домике у Барби
Ванильно-розовое счастье.
Здесь не планируют ненастье,
Всей жизни смысл в нажитом скарбе.
Автомобиль последней марки,
На полках не лежат запчасти,
Обои самой модной масти,
А воздух не бывает жарким
В картонном домике у Барби.

Здесь не бушует демон страсти —
Морщинам не дадут напасти.
По жизни не идёт подарком
Рабочей дряни и кухаркам
Ванильно-розовое счастье.

Им обладает кто у власти.
Хозяевам и сотоваркам
Коптить не хочется огарком.
Поэтому и в одночасье
Здесь не планируют ненастье.

В убитом где-то леопарде
Хозяйка превосходна в шарме.
А цель у паразитов касты —
Побольше для себя украсти.
Всей жизни смысл в нажитом скарбе
В картонном домике у Барби.

НА УЗКИХ УЛОЧКАХ ГЕЗЛЁВА

На узких улочках Гезлёва
Вальяжно развалилось лето.
Дома прищурились от света —
От блеска камня мостового.

Настоем воздуха степного,
Как жирным молоком согретым,
Стираем с душ побитых беды,
Повязкой ран поэтов слово.

Здесь, как дыхание былого,
Глас муэдзина с минарета,
Мицкевича везёт карета
И скрип сапог городского.

Под сенью полога ночного
Средневековая комета,
Омером что была воспета,
Знамением тревожит снова.

Событий город помнит много,
Как драгоценные монеты,
Хранит прошедшего секреты,
Не допуская к ним любого.

Гезлёв — средневековая Евпатория
Мицкевич — польский поэт современник Пушкина
Омер из Гезлёва — средневековый тюркский поэт



Ирина НИКИТИНА,
г. Севастополь

БАЛАКЛАВСКАЯ БУХТА И ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Балаклавская бухта — уникальное природное явление, её вход образуют два скальных массива, Утёс, который является отрогом г. Кастрон (Крепостная) (Восточный берег) и мыс Курона (Гурана) (Западный). Над Западным берегом бухты высится гора Таврос. С восточной стороны бухты над Балаклавой возвышаются высоты 212 и 212.1. Берега бухты являются местом расположения исторического центра Балаклавы, до 1957 г. отдельный города, ныне хоть и отнесена в перечне населённых пунктов города федерального значения Севастополь к городам, но по факту является районом города Севастополя. И Балаклава, и сама бухта с давних пор привлекали к себе большое количество путешественников, писателей и общественных деятелей.

Путешественники конца XVIII в. описывали сам городок как «разрушенный до основания». В это время берега бухты посетил, в частности, П.И. Сумароков (1757—1848), русский чиновник и литератор. В своей книге «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» он так описывал Балаклавскую бухту: «Оная

(Балаклавская) бухта простирается почти на версту в длину и сажень до 60 в ширину, и хотя по великой глубине своей и обещает тихое в себе судам пристанище, но по причине узкого и не более 15 сажень её с морем соединения вход в неё при сильных ветрах весьма опасен». Он наблюдал на крепости Чембало остатки стены, а внизу, по его сведениям, находились следы церквей, мечетей и строений. П.И. Сумароков сообщает, что на 1799 г. в Балаклаве было 60 домов в одну линию.

Посетил Балаклаву в 1790-е гг. и академик Петер Симон Паллас (1741—1811) — немецкий и русский ученый-энциклопедист. В своих трудах он писал о Балаклавской бухте следующее: «Город (Балаклава) лежит на берегу самой гавани (Балаклавской бухты) вдоль подножья горы, но не имеет хорошей питьевой воды. Гавань глубока, и так как она защищена высокими горами и мало открыта со стороны моря, то в ней так же тихо, как в пруде, и рыбная ловля может производиться во всякое время. Проходные рыбы, в особенности макрель (скумбрия) и кефаль, заходят во множестве, также много султанки (Mullus), которая как в свежем виде, так и маринованная — самая вкусная рыба здешнего моря. Макарели, пролежавшие год в рассоле, так нежны и вкусны, как сельди».

В 1815 г. в Балаклаве побывал В.Б. Броневский (1784—1835) — военный писатель, историк. Свои впечатления, от этого посещения он описал в книге «Обозрение Южного берега Тавриды» (1815). Балаклава для него стала переносом в Грецию. Про бухту он писал так: «Местоположение её должно приятно каждого удивить. Представь себе две крутые, дикие скалы, коих вершины увенчаны облаками; представь себе узкий морской рукав, тремя изворотами омывающий подошвы оных, или лучше вообрази глубокий овраг, наполненный водою. Одна неширокая улица нестройных каменных домов составляет город, расположенный на левой стороне залива, под навесом горы так, что некоторые дома прилеплены к оной и имеют только три стены».

В 1823 г. вышла в свет книга дипломата и писателя И. М. Муравьёва-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 году», оформленная в виде писем к жене Праксисе Васильевне, который также посетил и Балаклаву. В его трудах он упоминает «заслуженного, израненного начальника Балаклавы и греческого батальона Ревелиотиса (Ф. Д. Ревелиоти)», крепость (дав ей наименование «Чембало»), при описании Балаклавы упор сделан в основном на рассуждение о её истории, бухта упомянута несколько раз без описания.

В 1845 г. Балаклаву посетила Олимпиада Шишкина (1791—1854), русская писательница, фрейлина великой княгини Екатерины Павловны, а затем и Императрицы Александры Федоровны. Она посвятила свои «Заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 году» императору Николаю I.

В записках при описании своей поездки в Балаклаву из Севастополя она указывает, что от Севастополя до Балаклавы 12 верст (около 13 км.), по дороге они встретили «хутора и виноградники». Упоминает о церковном обряде местных греков на горе Святого Ильи (небольшая высота над современной улицей Крестовского в средней её части), приводит историю появления греческого батальона в Балаклаве, рассказывает о своей встрече с командиром батальона М.А. Манто, о походе на крепость «Чембало».

О Балаклавской бухте она пишет так: «...(она) похожа на французскую букву Z, увидя её, подъезжая в Балаклаве думаешь, что тут озеро, но она так глубока, что в ней стоят большие корабли».

Описание бухты и Балаклавы мы можем встретить ещё не в одном произведении путешественников, путеводителях, воспоминаниях видных отечественных и зарубежных деятелей. Упомянутые авторы и цитаты из их работ показывают, как через путевые заметки можно рассказать важную историю о таком замечательном месте как Балаклава, сохранить для потомков сведения о её жителях разной поры, их традициях, быте и прочем. Читайте такие путевые записки о красотах нашей Родины, и её прошлое станет к нам ближе.

СВЕТЛЯЧКИ

Нас на прогулке у реки
Атаковали светлячки.
Был молчаливым дружный рой,
Но всё кружил над головой.
Кружил, петлял, слепил слегка.
Откуда взялся он, река?
Река не знала, что за рой
Неспешный и совсем чужой.
Ведь никогда у той реки
Не проживали светлячки.
Вдруг стал светлее небосвод,
И рядом дерзкий хоровод
Под светомузыкальный пляс,
Ту тайну прояснил для нас.
То отблески от фонаря
Нас путали, легко паря.
А так, конечно, светлячки
Не проживали у реки.



Альбина ФАНДИКОВА,
г. Саки

НА ПЕРЕКРЁСТКАХ ВДОХНОВЕНИЯ

Крым... вдохновения истоки в жемчужно-сливочных тонах
Сошли с небес, словно пророки, создав грядущего берега.
И пыльно-солнечным пунктиром Бог полуостров очертал,
Памиром солнечной Тавриды стал Роман-Кош, родной причал.

На яйлах дивного Гурзуфа строка строке даёт мотив,
Из восходящих солнц как будто построен крымский коллектив.
В соцветьи вер Бахчисарая найдёшь души слепой позыв,
Он ароматом процветанья заманит в Керченский пролив.

Врата Джанкойские откроют пути в миры подземных тайн,
Художник набережных полных из волн морских создаст дизайн.
Картиной гордый Севастополь займёт фасад искусство-скал,
На бригадине свежих смыслов пересечёшь водоканал.

А вдалеке за горизонтом чуть робко тлеющей зарёй
Взойдёт Судакский крепость-город, овеяв разум новизной.
Вселенский пыл развеет страхи, над Щёлкинской АЭС резвясь,
Феодосийский такт гитары вплетёшь фотоном в свето-связь.

На Николаевских просторах, в уютном доме за углом
Найдёшь себя под скрипы полок, хранящих нежности геном.
И в седьмо-небенских объятиях почувствуешь родной уют,
Ведь наше Крымское призванье — одушевления приют.

СЧАСТЬЕ В КОРОБКЕ

Пусть твердили вокруг, что я сильная,
Что смогу, со всем справлюсь сама.
Только в жизни я не диафильмами —
Носталь-ментами прячу слова.

Пусть когда-то была твоим счастьем я,
Твоим домом, любовь берегла,
Только в памяти ты настоящий-то,
До того, как сгорел весь дотла.

Я построила домик из чуткости,
Обрамлённый железным чутьём.
Там готова жить целыми сутками,
Лишь бы слышать, что переживём.

Переждём, пробежим, знаю, выстоим
В тёмной пропасти старых могил,
Где покоятся наши лучистые,
Наши тайные дни у перил.

Ты закроешь мне окна и выходы,
Перекроешь навек кислород...
Твоя девочка самая тихая —
Не увидит уже неба свод.

Продолжают твердить, что я сильная,
Носталь-ментами прячу слова.
Счастьем жизненным ты не зови меня —
Я в коробке любовь сберегла.



Наталья ШАДЛОВСКАЯ,
г. Красноперекоск, Крым

ВАРЬКИНЫ ВОЗМОЖНОСТИ

(тавтограмма)

Варька всегда верила в возможность возрождения. Вот-вот, в возможность возрождения великих. Верно ведь, всё возможно: вернуться в великолепный век, во времена викингов, ведьм, вурдалаков, властителей, варваров, великомучеников... внезапно воскреснуть во времена волшебства... Восстановить возраст... Вновь влюбиться...

Варька верила.

Воскресным вечером вытолкала вероломного Ваську взашей. Вражина, возжелал внаглую взять верещавшую Варьку! Велела валить. Вслед выкинула Васькины вещи, вздохнула, взяла ветровку, выскочила в вечер, возрадовавшись: вырвалась! Взгрустнула: вновь вышло вкривь-вкось. Взлохматила волосы: включи волю, выкарабкаешься.

Возле высохшего водоёма Варьке встретился высушенный временем вельможа. Встал возле Варьки:

— Вдова?

Варька весело выдохнула:

— Ведьма Варвара!

Вызвав волну вязкого воздуха, выскочил встрёпанный вампир, всунул Варьке ватман, весь в вензелях:

— Вакансии, вот!

Вельможа вклинился:

— Вера важна. Варианты выписал все?

Вампир Варьке:

— Взяла, выбрала. Вот вакансии ведуньи, ворожеи, величества... Выбирай, выбирай! Выдадут волшебную википедию, ведро волшебного варева... витую верёвку. Вообще, всякую всячину...

Варька вздохнула,

— Вы вампир? Вампиры ведь вымерли...

Вампир вздрогнул, выдал веско:

— Вампир. Великий. Вольфом Великолепным величают в вечности.

Вельможа взглянул весело:

— Ври, ври. Вели-и-коле-епный...

— Виктория! — воскликнул вампир Вольф, — Варвара, Вы велики, возвышенны, вызываете возбуждение... Всё выйдет. Верите?!

Вельможа, внимательно всмотревшись в вензеля, вздрогнул.

— Вольф, всё выходит! Варенька, послушайте... Возникла вереница всевозможных... в-возможностей.

— Ваше великолепие, — возопил Вольф вельможе, — виноват, ведь Вам всё видно. Возле Вас вдохновиться — вопрос вопросов. Вот-вот вычислят Ваше враньё...

Варька взвыла:

— Вот вляпалась! — Всмотрелась внимательно. — Возможно, везение?

Вскочила, вздумала вывернуться. Вампир вцепился в ворот ветровки:

— Везёт ведьме. Восхищайся, включи воображение. Возможностей — вагон!

Вельможа вздохнул:

— Впечатлились...

Вампиру:

— Веди во времянку. Взломаем видимость вечности.

Варька взвыла:

— Выродки! — вмазала весомо вампиру в висок.

Взбешённый вампир вскочил, виртуозно выругался, вновь возник возле Варьки:

— Вырублю! Выскочка!

Вкрадчиво выдохнул:

— Выдра взбалмошная, вакансии — великолепная!

Восторженный вельможа выдал весть:

— Великолепный венчаться вздумал! Варьку вот выбрал.

Впереди возникла ветхая времянка. Вампир внезапно втянул вельможу, Варьку в вакуумную воронку. Варька вскрикнула, вывалилась возле валуна-великана, выскользнула вбок, вызвав вихрь вибраций. Вдобавок врезалась в Вольфа. Вгляделась — видения впечатляли ...

— Вот ведь! Время выживать. Валяться — впадлу.

Варька вскочила ванькой-встанькой, взглянула вокруг. Валежник валяется, валуны, вельможа возлежит верхом. Всклоченный, вымученный:

— Вот ведь вражина, — Варька взглянула волком. — Винтовку выдайте! Все вы виноваты!

Вернулся, выяснив вопрос вопросов, вампир.

— Ваше высочество... Ваше величество...

Варькины веснушки вспыхнули. Вкрадчиво спросила:

— Ваше величество? Ваше, вампир?

— Ваше, Варвара! Высокородный возжелал Вас!

Варька вскинулась, внезапно вновь вздумала воевать, вспомнив Ваську:

— Верните взад! Выбесили!

Варька взбешённой валькирией воткнула в вампира ветку. Вельможа взмолился:

— Ваше величество, высокородный венчаться возжелал!

— Вероломные, — Варька всхлипнула, — вы ведь, вурдалаки, всё выяснили, всё выполнили. Властителю великому возможную встречу впарили, — вновь вскинулась, воскликнув:

— Возвращайте взад! Выродки! Взламывайте вход-выход, выйду!

— Варенька, ведь Вы великую викторину виртуозно выиграли. Вам возможность великолепная выпала!

Вельможа выдал Варьке воодушевлённый взгляд:

— Великодушная, виноваты!

Взбешённому вампиру:

— Всё выгорело! Великолепный вознаградит!

Варьке:

— Веселись, Ваше величество, всё вышло, властимеющая!

Вампиру:

— Везёт ведьме!

Варька восхищённо-вопросительно:

— Взаправду везёт? Венчаюсь! Владычествовать возьмусь. Всегда верила!

Величественно:

— Вручайте Великому. Всё выдержу. Возможно. — Варька вздохнула. — Валяйте, ведите в Великолепный век! Выгорит — весной воскресну. Выкарабкаюсь — вознагражу!



Марина СТАРОВОЙТОВА,
с. Пруды, Крым

ЗДЕСЬ ДОМ РОДНОЙ, А ДОМА – ХОРОШО!

Я родилась не здесь... Не здесь росла я.
Вдали отсюда юность провела...
Но мне родною стала ширь степная –
Как мать в свои объятия приняла.

Здесь люблю всё, да так, что душу греет!
Уклад особый тут бытует испокон...
И по-отцовски меня холит и лелеет
Цветущий край, на фоне нив и лон.

Здесь разлился заливом беспрестанным
Диковинно чарующий пейзаж,
Окутанный покоем и туманом,
Хранитель древних тайн – седой Сиваш.

Просторов даль... Степной осенний ветер
Протяжной песней здесь волнует ковыли.
И серебит равнину на рассвете,
Плывущий в небо свет из-под земли.

Роскошна степь. Она сравнима с морем:
Вовек её нетленна красота.
Я с ней теперь и в радости, и в горе –
Судьбу связала и свои лета.

Пусть родилась не здесь... Не здесь росла я.
Но прикипела сердцем и душой
К тебе одной навек, земля степная,
Здесь дом родной, а дома – хорошо!



Андрей ХОДУС,
г. Симферополь

О ВНУТРЕННЕМ И ВНЕШНЕМ ЧЕЛОВЕКЕ

Иногда, в атмосфере окутывающего своей тишиной летнего вечера, появляется желание поразмышлять о чём-то более возвышенном, что соответствовало бы этой многозначительной тишине... Ощущается контакт нашего внутреннего, в какой-то степени небольшого мира, с этим большим и многообразным организмом под названием Вселенная.

Мы действительно мало знаем себя и мало знаем о себе. Казалось бы, почти всё своё существование человек накапливает опыт, что помогает ему прогрессировать и, в общем-то, безопасно существовать. Но из-за концентрации на внешних формах он всё чаще стал забывать о своём внутреннем содержании.

Многие важные мысли древних исследователей и философов о нематериальном стали восприниматься современным человеком как нечто архаичное или, в лучшем случае, поэтическое. Наверное, повлияли мнения целой плеяды других мыслителей, так или иначе повлиявших на наше миропонимание. Но очень часто их высказывания с отрицанием нематериального мира являются лишь локальными рассуждениями, которые не удовлетворяли их пытливый ум. Ведь сухость систематизации и исследования, основанная на мысли о том, что «нематериальное не существует», приводит к пагубному закреплению себя в рамки, так сильно ограничивающие нас в познании мира и самих себя.

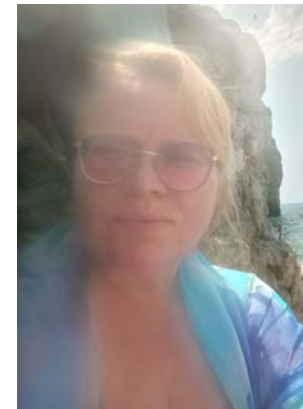
Например, любовь с такой материалистической позиции — лишь процесс роста дофамина и выброс эндорфина, что практически роднит её с процессом употребления шоколада. Но разве мы придаём большое значение последнему? Становится очевидным, что в нас есть что-то большее, чем набор инстинктов,

рефлексов и физиологических процессов. Более того, эта внутренняя сила главенствует в человеческой сущности, самоопределяет его, проявляет в нём способность мыслить, осознавать, чувствовать, помнить и проявлять свою волю.

То, что мы называем душой, часто фигурирует в речи как нечто абстрактное, как образ, временно передающий наши чувства. И как бы для понятности мы прибегаем к нему. Но где-то в тайном месте нашего человеческого сердца дышит то, что точит мысль, эмоцию и жизнь.

Однажды святому человеку, профессору медицины, знаменитому хирургу и учёному, лауреату Сталинской премии, святителю Луке (Войно-Ясенецкому), студенты-медики задали вопрос: «Вскрывая грудную клетку, разве вы обнаруживали там душу? Как же вы можете говорить о её существовании?» Святитель Лука ответил: «Я много вскрывал грудных клеток и души ни разу не видел. Но поверьте, мне не меньше приходилось делать трепанацию черепа, а разум я тоже не видел. Вы верите в разум? Вы ведь его тоже не видите. Так почему же вы сомневаетесь в том, что есть душа?»

Порой, для понимания каких-то важных вещей нужна объективность. Для настоящей объективности нужна честность — честность перед самим собой, отсутствие предрассудков и способность прислушиваться к внутреннему голосу. Этот голос — проявление того субстрата человеческого существования, который обращается к нам. И лишь научившись не отвергать его, мы сможем стать настоящими людьми.



Наталья ИВАНОВА-ХАРИНА,
г. Сергиев Посад

ГЕНИЙ ВОЛОШИНА

Ты последний посланник Земли доПОТОПной,
Профиль Твой сохранил на века Карадаг.
Помню блеск сердолика, скалистые тропы,
И могилу Твою не забыть мне никак.

Для поэтов ВолХоз* — Коктебельская «Мекка»,
Тот волшебный приют посещала и я.
Это кузница разума сверхчеловеков,
Посох им — кадуцей, что обвила змея.

Ты художник во всём и вожак менестрелей,
Словно страж-янычар кряжист памятник Твой.
Сохраняет Киммерия храм акварелей,
Миротворческий нрав прославляя с лихвой.

С Гумилёвым дуэль — поединок столетья,
Вы друг друга убить в том бою не смогли.
Потому за Россию и ныне в ответе,
Как, впитавшие боль и страдания Земли.

Киев, Крым и Москва, и Париж лучезарный,
Петербург, изнурённый нехваткой тепла,
Дух Волошинский ценят, в нём гений суммарный,
В этой ауре света и я проросла.

21.05.2025 18-08

ВолХоз — частный дом отдыха Волошиных в Коктебеле для писателей. «Совсем не курорт. Прислуги нет. Воду носить самим. Требуется: радостное принятие жизни, любовь к людям и внесение своей интеллектуальной доли в Волхоз (Вольное волошинское хозяйство)», — писал Волошин в приглашении Михаилу Булгакову.



Леонид СЕЛЕЗНЕВ,
г. Норильск

Леонид Андреевич Селезнёв, г. Норильск, инвалид 1 группы по зрению. До травмы и полной потери зрения работал морским спасателем, стихи пишет для поднятия духа и настроения себе и друзьям. Человек – явление, оставивший по себе одно из ярких впечатлений у всех причастных.

ЛЮДИ ВЕРЫ

Люди Веры, на минуту встаньте!
Слышите, — гудит со всех сторон!
Самостийна Украина, гибнет брат там,
Стонет брат Тарас, погиб Мирон.
Стон плывёт, плывёт над Украиной,
И летит взволнованно к Творцу:
- Бог, прости грехи, спаси невинных,
И воздай же, Боже, подлецу!
И дончане гибнут, и луганцы,
Артобстрел, стрельба со всех сторон,
То пришли с мечом — американцы,
Словно здесь Петлюры гарнизон.
Стон плывёт, плывёт над всей страной,
И звучит взволнованно эфир:
«Бога сил просите враз утратить,
Чтобы командирам поручил».
Тысячи безвинно убиенных
Слышите, с небес нам говорят:
Прогоните гадов иноземных,
И своих, но тех, что зло творят.
Всех министров, сытых олигархов,
Всех петлюр - предателей страны,
Трибунал свершится, будет жарко.
Всё назад вернёте, что должны!
Все, кто прославляет дележи,
У народа земли одолжив,
Украину вы вернуть должны!

* * *

Что движет сердцем человека?
Любовь, корысть, страх, любопытство.
Что ранит сердце человека?
Отверженность других, бесстыдство.
Что лечит сердце человека?
Любовь, и милость, и прощенье.
Что возвышает человека?
Не люди — дар благословенья.



Надежда ШЕСТАКОВА,
с. Червоное, Крым

ЗНАЧИТ, БУДЕМ С ВЕРОЙ ЖДАТЬ.

Дома тихо мама плачет,
Теребя в руках письмо.
Он живой! И это радость
Укрепит ей силы вновь.

И, собрав посылку живо,
Положила, что смогла:
То купила, то сварила,
То - ребятам напекла.

И дочурка расстаралась,
В краске волосы и нос.
Брата долго рисовала
В танке русском средь берёз.

И сама же подписала:
«Братик, береги себя!
Пусть закончатся все войны.

Ждём и любим мы тебя!»

ЧТО ЗНАЧИЛА ВОЙНА

Что значила война
Для школьников тогда,
Когда земля страдала
От ударов?

Что значила беда
В далёкие года,
Когда по всей стране
«Война!» кричали?

Стерпеть и пережить
Блокаду, голод, боль.
Идти опять вперёд,
Назло печалям.

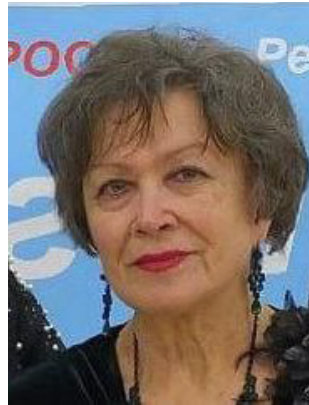
Чтоб счастлив был народ,
Чтоб верили: «Придёт
Цветущий мирный май
И мир настанет!

МЫ ВАС ЖДЁМ

К нам пришла война недавно
И мальчишки возмужали,
Взяли в руки автоматы,
Им ведь некогда играть

На страну беда большая
Мы не ждали и не знали
Что услышим взрывы, стоны
Наших доблестных бойцов.

Но ничто сломить не в силах
мужество. Ведь закрывают
от беды меня с тобою.



Нина ВОЛКОВА,
г. Симферополь

СТРАНИЦА ЖИЗНИ

Стоит слово услышать — Россия,
И уже представляю берёзы,
Где в речушке с небесною синью
Моют ивы зелёные косы,
И ржанные поля с васильками,
Тополиные свечи вдоль тракта,
Под плывущими вдаль облаками,
Вижу пыль поднимающий трактор.
Даже говор родимой деревни
Пронесла моя память сквозь годы,
Словно было всё это намеренно,
Мы гуторили с ней про невзгоды:
— Ох, чаво есть-та да давеча было!
Али будя... — Сколь лет пролетело!?
Я страницу той жизни открыла,
А она уж давно поседела.
И река под горой, лес — за нею...
Поседали луга заливные...
Вспоминая, как будто, хмелею
— Размываются лица родные.

P.S. Жила в Донецком крае — в Украине,
Хотя в России родилась когда-то,
И для меня родные и поныне
Изба с колодцем и с крыныцей хата.
Кто б мог подумать, что вражду посеют
На тех полях, что были между нами?!
Где даже ветры воют (!), а не веют,
И мины зарастают бурьянами.

УЗЫ РОДИНЫ

Родина! Отечество! Отчизна!
От рождения до нашей тризны
Самое для каждого святое,
Милое для сердца и родное.
Отчий дом покинувшим когда-то,
Это место, как икону, свято
Память пронесёт, храня сквозь годы,
Сквозь туман душевной непогоды...
Там, где предков дух и их останки,
На любом из жизни полустанке,
На почтенный возраст не взирая,
Эти узы Родины и края
Чувствовать всегда мы будем, зная
— Это матушка родная — Русь святая!
Вот поэтому и не жалея жизни,
Боремся за рубежи Отчизны.
Есть, конечно, выродки, иуды,
Роковые трусости минуты...
Говорят: «В семье не без урода»,
И не только нашего народа.
Всё счём с пути без сожаленья!
Пусть не ждут пощады и прощенья,
Кто врагам продался с потрохами!
Мы не церемонимся с врагами,
Посягнувшими на нашу святость!
Мир нам нужен, процветанья радость!
Ну, а коль пошли на нас с войною —
Встанем за Отечество стеною
И не отдадим и пяди даже —
Нет милее Родины и краше!
С гордостью несём мы наше знамя,
И потому ВСЕГДА ПОБЕДА с нами!



Валентина ПОРВА,
г. Саки, Крым

* * *

НАЗЛО

Мама и папа, простите, я дура.

Холодом сковано тело,
А ты говори,
Меня не задело, где - то внутри.
Тихо везде, глаза не мелькают.
Я не вернусь, они это знают.

Сугробы пылают. Сердце закрылось.
Простите, что миру открылась.
Ответьте, собьёт меня фура?
Мама и папа,
простите,
я дура.

Толпа. Я всего лишь мгновение.
И не люблю своё отражение.
Ответь мне, хочу ли домой?
Не вижу я их.
Мир мне чужой.

Чернота — пожирает. Душа —
гниёт.
Бей и не бойся. Оно заживёт.
Порви эти цепи, что держат меня.
Я не хочу остаться одна.

Мама и папа, простите, я дура.
Ответьте, собьёт меня фура?
Холодом сковано тело внутри,
Меня не задело, а ты — говори.

Ты ушёл, не оглянувшись,
Как весенний снег,
И теперь лишь тень — разлука,
— горький лёгкий брег.

Я смогу все слёзы прятать,
Ну а в сердце стон,
Наши души не сольются
В колокольный звон.

Ты не знаешь, что здесь значит
Девичья мечта,
Но теперь я птицей вольной
В небо навсегда.



Влада НАУКОВИЧ,
г. Саки, Крым

Последний отпитый бокал
улады шипучей,
последняя встреча радушная,
последние воспоминания
в стране золотых грёз и празднования.
Поделись ими,
мой дорогой, старый друг!
Отведать желаешь если
свободу истинную,
то не робей дорогой жизненной.

Скромно спросишь:
«Удалось ли звёздам безымянным ввысь подняться,
меня устоя судьбы
на неосвоенном пути?»
Я светом улыбки отвечу.

Роняет ворона перо
в мои ладони,
очертив обличие святое
в тени ночной.
Мрачным следом прошлого
порядка кандалы наложив,
он погрузил тысячи душ
с тлеющими сердцами
в непрерывное сновидение.

Грешником или безумцем
стал падший?
Отозваться подобно
могу о любом,
чьи ставки на кону не плетутся
с принципами душонки простой.

Разумом одурманенным
отпиваю со дна бокала,
едкую горечь,
игре удела
решая бросить вызов.

И я есть праведная рука
законов
исчерпанных и «всевышних».
И молча раскаюсь, ощутив фантомом,
что сжимать будут запястья
цепи колкие.
Но поведаю одинокому иноземцу
об эпохе ушедшей.

...когти птицы не могут
впитаться в твёрдое сердце,
ведь ослабли, хватку теряя.
Темнеющие крылья расправляя,
лик ангела скроется в нирване,
последние часы
чужой свободы не истратив.

...но сведёт их ещё не единожды
судьбины доля.

И только азартник скажет
с усмешкой
улицам городка
опустевшим:
— ...и вправду безумец,
а, быть может, глупец?

Наталья КОМАРОВА,
г. Алупка

ДО...

ДО весны этой им надо было ДО-стоять,
ДО-ползти, ДО-жить, ДО—кричать, ДО-рыдать, да верить,
ДО-страдать, ДО-играть мелодию струн артерий,
Обещать матерям подольше не умирать...
ДО начала жизни им надо было ДО-петь,
ДО конца ДО-пить, не оставив ни капли смерти,
ДО-желать, ДО-любить, да так, чтобы рыдали черти,
На глазах у луны в мгновение поседеть...
До Победы этой им надо было ДО-йти
По прямой всего-то две тысячи километров,
Но надеждой и кровью теплой питаю щедро
Каждый дюйм своего боевого пути...

У истока мая уже расцвели цветы,
Лепестки налились рожденным зарею светом,
И солдат по дороге, ещё не совсем прогретой,
Уходил, хороня товарищей и мечты.

Миллионы судеб не получится поменять,
И сверкают в окнах огни матерей слезами.
Но куда живем мы, будут перед глазами
Пропечатаны цифры — сорок один-сорок пять.



Галина ПЛАЧКОВА,
г. Саки

ПРОЩЕННОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Был последний день Масленицы. В народе его называют «Прощеным Воскресением». Татьяна Васильевна получила в этот день заказное письмо из Ленинграда. Хотелось быстрее прочитать. Она вскрыла его, и первое, что увидела, были слова: «Прости, прости Христа ради, прости меня». Татьяна Васильевна отложила письмо на стол, не дочитав. Присела на диван. В доме она была одна. Дочки ушли в город на проводы масленицы, муж на дежурстве в больнице. И память ее унесла в Ленинград, в блокадную зиму 1942 года.

Осенью умерла мама. Таня осталась с сестрой Валентиной, которой было двадцать, а ей, Тане, пятнадцать лет. Сестры работали на фабрике, которая вы-

пускала продукцию для фронта. Зима была холодная, отопление в квартирах не работало. Постоянно хотелось есть. Таня заболела и не могла работать. Она лежала уже третий день с температурой, голодная, скрючившись под одеялами, но они девочку не грели. Ей очень хотелось есть и пить, но Валентина была на работе. Сегодня она должна принести хлеб, который получит по карточкам. Тане становилось все хуже и хуже. Она проваливалась куда-то. Пришла Валентина, увидев сестру, она не стала готовить чай, чтобы напоить ее, а, выложив хлеб на тумбочку, сказала: «Зачем тебе есть хлеб, ты все равно умрешь сегодня, а мне жить еще надо». И она забрала хлеб.

Сестра не приходила домой два дня, думая, что Таня умерла, и похоронные бригады ее увезли и похоронили. Но девочка родилась под счастливой звездой. Когда Валентина ушла, Таня потеряла сознание. Сколько времени она так лежала, не помнила. В это время пионеры-тимуровцы проводили рейд по сбору детей, которые остались без родителей. Они и обнаружили еле живую Таню. Девушка, руководившая мальчишками, прощупав пульс девочки, крикнула: «Живая она, живая!». Таню отвезли в больницу, а через две недели ее вместе с другими детьми отправили на Большую землю — так называли области, где не было военных действий. Девочка была истощена до того, что у нее стали выпадать волосы. Но в Новосибирске ее поставили на ноги. Врачи и санитарки очень полюбили Таню, а картошка, морковь, свекла и ягоды помогли ее здоровью.

Взяла ее к себе тетя Поля, с которой они вместе работали в госпитале. Старушка заставила девочку поступить на курсы медсестер. Таня еще долго не могла восстановить свои волосы. Фельдшер Федя говорил: «Таня, у тебя такие глаза красивые, зеленые, как малахит, а волосы отрастут, придет время».

Вскоре Федю отправили на фронт. Уезжая, он забежал попрощаться с тетей Полей и Таней, а, помедлив, сказал:

«Если останусь живой и вернусь, приду свататься к тебе, Таня». Когда прорвали блокаду Ленинграда, тетя Поля спросила Таню, возвратится ли она домой, но девочка покачала головой. Тетя Поля стала для Тани второй мамой. Валентина не искала сестру, и Таня не хотела ничего знать о ней. Окончание войны тетя Поля с Таней праздновали вместе со всем городом. Люди на улице плакали от радости, поздравляли друг друга. В конце лета вернулся с фронта Федор. Это был уже не молоденький фельдшер Федя, а кавалер ордена Красной звезды и многих других медалей. Он с порога заявил, что пришел свататься, и просит тетю Полю благословить их с Таней.

Давно уже нет в живых доброй и любимой мамы Поли. Они с Федей воспитывают двух дочек, живут в своем доме. Муж работает врачом в больнице. В семье любовь и уважение. И вот сегодня это письмо. Все-таки узнала Валентина, что Таня живет в Новосибирске, и все у нее хорошо. Татьяна Васильевна взяла письмо со стола и дочитала его до конца. Судьба наказала Валентину. Ни семьи, ни детей, больная, никому не нужна. Потому она и просит прощения у меня за тот поступок в блокадном Ленинграде. Татьяна Васильевна еще раз взглянула на письмо и сказала: «Бог простит».



Светлана ТРУБНИКОВА,
г. Симферополь

ЕСЛИ ЛЮБОВЬ ОТРАЖАЕТСЯ В СЕКУНДАХ

Шрам на человеческом теле, пойманное запястье в толпе и еле уловимые глаза среди оставшихся в очереди людей... Можно написать тысячи слов, а достаточно будет объятия, если вы рядом. Если чужое прикосновение ощущается иначе.

В мир приходит человек, родители уже любят маленькие ручки и ножки за появившуюся в их жизни — радость. Всё же — безусловно. Можно ли задуматься, кто в твоих руках теперь? Будет ли он ученым? Возможно, станет непоправимо заядлым гонщиком и будет играть на фортепиано?

Суть родительской любви — разглядеть что-то особенное в том, кто является их продолжением. Узнать пришедшего в мир человека...

Мы друг друга узнаём. Бесконечно динамичные хватки чужих рук оставляют особенные следы. Вам нравится смотреть, как кто-то намазывает кусочки тунца на хлеб, заваривает чай и, быть может, думает о чём-то хорошем. Никогда не придёт в голову мысль, что это неинтересно. Этот кто-то особенно думает о чём-то, а вам кажется, что вот-вот в его голове родится родная мысль, и вам обязательно стоит узнать о ней. Нет уходящего и пришедшего времени. Вы смотрите на ребёнка, сотворенного Богом, и вам кажется, что нет ничего идеальнее этого человека. Отсутствуют части в других, делающие полноценными чувства. Полно ли время без рождённой в ком-то мысли? Оно тянется пустотой, обнимающей холодно-нейтральными водами. И кислород заканчивается в начале этого пути.

Мгновениями видны таланты в других людях. Невозможно не признавать бегущие мурашки по телу от чьих-то слов и музыки. Внутри глубоко живые люди выносят свои жесты в оркестр общего инструмента. Можно смеяться, где сердце плачет, но даже так будет считаться за настоящее. Чужие авторы — самые близкие писатели.

Пойманное в толпе запястье научится узнавать другого по силуэтам выброшенной толпы. Только взгляд, изредка пропадающий в беседе, вернёт слова на бумагу, объятия — человеку...



Марина МОРСКАЯ,
пгт. Новоозёрное, Крым

НА СМЕНЕ ЭПОХ

Была долга эпоха Кали.
Звериным был её оскал.
Народы под пятой страдали,
И тёмный демон правил бал.

Шептал на ухо: «Не всесилен
Ваш Бог, ведь царствую-то я!»
И в подтвержденье ухал филин,
Святые помыслы гоня

Из душ. «Природа человека, —
Внушал нам этот тёмный тать, —
Была порочною от века,
И ей другой уже не стать».

И кровь людей то в жилах стыла,
А то потоками лилась.
И много вождельний было
Иметь богатство, славу, власть.

«Иметь» — вот ключевое слово.
Но среди козней и сует
Рождались Светочи! И снова
Мир их сердцами был согрет.

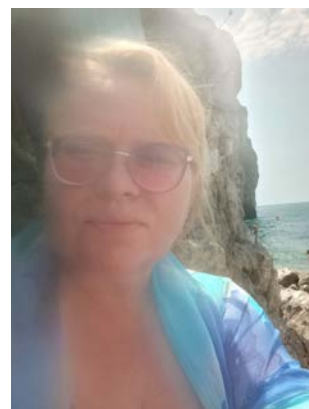
Любовь и Бог — неразделимы.
Любовью человек могуч.
Как так случилось? Как могли мы
Поверить в первородство туч,

Закрывших Солнце от сознания?
Но, сёстры, братья, близок час,
Когда в прекрасном Мирозданье
Эпоха Сатъя встретит нас.

И мы, омывшись от пороков
Лучами Солнца и Светил,
Питаясь мудростью Истоков,
Почуем трепет новых крыл.



ПУБЛИЦИСТИКА



Наталья ИВАНОВА-ХАРИНА,
г. Сергиев Посад

Наталья Иванова-Харина, член РОО «Союз писателей Крыма», ЛИТО «Свиток» (Сергиев Посад), МСП «Новый Современник» (Калининград), писатель, журналист, блогер, поэт-переводчик, организатор конкурсов-фестивалей «Образ Крыма», «Открытый Космос», «Калининград-янтарный берег» и многих других. Автор более 700 переводов классиков мировой литературы, 17 сборников поэзии и коллективных работ, художник-любитель.

ХЛЕБНУВШАЯ ЛИХА СПОЛНА

11 апреля отмечается Международный День освобождения узников фашистских концлагерей. К пленникам немецких застенков приравняются также невольники, угнанные в Германию и другие страны Западной Европы, бывшие подневольные гетто. В Сергиево-Посадском районе таковых в 2006 году насчитывалось 347 человек (увы, цифра ежегодно уменьшается, потому как тогдашние дети военной поры — сегодня люди далеко преклонного возраста).

Накануне международного дня, посвященного бывшим малолетним узникам фашизма мне довелось встретиться с Тамарой Семёновной Кирьяновой, перенесшей ужасы второй мировой и унижения Германского плена.

Старый дом по улице 1 мая в Краснозаводске Сергиево-Посадского района. Дверь подъезда на кодовом замке. Стою минут пятнадцать у входа, в надежде, что кто-нибудь войдёт или выйдет. Напрасно. Иду в следующий подъезд, спрашивая о Тамаре Семёновне и спросить код замка. Никто ничего не знает. Наконец участливая женщина из последней парадной помогает мне преодолеть барьер между холодной улицей и мрачноватым подъездом. Звоню в дверь. Открывает приветливая женщина средних лет, как потом оказалось — дочь Кирьяновой — Нюра. Прохожу в комнату, обставленную в стиле 70-ых годов прошлого века. На кровати — пожилая женщина в валенках и толстой шерстяной шапке. С ходу выбрасывает дистанцию и предлагает уйти: «Забирайте свой торт и уходите. Ко мне уже приходил ваш человек из совета ветеранов. Ничего не хочу ни вспоминать, ни говорить, да и не помню я почти ничего». Я в некоторой расте-

рянности бормочу что-то о нашей российской истории, о патриотическом воспитании молодежи. И, неожиданно как - то Тамара Семёновна разговорилась.

Родилась Асеева Тамара в 1926 году в деревне Рогачево Загорского района. Закончила семилетку в 7 школе Краснозаводска. Семья была бедная — четверо детей, и за год до начала Великой Отечественной войны родная тётка из Гродно забирает Тому к себе в Белоруссию, благо у неё самой только одна дочь. Незадолго до начала войны комендант города предлагал отчаянной тётушке отправить Тамару обратно в Москву на первом попутном поезде. Та категорически отказалась. Первый день войны ознаменовался для жителей Гродно бомбёжкой в два часа ночи. И закрутилась адская машина. Беженцы пытались в спешке покинуть город. Эшелон уходил переполненный. Люди сидели на крыше вагонов, висели на буферах. Да только не успели далеко уехать — немецкие десантники разбомбили и расстреляли поезд. Наши войска тоже в спешке отступали. Тамара Семёновна повествует: «Помню, как раненых оттаскивали в двухэтажный дом на окраине города. Мы с девочками ходили по окрестным деревням, просили что-нибудь для наших бойцов. Давали картошку, морковь, капусту. Мы варили похлёбку и относили им поесть. Некоторые кто оклемался, уходили в лес в партизаны. Потом привезли туда пленных, много. Разразился тиф. Их стали расстреливать. Помню, всю ночь стрекотал пулемет, а утром их голыми грузили штабелями на подводы и увозили закапывать. До 1943 года проработала я на табачной фабрике в оккупированном городе. Платили 15 марок как несовершеннолетней. Женщинам постарше с детьми платили по 40 марок. Что можно было купить на эти деньги? Первый год войны ещё давали густое варево, вроде супа. Потом только хлеб — по 300 грамм на человека. Однажды у меня эту пайку отобрал наш партизан, переодетый немецким солдатом. Видимо, совсем оголодал в лесу. В мае 1943 года погнали нас в плен. Нескончаемая шеренга через длинный мост и



по обе стороны фрицы с собаками. Я ещё думала: может кинуться в реку, утонуть? И вообще какая-то странная была. Бывало, закидывают немцы гранатами партизан, а я стою недалеко за деревом и страха никакого, пусть бы и убили».

Пригнали Тамару в Восточную Пруссию в деревню Рудбах, что под городом Лик. Жили пленники в каждом доме. Марта — хозяйка их дома, была самой зажиточной — 30 гектаров земли. Потому их в этом хозяйстве было несколько: Тамара, Ольга из-под Киева, женщина средних лет из Белоруссии, молодой поляк Генрих, да ещё был военнопленный из концлагеря. Тот пробыл недолго, вскоре убежал. Вставали они затемно. Тамара доила весь день 8 коров, ухаживала за хозяйскими детьми, их было пятеро. Поляк пас коров в поле. Круглый год босиком. Ноги у него разошлись и от грязи растрескались — помазать-то нечем. Он потом с ума сошёл, и его увезли и вероятнее всего сожгли в печах концлагеря. У женщин была обувь — деревянные чуни. Немка дала моток шерсти, Тамара связала себе носки. Ольга спала на чердачке в доме, Тамара была лишена таких привилегий и ночевала во дворе на соломе. Считали их рабами, хуже скота — люди третьего сорта. Часто били. Тамару реже, остальных чаще. Пленного, почему-то боялись. Хозяин воевал где-то, неподалеку и два раза в год: на посев ржи и картошки, да в период сбора урожая его отпускали домой. Немецкий язык Тамаре ещё в школе хорошо давался. Правда, Марта говаривала: «Ты неправильно говоришь: по-берлински». Польский выучила как родной русский. При расставании Тома дала свой адрес польке, с которой подружилась. Да только та ни разу не написала. Не то русского языка не знала — не осмелилась, может были на то другие причины. Да и доходили ли эти письма до адресата в ту пору? Ведь их считали чуть ли не изменниками Родины.

Весной 1945 года пленных освободили Советские войска. Поляков послали пешком к польской границе, а русских и бывших советских граждан на подводе вслед нашим войскам в сторону Берлина. Вскоре малолетних пленных определили в фильтрационный лагерь НКВД в Германии. Потом они прошли ещё одну проверку в подобном заведении на границе с Польшей. С грехом пополам Тамара добралась до родного Краснозаводска. Брат к тому времени погиб на войне. С трудом устроилась работать на местный завод. Начальник вызовет, о чём-то спрашивает, а Тамара всё плачет. Заработала в цехе, благодаря работе с опасными составами, производственную болезнь. Теперь не жалуется ни на что: «Пенсия у меня большая по вредности — 4200, плюс 1000 рублей Путин платит как малолетней узнице. Мне хватает на всё. Если бы только ноги не болели. Тромбофлебит».

Пока мы разговаривали, по телефону (номер которого мне не был ранее известен) позвонила работник управления соцзащиты и пригласила 11 марта Тамару Семёновну на концерт и на вручение подарков к памяtnому дню в здание управления. «Съезди, Нюра, там конфеток дадут» — попросила дочь Кириянова.

Международный союз бывших малолетних узников фашизма объединяет представителей десяти республик бывшего СССР (около полумиллиона человек). В Российский союз входит 167 тысяч. Ежегодно ко Дню Победы и ко Дню пожилого человека из федерального бюджета выделяются денежные премии, в размере 500 рублей.

На прощание Тамара Семеновна вышла меня проводить на лестничную площадку и крикнула вслед: «Ты прости меня и не осуждай». — «Это Вы меня простите. Доброго вам здоровья!»

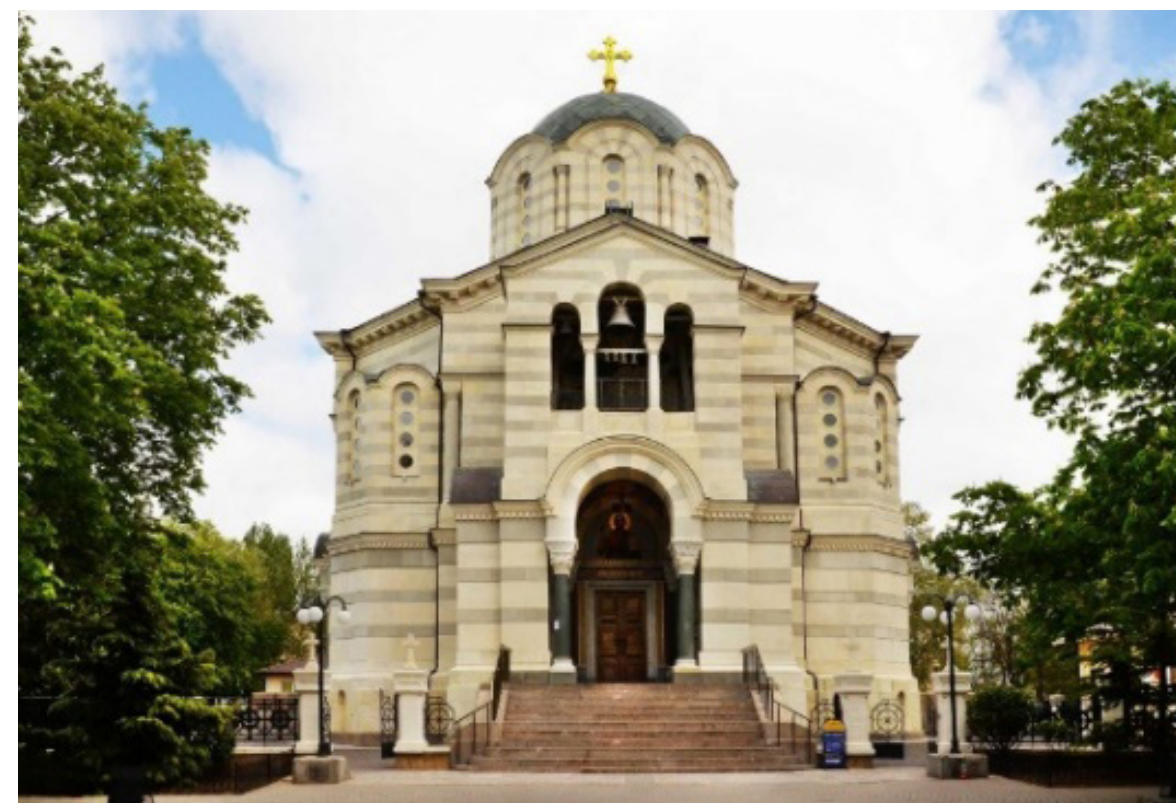


Ирина ЯГМУР,
г. Санкт-Петербург

Ирина Александровна Ягмур. Педагог, историк, музеевед. Работала в археологических экспедициях на античном городище Гермонасса на Таманском полуострове, Краснодарского края, археологических раскопках на о. Березань (Украина). Работала научным сотрудником экспозиционно-выставочного отдела Российского государственного музея Арктики и Антарктики и Военно-медицинского музея. Служила по контракту в ВС РФ. Участвовала в создании концепции новой экспозиции Музея боевой славы 2-й дивизии народного ополчения. Автор многих научно-исторических работ.

ОБРАЗ ВИЦЕ-АДМИРАЛА ПАВЛА СТЕПАНОВИЧА НАХИМОВА В ПОВЕСТИ «СИНОПСКИЙ БОЙ» С.Н. СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО

В Севастополе, городе морской славы России, в усыпальнице Владимирского собора покоится прах четырех выдающихся русских адмиралов, среди которых и вице-адмирал Павел Степанович Нахимов, один из организаторов первой героической обороны Севастополя и командующий русской эскадрой, одержавшей блистательную победу над турецким флотом в Синопском сражении 18 ноября 1853 года.



Владимирский собор в г. Севастополе (современный вид).
Архитекторы: К.А. Тон и А.А. Авдеев. 1854-1888 гг.

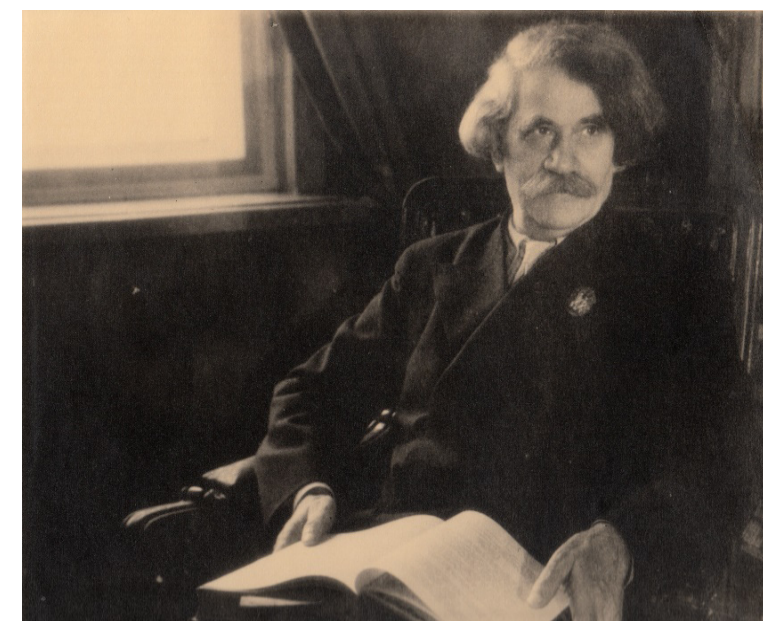


Памятник адмиралу Павлу Степановичу Нахимову, был торжественно открыт 18 ноября 1898 г., к 45-летию Синопского сражения 18 ноября 1853 г.

Авторы памятника: художник-любитель генерал А.А. Бильдерлинг и скульптор И. Н. Шредер.

Образ гениального русского флотоводца Павла Степановича Нахимова не раз находил воплощение в произведениях литературы, живописи, монументальном искусстве и даже в кинематографе. Так и писатель С.Н. Сергеев-Ценский неоднократно в своём творчестве обращается к героическим страницам русской истории и её славного военно-морского флота, к личностям прославленных русских адмиралов. Но воплощение образа вице-адмирала П.С. Нахимова нашло в творчестве писателя наиболее полное и яркое отображение в эпосе «Севастопольская страда», но в большей степени в исторической повести «Синопский бой».

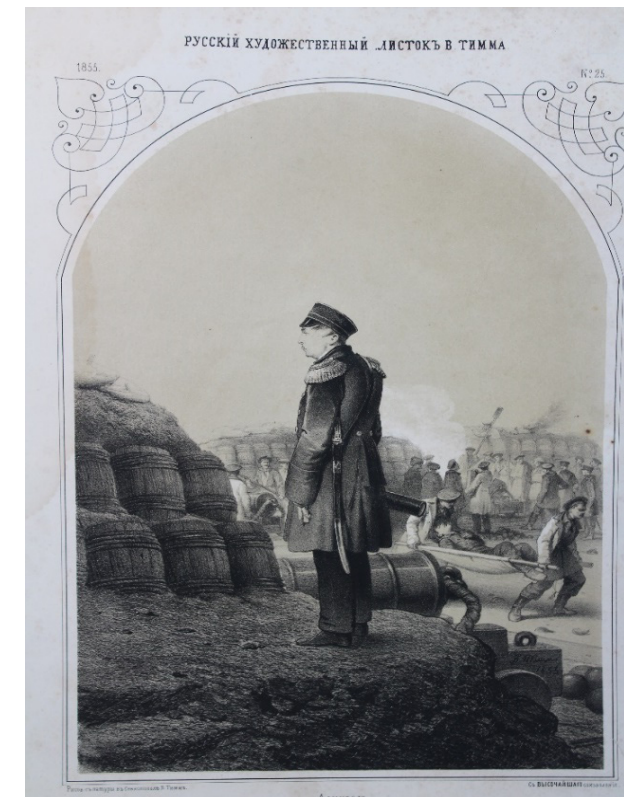
Повесть «Синопский бой» была закончена писателем С.Н. Сергеевым-Ценским в годы Великой Отечественной войны в 1942 г. уже в эвакуации и впервые напечатана под заглавием «Вице-адмирал Нахимов» в журнале «Октябрь» № 3-4 за 1944 год. Название «Синопский бой» этой исторической повести было дано автором позже, когда она вышла в сборнике его произведений под одноименным названием в Москве в 1946 году. И это название символично, ведь морское сражение у г. Синопа 18 ноября 1853 г. вошло в историю военно-морского флота как последнее крупное победоносное сражение русского парусного флота, на смену которому совсем скоро придут принципиально новые корабли с паровыми двигателями.



Писатель С.Н. Сергеев-Ценский автор повести «Синопский бой» и исторической эпопеи «Севастопольская страда». Фотопортрет, ч./б. г. Москва, 1941 г. (Алуштинский литературно-мемориальный музей С.Н. Сергеева-Ценского. Оф:МФ-10).

Именно в этой исторической повести С.Н. Сергеева-Ценского образ командующего русской эскадрой вице-адмирала П. С. Нахимова нашёл наиболее полное и объёмное отображение. Здесь автор, наряду с описанием событий начала Восточной войны 1853-1856 гг. и знаменитого морского сражения у Синопа 18 ноября 1853 г., даёт развернутую характеристику и образу Павла Степановича Нахимова, обращаясь к событиям прошлых морских сражений и походов этого легендарного флотоводца.

П.С. Нахимов, отличавшийся природной скромностью, не любил позировать художникам для написания живописных портретов или рисунков. Но художнику В.Ф. Тимму, прибывшему на театр боевых действий в Севастополь в 1854 г. всё же удалось сделать карандашный рисунок прославленного адмирала. Это изображение в дальнейшем и послужило для создания литографии и написания портретов, а также отображения образа адмирала в кинематографе.



Вице-Адмирал Павел Степанович Нахимов, помощник начальника Севастопольского гарнизона, умер от раны 30 июля 1855 г. в осаждённом Севастополе. «Русский художественный листок» В.Ф. Тимма. Лист № 25. Печатная литография. (Алуштинский литературно-мемориальный музей С.Н. Сергеева-Ценского. Оф:ИМ/КИЦ-34).

В повести Сергеева-Ценского мы не найдём подробных биографических описаний детства и юности будущего морского офицера и адмирала П.С. Нахимова, поэтому для более полного и глубокого понимания характера и судьбы этой легендарной личности необходимо это восполнить.

Павел Степанович Нахимов родился 23 июня (5 июля) 1802 г. в дворянской семье в с. Городок Смоленской губернии. Он был седьмым ребенком в многодетной семье отставного секунд-майора Степана Михайловича Нахимова и его жены Феодосии Ивановны, урождённой Козловской.

В период наполеоновского нашествия 1812 г. семья вынуждена была перебраться под Харьков. Затем вернувшись в разорённое имение в Смоленской губернии, отец принимает верное решение и подаёт прошение о зачислении его сыновей Павла и Ивана на учёбу в Морской кадетский корпус в г. Санкт-Петербурге (там уже учились его старшие братья Николай и Платон). В 1815 г. братья Нахимовы становятся гардемаринами.

В 1822-1825 гг. молодой морской офицер совершает кругосветное плавание на фрегате «Крейсер», в составе экспедиции, возглавляемой капитаном 2-го ранга М.П. Лазаревым, будущим вице-адмиралом российского флота. Экспедиция преодолела длительный и опасный путь из Кронштадта через Атлантический, Индийский и Тихий океаны до г. Новоархангельска, тогда столицы Русской Америки. Это плавание выковало из молодого офицера настоящего моряка и на всю жизнь сблизило с его наставником и учителем в морском деле М.П. Лазаревым.

Один из эпизодов этого легендарного плавания, нашел своё отображение в повести «Синопский бой» С.Н. Сергеева-Ценского. «В 1824 году он, двадцатидвухлетний лейтенант, отправился в кругосветное плавание на фрегате «Крейсер», которым командовал Лазарев. Цель этого плавания — охрана русских колоний в Северной Америке. Фрегат шёл Южным океаном при очень бурной погоде. Его трепало так, что один матрос упал со снастей в воду. Кто тут же бросился спускать шлюпку, чтобы спасти матроса? Лейтенант Нахимов. Шлюпка была спущена с подветренной стороны фрегата, и вот Нахимов огибает судно, чтобы поспеть туда, где ещё мелькает в волнах голова борющегося за свою жизнь матроса. Но налетает сильнейший внезапный шквал с ливнем, и шлюпка с Нахимовым уносится, исчезает из глаз, а на фрегате вся команда занята тем, чтобы сберечь судно — поставить паруса, как это требовалось моментом. Не меньше получаса прошло в напряжённейшей работе, а тем временем прояснилось, и вспомнили наконец о шлюпке.

И сам Лазарев, и другие офицеры смотрели в зрительные трубы, не покажется ли где, хотя бы килем сверху, злополучная шлюпка; смотрели и матросы с марса, смотрели час, два, три... Шлюпки не было. Явно — погибла она вместе с храбрым лейтенантом и шестью гребцами при нём так же, как погиб упавший матрос.

Стало вечереть, темнеть, и Лазарев отдал приказ продолжать плавание. Паруса уже начали наполняться ветром, как вдруг один зоркий унтер-офицер с салинга закричал:

— Вижу катер! Вижу катер!

Фрегат пошёл навстречу шлюпке, и Нахимов со своей небольшой командой

был спасен. Все были мокры с головы до ног, все успели почти оледенеть, но по крайней мере выхвачены из пасти океана живыми. А волнение было до того сильным, что шлюпку, так героически выдержавшую бурю, разбило о борт фрегата, когда её поднимали на боканцы.

Радость Лазарева была безмерна: очень любил он и ценил молодого лейтенанта...» [1, с. 169-170].

После благополучного возвращения из трёхгодичного кругосветного плавания П.С. Нахимов в 1826 г. получает новое назначение на 74-пушечный линейный корабль «Азов», на котором в составе союзной англо-франко-русской эскадры 8(20) октября 1827 г. участвует в знаменитом Наваринском сражении. Лейтенант Нахимов, командуя носовой батареей, проявил себя как опытный, распорядительный и холоднокровный морской офицер. Корабль «Азов», благодаря слаженной и умелой работе всего флотского экипажа, одним из первых русских кораблей получил исключительный по тем временам знак отличия — кормовой Георгиевский флаг!

«...И в Наваринском бою Нахимов вполне оправдал эту любовь и доверие со стороны своего командира, когда был под его начальством на корабле «Азов».

Наваринский бой стал боевым крещением не одного Нахимова: тогда, на «Азове» же, вместе с ним были и мичман Корнилов, теперь вице-адмирал, и гардемарин Истомин, теперешний командир корабля «Париж», капитан 1-го ранга.

«Азову» пришлось сражаться с несколькими турецко-египетскими судами, и от его метких выстрелов взлетел на воздух флагманский корабль египетской эскадры, затонули ещё два фрегата и корвет, уничтожен флагманский корабль тунисского адмирала, наконец, сбит на мель и потом зажжен восьмидесятипушечный турецкий корабль... И признанным героем дня на «Азове» был тогда Нахимов. Он — молодой ещё лейтенант — умел уже, как никто другой, и воспитывать, и обучать матросов.

Как и чем? Линьками, как это было принято во флоте? Нет. Ни с кем из офицеров не чувствовали себя матросы так свободно, как с Нахимовым, ни к кому другому не подходили они запросто поговорить о своих нуждах, и никто другой из офицеров целого флота не был так хорошо известен матросам всех судов, как Нахимов» [1, с.170].

В повести «Синопский бой» писатель, обращаясь к событиям многолетней и кровопролитной Кавказской войны, в которой военно-морской флот России играл важнейшую роль. В этой войне уже как командующий эскадрой русских кораблей, действовавших у морского побережья Кавказа, участвовал и адмирал П.С. Нахимов. Писатель, заостряет наше внимание не столько на описании военных действий, сколько показывает в предлагаемых обстоятельствах христианский склад характера и необычайную отзывчивость на чужую беду Павла Степановича, его чувство флотского братства и неуклонное соблюдение законов офицерской чести, носившее у него обостренный характер.

«Однажды, уже в адмиральском чине, Нахимов командовал отрядом судов у берегов Кавказа. Став на якорь против небольшого укрепления Субаши, он отпустил офицеров на берег. Тут узнали они, что в лазарете лежит лейтенант Стройников, офицер корвета «Пилад», заболевший рожей.

Пошли проведать и нашли его в жалком виде: без денег, без необходимых вещей, под маской из толстой синей бумаги, в солдатском белье. Стройников жаловался, что несколько дней не пил чаю, и просил прислать ему чаю и сахару.

Вернувшись, офицеры доложили об этом Нахимову — и как же забеспокоился тот об участии лейтенанта чужого отряда!

— Много ли у нас денег? — спросил Нахимов своего адъютанта, ведавшего расходами, так как сам он никогда не занимался этим.

— Всего-навсего только двести рублей, — ответил адъютант.

— Ну что же-с, вот и пошлите-ка ему все двести! — приказал Нахимов. — Пошлите также ему белья, чаю, сахару, лимонов, провизии, какая найдется.

— Павел Степанович, и лимонов и провизии у нас теперь очень мало, — возразил адъютант, — и достать здесь нам этого будет негде.

— Лучше уж мы обойдемся, а больному надо.

И деньги, и чай, и сахар, и лимоны, и провизия, и бельё были тотчас же отправлены Стройникову, но Нахимов не ограничился этим. Когда эскадра снялась с якоря и отправилась дальше, он приказал направить свой крейсер «Кагул» на сближение с корветом «Пилад», которому был дан сигнал: «Подойти для переговоров». «Пилад» подошёл, и командир его явился на «Кагул» с рапортом. Приняв рапорт, Нахимов спросил очень сухо:

— Скажите-с, Вы как же это бросили своего больного офицера на берегу, почти что на произвол судьбы-с?

— Развело тогда сильную зыбь, поэтому поторопились отойти от берега, — объяснил командир «Пилада».

— Однако несколько дней уже лежит он там, и Вы о нём не вспомнили-с! Как же это так, а?.. Стыдно-с! Срам-с... Я человек холостой, одинокий, и это скорее мне позволительно было бы иметь такое чёрствое сердце, а не Вам — отцу семейства-с! Ведь у Вас есть уж на возрасте сыновья-с... Что, если бы с одним из Ваших сыновей так поступили? Заболел бы он на корабле, — его бы и сбросили на пустой почти берег... Хорошо бы это было, а?.. Прощайте-с, больше я ничего не имею Вам сказать!

Но, ничего больше не сказав командиру «Пилада», он тут же распорядился перевезти Стройникова для лечения в Севастополь на шхуне из своего отряда.

Все мичманы знали и то, что унтер-офицер, который разглядел шлюпку с Нахимовым в Южном океане и тем спас жизнь ему и шестерым матросам-гребцам, потом получал от Нахимова ежегодную пенсию» [1, с.171-172].

Как перспективного и очень способного морского офицера П.С. Нахимова буквально с первых лет его службы на флоте выделял его многолетний наставник в морском воинском искусстве адмирал Михаил Петрович Лазарев. И это также нашло отображение в повести Сергеева-Ценского: «...Лазарев поставил черноморцев на большую высоту сравнительно с балтийцами, так что из Севастополя, а не из Кронштадта шло всё новое в русском флоте; а Лазарев о Нахимове, когда тот был ещё мичманом, в пяти словах сказал всё, что можно было сказать о нём и через тридцать лет: «Чист душой и море любит»; а Лазарев, будучи уже полным адмиралом, не стеснялся сбрасывать свой сюртук и, засучив рукава рубахи, пока-

зывать собственноручно матросам, как надо завязывать ванты; а Лазарев любил устраивать гоночные состязания всех парусных судов, несмотря на чины их командиров, и не раз, к его удовольствию, случалось на этих состязаниях лейтенантам побеждать капитанов 1-го ранга...» [1, с. 184-185].

И эта простота в общении и справедливое отношение к заслугам и умениям низших по званию и должности офицеров, были усвоены и многими молодыми моряками, служившими под началом этого славного адмирала, в том числе и П.С. Нахимовым.

В начале Восточной (Крымской) войны 1853-1856 гг. П.С. Нахимов в звании вице-адмирала командовал эскадрой русских кораблей, курсировавших в южной акватории Чёрного моря у берегов Анатолии и имел у себя на руках весьма двусмысленное предписание, полученное ещё в начале своего похода от командующего русской армией князя А.С. Меншикова. Заканчивалось это предписание командующего тем указанием, что все русские суда, разбросанные в Черном море, должны были быть стянуты к эскадре П.С. Нахимова для выполнения боевой задачи в условиях, когда война объявлена не была. И здесь мы видим уже не только гениального флотоводца, но и политика, способного для достижения высшей цели идти на компромисс, уметь лавировать, но не для личной или карьерной выгоды, а для пользы Отечества.

Вот как описывает действия Павла Степановича Нахимов, поставленного в это двусмысленное и опасное положение С.Н. Сергеев-Ценский в повести «Синопский бой».



«Синопский бой 18 ноября 1853 года». Худ. И. К. Айвазовский. Х./м., 220×400 см. Центральный военно-морской музей, г. Санкт-Петербург.

«Став таким образом во главе больших уже морских сил, Нахимов предупреждал всех командиров судов, какой линии поведения им надо держаться: «Так как Россия не объявляла войны, то при встрече с турецкими судами первый неприятный выстрел должен быть со стороны их; те же турецкие суда, которые на это решатся, должны быть уничтожены. Я убежден, что в случае разрыва между Россией и Турцией каждый из нас исполнит свое дело.

Все флотские офицеры отметили тогда тон обращения Нахимова к командирам судов. Вице-адмирал не парил где-то в малодоступной выси и не гремел от туда жёсткими словами приказа: он не отделял себя ни от командиров, ни от экипажей своих судов; «был убеждён» во всех точно так же, как и в себе. Он оставался верен себе и теперь, когда наступали грозные дни испытаний. Другим никто и не представлял себе Нахимова, иначе за что бы так любили его не офицеры только, но и матросы, называвшие его «отцом» [1, с.164].

И далее Сергеев-Ценский, развивая свою мысль, пишет: «В приказаниях Нахимова действительно была полная ясность, тем более что они не носили названия «секретных» или «тайных» и даже совсем не были похожи на приказания.

«Отец» матросов и младших офицеров остался самим собою — у него был свой стиль. Бумажки, выданные в штабе флагмана мичманам, были такого содержания: «Не имея возможности за крепким ветром и большим волнением передать на суда вверенного мне отряда копии с манифеста объявления войны Турцией, я передаю их теперь и предлагаю гг. командирам приказать священникам прочесть их при собрании всей команды.

Имею известие, что турецкий флот вышел в море с намерением занять принадлежащий нам порт Сухум-Кале и что для отыскания неприятельского флота отправлен из Севастополя с шестью кораблями генерал-адъютант Корнилов. Неприятель не иначе может исполнить свое намерение, как пройдя мимо нас или дав нам сражение.

В первом случае я надеюсь на бдительный надзор гг. командиров и офицеров; во втором, — с божьей помощью и уверенностью в своих офицерах и командах, — я надеюсь с честью принять сражение. Не распространяясь в наставлениях, я выскажу свою мысль, что в морском деле близкое расстояние от неприятеля и взаимная помощь друг другу есть лучшая тактика.

Уведомляю гг. командиров, что в случае встречи с неприятелем, превышающим нас в силах, я атакую его, будучи совершенно уверен, что каждый из нас сделает свое дело».

Не «приказываю», а «надеюсь»; не «предписываю», а только «высказываю свою мысль, не распространяясь в наставлениях», и в заключение — «совершенно уверен, что каждый из нас сделает...» [1, с. 165-166].

И такое умелое воинское руководство, такое бережное доверительное отношение между офицерами и матросами, основанное на профессионализме и полном доверии между братьями по оружию только и способно выковывать истинные победы. И триумфальная победа русской эскадры под командованием вице-адмирала П.С. Нахимова у берегов Синопа стала полной и безоговорочной.



«Вид Синопа, снятого в феврале 1854 г. по истреблении турецкой эскадры Вице-Адмиралом адмиралом Нахимовым 18 ноября 1853 года». «Русский художественный листок» В.Ф. Тимма. Лист № 27(1). Печатная литография. (Алуштинский литературно-мемориальный музей С.Н. Сергеева-Ценского. Оф: ИМЕИЦ-35).

Вот как описывает итог этого сражения военный историк Н. Ф. Дубровин в своём фундаментальном труде «Крымская война и оборона Севастополя», на материалы которого при работе над повестью во многом и опирался С.Н. Сергеев-Ценский: «Победа была действительно полная, и история представляет весьма редкие примеры такого совершенного истребления неприятеля. Не более как в три часа всё было кончено на Синопском рейде, и уничтожено до шестнадцати военных и купеческих неприятельских судов со всем их экипажем. Командовавший эскадрой Осман-паша и два командира фрегатов были взяты в плен и привезены в Севастополь... Поразительно было зрелище гибели турецких судов: прибитые волнением к берегу, они горели и по мере того, как раскалялись бывшие на них орудия, суда стреляли ядрами по рейду, не нанося, впрочем, никакого вреда нашим кораблям. Наконец, когда огонь достигал до места хранения пороха, суда взлетали на воздух, и горящими обломками своими осыпали город. На отмели горел турецкий пароход, а по середине рейда, как громадные кресты над могилами, торчали мачты от потопленного фрегата, с реями поперек, фантастически освещаемые заревом горевшего Синопа. Никто не приходил тушить объятых пламенем домов, и ветер, свободно перенося искры с одного места на другое, усиливал пожар города, все жители которого искали спасения в окрестных горах. Множество белых голубей летало над пожарищем, а на обгорелых остовах кораблей видны были ползущие люди» [2, с. 16].

И далее Дубровина констатирует: «С самого начала боя, синопский губернатор, начальник береговых батарей и всё начальство города бежало в горы. Солдаты гарнизона и все те, которые могли спастись с кораблей, бежали туда же. Около полуночи всё пространство, обнесенное каменной стеною, было охвачено пламенем пожара; часть же города, населенная греками и христианами, осталась невредимою.

Синоп был совершенно пуст и долго после боя в прибрежных волнах и на берегу валялись трупы убитых и видны были уничтоженные батареи. В уцелевших домах, по свидетельству австрийского консула, найдены только раненые и умирающие.

Вместе с кораблями и пушками, неприятель потерял почти весь десант, и высадка турецких войск на Кавказский берег сделалась невозможной. По собранным сведениям, в Синопском сражении погибло до 4-х тысяч человек турок; наша же потеря состояла из 37-ми человек убитыми и 299-ти раненых» [2, с. 16].

Уже в конце победоносного для русской эскадры Синопского сражения вице-адмирал П.С. Нахимов, с присущей ему человечностью и заботой, прежде всего о подчиненных, как будто постоянно ведёт словами писателя этот несмолкаемый внутренний диалог, оценивая эту победу ещё и ценой человеческих жизней: «Синоп горел. Зажженный только ли горящими обломками бывшего «Рафаила», разлетевшимися при его взрыве вдоль набережной, или ещё и гранатами с судов, он пылал в разных направлениях в турецкой части, в то время как греческая оставалась невредимой.

Это объяснялось просто тем, что пятая береговая батарея, наиболее сильная и по числу, и по калибру орудий, и по количеству снарядов к ним, и по своим укреплениям, находилась против турецкой части, прикрывала её, оставляя греческую без защиты, поэтому-то большая часть русских снарядов и направлялась против этой батареи, отчего неминуемо должны были пострадать и пострадали турецкие кварталы.

Нахимов предвидел это, хотя и знал, как неодобрительно посмотрят на это там, в Петербурге, да и в Севастополе, в Екатерининском дворце. Усердно глядя в трубу, он силился разобрать в дыму и пламени, цел ли ещё там хоть один дом с каким бы то ни было флагом, но не находил ни одного такого, явно консульского дома, хотя и сам же приказывал их «щадить по возможности».

Зато он видел и знал, как сильно пострадал в бою его флагманский корабль «Мария»: в нём было до шести десятков пробоин, причем несколько из них подводных. Командиру «Марии» Барановскому перебило обе ноги обломком мачты, разбитой турецким ядром. Мичману Костыреву, который был одним из флаг-офицеров Нахимова, оторвало осколком гранаты два пальца на левой руке; кроме него, ранено было ещё два молодых офицера и человек шестьдесят матросов. Шестнадцать матросов оказалось убито.

О потерях на других судах Нахимов ещё не знал, но предполагал, что они не меньше, и это его угнетало». [1, с. 250-251].

В эпилоге повести «Синопский бой» С.Н. Сергеев-Ценский, как бы подводя итог, этому кровавому событию начала Восточной войны, открывает нам подлинный и подлый замысел союзников Османской империи, преследующих всегда и везде лишь собственную выгоду: «Никакой случайности не было в том, что эскадра парусных судов под командой Османа-паши и эскадра паровых под командой англичанина на турецкой службе Следа сгруппировались в Синопе, под прикрытием мощных береговых батарей. По замыслу англо-французов, Синоп и был ловушкой, в которую неминуемо должен был войти русский флот, неми-



«Развалины города Синопа после Синопской битвы 18 ноября 1853 г.». «Русский художественный листок» В.Ф. Тимма. Лист № 27(2). Печатная литография. (Алуштинский литературно-мемориальный музей С.Н. Сергеева-Ценского. ОФ: ИМ/КИЦ-35).

нуемо завязать там сражение с турецким флотом и неминуемо при этом нанести большой вред городу, в сторону которого должны были лететь русские снаряды. Такими образом, создавался прямой и уже бесспорный повод для вмешательства в войну». [1, с. 278].

Успех русских войск на Дунайском театре боевых действий и победа русского флота у Синопа, фактически поставили Османскую империю на грань поражения в этой войне, если бы не помощь её союзников Великобритании и Франции. Действия русского флота дали повод мировой прессе, и прежде всего британской, преподнести эту русскую победу под видом «Синопской резни». Что в конечном итоге дало повод Великобритании и Франции в марте 1954 г. вступить в войну против Российской империи на стороне Порты.

Дальнейшее описание событий Восточной войны, связанное с иностранной интервенцией и героической обороной города-порта Севастополь в 1854-1855 гг., нашло своё документально-художественное отображение в исторической эпопее С.Н. Сергеева-Ценского «Севастопольская страда». Там мы находим, наряду со многими другими сюжетными линиями, и дальнейшее раскрытие образа вице-адмирала Павла Степановича Нахимова и трагическое, но доблестное подведение итогов его рыцарского служения к славе военно-морского флота Российской империи.

Литература:

Сергеев-Ценский С.Н. «Флот и крепость: Повести и рассказы». Симферополь: Таврия, 1983 г.- 336 с., ил.

Н.Ф. Дубровин «История Крымской войны и обороны Севастополя» Н. Дубровин. Т.1 СПб, 1900 г., 438 с., с картами и планами.

Фонды Алуштинского литературно-мемориального музея С.Н. Сергеева-Ценского:

-«Русский художественный листок» В.Ф. Тимма, лист №25, лист № 27(1,2). Печатная литография. Оф: ИМ/КИЦ-34, ИМЕИЦ-35.

- Писатель С.Н. Сергеев-Ценский. г. Москва, 1941 г. Фотопортрет, ч./б. Оф: МФ-10.

Интернет ресурсы:

-Севастопольское благочиние / <https://hersones.org/blagochinie> -Википедия- «Памятник Адмиралу П.С. Нахимову». / <https://ru.wikipedia.org/wiki> -Главный исторический портал страны, История РФ./ <https://histrf.ru/read/biographies/pavel-stepanovich-nahimov>; -Тимм В. Ф. (Георг Вильгельм). /<https://rusmuseumvrm.ru>

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

заседания правления РОО «СПК»

г. Симферополь от 27 мая 2025 года

Присутствовало дистанционно: 7 человек

ПОВЕСТКА

2. О внесении изменений в условия публикации материалов в журнале «Белая скала». Докладчик М. Полякова.

РЕШЕНИЕ

По второму вопросу сообщено следующее: в связи с подорожанием услуг по дизайну и вёрстке электронных изданий РОО «Союз писателей Крыма», предлагается взимать благотворительный сбор с авторов, публикуемых в журнале «Белая скала», в размере 350 рублей, не зависимо от объёма публикации.

Решение: принять данное предложение.

Решение принято единогласно.

Председатель правления РОО «СПК»: Е. Данилова

**ПРАВИЛА ПРИЕМА МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ
В ЖУРНАЛЕ «БЕЛАЯ СКАЛА»**

Уважаемые авторы, прошу внимательно изучить правила приема ваших материалов для публикации в нашем журнале.

1. Высылать материалы следует в трех файлах с названием (био, фото, текст): - в первом — краткая творческая биография автора (указать членство в литературных союзах и объединениях, если есть; самые яркие достижения; в каких изданиях публиковались произведения, если есть); в начале автобиографии указывать фамилию, имя, отчество без сокращений; - во втором - портретное фото автора; - в третьем - тексты, предлагаемые к публикации (не более 10-ти страниц).

2. Требования к текстам, предлагаемым к публикации в журнале:

2.1. Изложение текста должно быть грамотным в соответствии с правилами орфографии и пунктуации русского языка. При наборе текста обращать внимание на красные, синие и зеленые волнистые подчеркивания авторедактора. Текст должен быть выверен по тире и дефисам, пунктуации, синтаксису и орфографии, а также по единому стилю кавычек — «».

2.2. Не следует копировать тексты, где есть переносы — в новом тексте они стоят порой в центре строки вот в таком виде — авто-мат, голо-лёд и т.д.

2.3. Избегать копирования с книг и прочих носителей, которое даёт текст с затемнённым или цветным фоном.

2.4. Каждая строка в стихотворных текстах должна начинаться с заглавной буквы. В текстах стихов должна соблюдаться стихотворная строка. Первая строка в название стихотворения не выносится, в этом случае ставятся * * *.

2.5. Название произведения выделяется капслоком (заглавными буквами); названия стихотворений и прозаических произведений, а также звёздочки (* * *) должны располагаться посередине страницы прозы или текста стихотворения. Точка после имени и фамилии автора, а также после названия не ставится.

2.6. Сноски внизу страницы и эпитафии набираются курсивом. Эпитаграф выносится вправо.

2.7. В тексте обязательно соблюдаются абзацы — корректор не всегда может определить их уместность.

Абзацный отступ «красной» строки задается не пробелами и табуляциями, а с помощью отступа (формат — абзац — первая строка - отступ)

2.8. Вид шрифта Times New Roman, кегль №14, межстрочный интервал 1,0

2.9. Перед текстом указывать фамилию, имя (псевдоним), место жительства автора.

2.10. Если есть иллюстрации, то высылать их следует отдельным файлом в архивной папке с названием «иллюстрации».

2.11 Высылать материалы для публикации на электронный адрес skala_b@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Марина Трусевич. Предисловие	3
ПОЭЗИЯ И ПРОЗА	
Александр Андриюхин, г. Москва	
Стихотворения	6
Светлана Аленикова, п. Зуя, Крым	
Стихотворения	14
Валерий Сухов, г. Пенза	
Поминальный триптих	24
Марина Воронцова, г. Ленинск-Кузнецкий, Кузбасс	
Звезды бывают разными. Рассказ	29
Наталья Меркушова, п. Сатинка Тамбовской области	
Стихотворения	32
Надя Красовская, г. Тюмень	
Авокадо спешит на помощь. Рассказ	37
Почему осень проказница? Рассказ	38
Марина Ермакова, г. Тамбов	
Стихотворения	40
Сергей Абакумов, г. Тверь	
Смерть не разлучит нас. Рассказ	45
Поговори со мной, Господи. Рассказ	46
Кот. Рассказ	48
Мария Смирнова, г. Питкяранта, Карелия	
Стихотворения	52
Дмитрий Дарин, г. Москва	
Подарок. Рассказ	56
Животное. Рассказ	65
Александр Настасьин, г. Симферополь	
Стихотворения	69
Екатерина Воробьева, г. Санкт-Петербург	
Письмо. Рассказ	76
Веник Аграфены. Рассказ	78
Шафран. Рассказ	79
Елена Гусева, г. Москва	
Стихотворения	81
Марк Верховский, США, г. Элизабет	
В один прекрасный день. Рассказ	83
Яков Шафран, г. Тула	
Времени ток. Стихотворения	88

Сергей Шилкин, г. Салават, Башкортостан	
Стихотворения	93
Наталья Смехачёва, г. Торжок Тверской области	
Стихотворения	101
Майя Сиволобова, г. Севастополь	
Счастье материнства. Рассказ	106
Сергей Филатов, г. Бийск	
Недорожденная весна. Рассказ	108
Владимир Добротворский, с. Большая Талда, Кузбасс	
Стихотворения	119
Леонид Нетребо, г. Санкт-Петербург	
Капля. Рассказ	128
Лариса Неводничик, г. Белово, Кузбасс	
Стихотворения	134
Наталья Окенчиц, г. Геленджик	
Стихотворения	138
Марат Кулатаев, г. Тараз, Казахстан	
Покупки. Рассказ	146
КЛАДОВАЯ МАСТЕРА	
Елена Яковлева, г. Саки, Крым	
Гурзуф: любовь с первого взгляда. Фото и рисунки	149
ГОСТЬ ЖУРНАЛА	
Ирина Соляная, г. Калач Воронежской области	
Сказ про тёшиньку зломудрую. Рассказ	154
Проказы непогоды. Рассказ	158
Жили долго и счастливо: всегда ли так заканчивается сказка? Очерк	162
ЗАГАДКИ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ	
Андрей Дмитрук, г. Киев	
Певец несбывшегося. К 145-летию со дня рождения Александра Грина.	
Цикл очерков	166
ЭХО ФЕСТИВАЛЯ	
Ариолла Милодан, пгт. Кореиз, Крым	
Стихотворения	182
Татьяна Мажорина, г. Волгодонск	
Я помню фронт. Очерк	193
Новенький. Стихотворение	197
Равиль Валеев, г. Евпатория	
Стихотворения	198

Ирина Никитина , г. Севастополь	
Балаклавская бухта и путешественники. Очерк	200
Светлячки. Стихотворение	202
Альбина Фандикова , г. Саки	
На перекрестках вдохновения. Стихотворение	203
Счастье в коробке. Стихотворение.....	204
Наталья Шадловская , г. Красноперекоск, Крым	
Варькины возможности. Рассказ	205
Марина Старовойтова , с. Пруды, Крым	
Здесь дом родной, а дома –хорошо!. Стихотворение	208
Андрей Ходус , г. Симферополь	
О внутреннем и внешнем человеке. Очерк.....	209
Наталья Иванова-Харина , г. Сергиев Посад	
Гений Волошина. Стихотворение.....	211
Леонид Селезнев , г. Норильск	
Стихотворения	212
Надежда Шестакова , с. Червоное, Крым	
Что значила война. Стихотворение.....	213
Нина Волкова , г. Симферополь	
Стихотворения	214
Валентина Порва , г. Саки, Крым	
Стихотворения	216
Влада Наукович , г. Саки	
Стихотворение	217
Наталья Комарова , г. Алупка	
Стихотворение	219
Галина Плачкова , г. Саки	
Прощенное Воскресенье. Рассказ.....	220
Трубникова Светлана , г. Симферополь	
Если любовь отражается в секундах. Рассказ	222
Марина Морская , пгт. Новоозёрное, Крым	
На смене эпох. Стихотворение	223
ПУБЛИЦИСТИКА	
Наталья Иванова-Харина , г. Сергиев Посад	
Хлебнувшая лиха сполна. Очерк	224
Ирина Ягнур , г. Санкт-Петербург	
Образ вице-адмирала Павла Степановича Нахимова в повести «Синопский бой» С.Н. Сергеева-Ценского	227
РАЗНОЕ	
Выписка из протокола заседания правления РОО «СПК»	238
Правила приема материалов для публикации в журнале «Белая скала»	239



МАРИНА ТРУСЕВИЧ
Главный редактор журнала
E-mail: marina-2160@mail.ru



ИРИНА НИКИТИНА
Первый заместитель
главного редактора журнала
E-mail IrinaNikita@yandex.ru



ВЕРА ГРИБНИКОВА
Заместитель главного
редактора журнала
E-mail rosa2602@mail.ru



НАТАЛЬЯ КОНДАКОВА
Дизайн обложки и верстка

Ежеквартальный интернет-журнал
Web-сайт: pisatelcrimea.ru

18+

Рукописи принимаются только в электронном варианте
Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов

Белая **СКАЛА**

